

Олег Вороной

ЖАР-ЗВЕРЬ

Издательство «Перо»
Москва, 2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

*150-летию В.К. Арсеньева
посвящается.*

Вороной О.Н.
В75 Жар-зверь. – М.: АНО Центр «Амурский тигр»,
2021. – 308 с., илл.

ISBN 978-5-6044957-3-5

Иллюстрации – Михаил Рыдванский

*Книга подготовлена и издана при поддержке
АНО «Центр «Амурский тигр»*

**ЦЕНТР
АМУРСКИЙ
ТИГР**

ISBN 978-5-6044957-3-5

© Вороной О.Н., 2021

Синопис на книгу «Жар-зверь»

Символом Дальневосточной тайги является амурский, или как называют зарубежные экологи, сибирский тигр. Во всех отношениях удивительное животное. И с точки зрения биологии – вершина хищных млекопитающих, и с точки зрения экологической политики – знаковое животное, основной «конкурент» человеку. И даже политики будущего человечества: сохранится среда обитания тигра, – сохранится среда обитания человека. Сибирь и Дальний Восток сейчас – единственное лёгкое нашей планеты.

Так сложилась моя судьба, что с 11 лет я стал думать об отношениях тигра и человека, так как тигр покалечил моего отца. А в дальнейшем стал писателем, описывая невыдуманные истории о взаимоотношениях тигра и человека. Благо вырос в этой среде и живу сейчас. О чём мои рассказы? Конечно же о тигре, как о диком животном, о его повадках, о его красоте, об его уме, об его восприятии человека, об его месте в Природе. Конечно же мои рассказы о человеке. О человеческих слабостях, о человеческих достоинствах, о человеческих чувствах, о человеческих поступках – о всём том, что отличает человека от животных. Так же мои рассказы об отношении человека к Природе. С древнейших времён человек всецело зависел от дикой природы и так же зависит и сейчас, несмотря на то, что планету Земля он уже обустроил на свой вкус и продолжает преобразовывать. Но планета меняется не только потому, что руководители стран выполняют волю народов, конкурируют с соседями, участвуют в техническом прогрессе, что

в столицах принимаются законы и вырабатывается политика для природы. Природа меняется не только потому, чадят мегаполисы, что строятся дороги, нефтепроводы, летают в космос. Природа меняется так же потому, что 30% сельского населения, занимающая 90% территорий, непосредственно своими руками и ногами меняют ландшафт, меняют климат, меняют жизнь. Вот и пищу и для горожан – руководителях прогресса, и для сельчан – исполнителях земных преобразований, и для взрослых – тех, кто сейчас работает, и для детей – тех, кто сейчас учится жить, в надежде, что рассказы о самом ярком животном – тигре, наиболее эффективно будут помогать сохранять Природу.

В предлагаемой книге собраны ранее опубликованные рассказы из разных сборников. Они прошли отбор среди различных литературных конкурсов, оценены читателями разных стран, иллюстрированы удивительным художником. В значительной мере художник Михаил Рыдванский повлиял своим творчеством и на моё творчество. Никто ещё так не рисовал тайгу и тигра как Михаил Рыдванский. И многие рассказы появились благодаря этому человеку, потому что старообрядцев.

*Олег Вороной,
Приморье*

О книге, об авторе и тиграх

Всегда сложно оценивать то, в чём в силу профессии и жизненного опыта ты разбираешься. Шкалы «нравится / не нравится» уже недостаточно, и волей-неволей начинаешь анализировать труд по дополнительным, уже профессиональным параметрам.

Поэтому перед прочтением рукописи «Жар-зверь» у меня было опасение, что путь, который выбрал автор — пересказ историй о тигре и описание встреч с хищником, — выбран зря. Многие специалисты по тигру начинали с этого свой литературный поход за сердцами читателей, и у них было больше, чем у Олега Николаевича Вороного, времени и возможностей изучить тигра и, как следствие, понять различные стороны взаимоотношений между редким половатым хищником и человеком.

Я был готов к повторениям, любованию автора самим собой или даже откровенной лжи. Но закончив, я поймал себя на мысли, что самое главное в этой книге — это её искренность и честность. Как-то в одном из своих интервью Виктор Цой сказал: «Нам за честность могут простить практически всё: и, скажем, недостаточно профессиональную игру, и даже недостаточно профессиональные стихи... Но когда пропадает честность — уже ничего не прощают». Так и автор «Жар-зверя» честен во всем, в том числе в своих повторениях, убеждениях и заблуждениях.

Честность — это именно то, чего нам сейчас очень остро не хватает. Многие из тех, кто в наши дни пытается говорить или писать о тиграх, особенно о конфликте с ними, поддаются соблазну в угоду пиару и нарциссизму либо сделать из себя героя, либо выдавить у читателя слезу. Это вводит в заблуждение и всегда обрекает или тигра,

или человека на роль антигероя. Читателя подталкивают к безоговорочной поддержке одной из сторон конфликта, под давлением он делает выбор и навсегда остаётся с ним. С этого момента все, кто не разделяет его точку зрения, за редким исключением, по умолчанию плохие. Будь то честный охотник, сборщик женьшеня или тигр. Кто не с нами — тот против нас.

Авторы этих книг и историй рассказывают не о тигре, не о тайге и не о людях, их цель — рассказать о себе любимых, напомнить о себе и убедить всех, что они — главные спасители или тигров, или человечества. История расставит всё на свои места, и я уверен, что правыми окажутся не те, кто громче всех кричит, а те, кто занимался делом.

На фоне этого судилища теряются по-настоящему важные вопросы, главный из которых — «Как человеку и тигру жить рядом друг с другом?».

Встреча с тигром один на один в тайге — это всегда страшно. Вернее, обычно такие встречи делятся на три категории: страшно, очень страшно и шок. Сначала человек впадает в оцепенение. Через непродолжительное время, в норме, тигр исчезает из вида в зарослях тайги, а воображение человека начинает дорисовывать детали этой встречи. И вот когда он уже отошёл от шока и направляется домой, в зимовье или в палатку к друзьям, семье или коллегам, у него уже в голове сформировалась «новая» история о том, как прошла встреча с тигром. Именно поэтому некоторые рассказы в книге выглядят фантастичными в деталях, но по своей сути все они правдивы. В любом конфликте виноваты две стороны, но среди тигров гораздо меньше подлецов, по крайней мере, я ещё ни обо одном не слышал и не читал.

Олегу Николаевичу удалось довольно точно, не занимая чьей-либо стороны, передать свои ощущения от этих историй и придать им литературный облик, устояв при этом перед соблазном сделать себя их участником.

Конечно, с точки зрения специалиста рука тянулась вносить редакторские правки, ловить автора на несоответствии, к примеру, в названии тех или иных предметов обихода, или сетовать на повторы прописных истин. К счастью, рукописи не коснулась рука цензора, так как рассказы — это в первую очередь истории людей. При этом многие из этих историй поведаны по прошествии длительного времени, и, конечно, память имеет свойство подводить. Возможно, что так даже честнее: человек запомнил историю так, как запомнил. Что же касается повторов прописных истин, которые возникли из-за того, что это сборник отдельных рассказов, даже на пользу — их соблюдение спасёт не одну тигриную и человеческую жизни.

Книга обязательна к прочтению тем, кто хочет не бояться тигра и хоть раз задумывался на тем, что тигр достоин того, чтобы жить в дальневосточной тайге по соседству с людьми. По своей сути сборник «Жар-зверь» — это написанное «Спасибо!» всем людям, кто, проживая постоянно или временно в ареале амурского тигра, регулярно его встречая, сделал так, чтобы мы могли и сейчас ощущать присутствие тигра в лесу.

*Сергей Арамилев,
генеральный директор
АНО «Центр «Амурский тигр», к.б.н.*

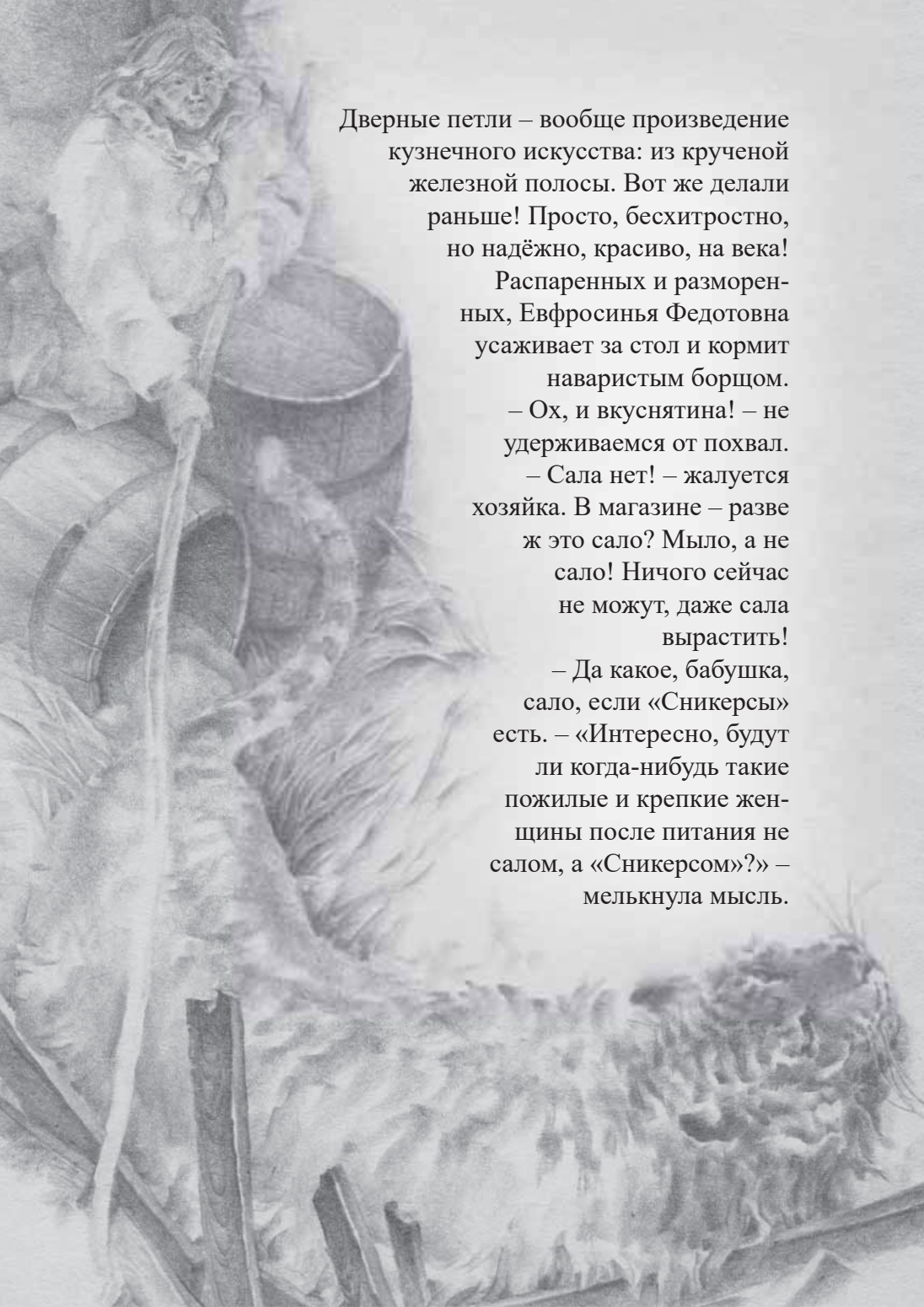
РУССКАЯ Я

– И-и-и, милай! Да ежели б за меня кто-то делал, не дожила б я до восьмидесяти двух. Поставь ведро! Сама я воды принесу! Сама!

Раскрыв рот от изумления, стою посреди двора и не знаю, что ответить. А что тут скажешь? Восьмидесятидвухлетняя женщина топит баню и таскает воду для нас – троих молодых и здоровых мужиков! И пикнуть не даёт! – не то что дров или воды принести. Такую и язык не поворачивается назвать старухой! Вот это женщина!

– Идите в баню!

Эх, хороша банька! Старая-престарая: пол местами провалился, печь потрескалась, потолок провис, а жар держит! Небось, столько же лет, сколько и хозяйке. Я люблю разглядывать всё старинное – видно, какую жизнь прожила вещь, сколько времени со временем боролась, особенно интересно сравнивать с хозяином. На хозяев не только бывают собаки похожи, но и дома и бани. А эта баня долго служит: в печь вмурован старинный чугунный котёл – сбоку, наверное, ещё дореволюционное клеймо с буквой «ять». Полók из чёрных-пречёрных не пиленных, а колотых и тщательно вытесанных топором досок. Когда делали эти доски, не было у хозяев пилы и рубанка. Вот бы узнать, почему? Кадка для холодной воды выдолблена из целого ствола липы. Давно такие не делают! И не сгнила почему-то, хоть в сырости-мокрости стоит. Неужели из-под мёда? Помню, ещё в детстве мой дедушка рассказывал, что такие колоды делали для перевозки и хранения мёда, а чтобы веками служили, их пропитывали воском. Гвоздь в стену вбит тоже старый: четырёхгранный, кузнецом когда-то выкованный.

Дверные петли – вообще произведение кузнечного искусства: из крученой железной полосы. Вот же делали раньше! Просто, бесхитростно, но надёжно, красиво, на века!

Распаренных и разморенных, Евфросинья Федотовна усаживает за стол и кормит наваристым борщом.

– Ох, и вкуснятина! – не удерживаемся от похвал.

– Сала нет! – жалуется хозяйка. В магазине – разве ж это сало? Мыло, а не сало! Ничого сейчас не могут, даже сала вырастить!

– Да какое, бабушка, сало, если «Сникерсы» есть. – «Интересно, будут ли когда-нибудь такие пожилые и крепкие женщины после питания не салом, а «Сникерсом»?» – мелькнула мысль.

– Сникерсы-помрикеры! Раньше мужиков не было из-за войны, а сейчас из-за «сникерсов», – словно угадав мои мысли, заявила хозяйка. Сказала и задумалась.

В доме много фотографий. Все старые, на них парни, молодые мужчины в военной форме, женщины в платочках.

– Так вы, Евфросинья Федотовна, давно одна?

– Давно! Муж с войны не вернулся, детей сама ростила. А потом сыновья помёрли. Одного машиной задавило, другой радиацию в армии грузил, помер тоже. Внуки от них остались да дочкина семья. Навещают, в гости приезжают. А как же! Кто же им ещё скажет жисть русскую... И опять задумалась.

– Евфросинья Федотовна, можно мы вам изгородь отремонтируем – вон совсем завалилась? – уже не знаем, как ещё отблагодарить хозяйку.

– Не трогайте, хлопцы, – это про тигра память.

– Про тигра?! Здесь был тигр?!

– Был. Свиной моих резал. Я тогда четверых кабанчиков держала да гусей с курами. А он вечером пришёл – я уж спать собралась. Сначала гуси зашумели, а потом слышу – свиньи кричат. Думала – волк залез. Осерчала я. Зашла в сарай, схватила жердину и давай по нему бить! Его хорошо видно: кабанчики мои белые, а он тёмный. Бью его по голове, бью, а он возьми да и рявкни. Так я и села...

– Евфросинья Федотовна, а тигр был маленький?

– Не-е-а, большой. Мои кабанчики тогда по полтора центнера были, а он был как два кабанчика.

– Евфросинья Федотовна, вы видели, что это не волк, и всё равно по нему били?!

– Видела и била. Говорю ж – осерчала. Русская я.

МАТЬ-ГЕРОИНЯ

– Повесить радиоошейник на тигрицу несложно: главное – найти тигрят. Зимой находишь район, где свежие следы тигрят, садишься в вертолёт и летаешь, ищешь. Сверху на снегу даже белку хорошо видно. Находишь, снижаешься до предела – тигрята от вертолёта не убегают – и стреляешь летающим шприцем со снотворным. Потом спускаешься к ним по лестнице, надеваешь на спящих радиоошейник и или сразу сидишь на дереве и ждёшь их мамку, или позже её где-нибудь перехватываешь: с радиоошейниками с точностью до метра по спутниковой системе можно определить местонахождение тигрят. А когда знаешь, где тигрята, тигрицу выследить уже не трудно.

Но я уже не участвую в этом проекте – не нравится мне, что тигрята до смерти пугаются. Ушёл, как и друг мой, который с медведями работал.

Не слышал, что и на медведей пытались ошейники надевать? Медведь, кстати, несмотря на широкое распространение и большую численность, тоже является малоизученным животным. И за медведем радиослежение пытались наладить ещё до тигриного проекта. Но медведь, как оказалось, не терпит на себе ошейника, в отличие от тигра. Тигр с ошейником ходит, а медведь – ни за что! Из шкуры вылезет, но от ошейника освободится! Мучились-мучились с медведями и решили зашивать капсулу с радиопередатчиком им в брюшину. Вот друг и не выдержал такого обращения с животными. И дело тут не в брюшине, а в том, что медведей ловят петлёй, как, впрочем, тигра и леопарда. Но если тигр и леопард, попав в петлю, ведут себя более-менее спокойно, то медведь за час, пока учёные, получив по радио

сигнал, что петля сработала, доберутся до медведя, – он такое успеваешь натворить, что диву даёшься на медвежье свободолюбие! Он всё вокруг крушит и превращает в щепки и с такой силой затягивает петлю на лапе, что лапа теряет чувствительность, медведь начинает её грызть, откусывает себе пальцы. А без когтей медведь – считай покойник. Он начинает голодать, выходит к деревням, на свалки, убивает скот и в итоге погибает, успев натворить много бед. Поэтому мой друг бросил этот проект со скандалом и уехал в Лазовский заповедник. Там он стал ремонтировать испорченные берлоги.

Не слыхал? В газетах про это писали. Охотники, чтобы достать гималайского медведя из дупла, где он зимует, пропиливают снизу отверстие, выкуривают медведя, убивают, а отверстие не заделывают. А медведь сквозняков не любит и в дырявую берлогу уже не ложится. Вот и мало стало медведей, потому что зимовать им просто негде. Поэтому друг ходил по тайге, берлоги ремонтировал. А потом, говорят, пытался медведей отучить на пасеки за мёдом ходить с помощью бьющей током изгороди.

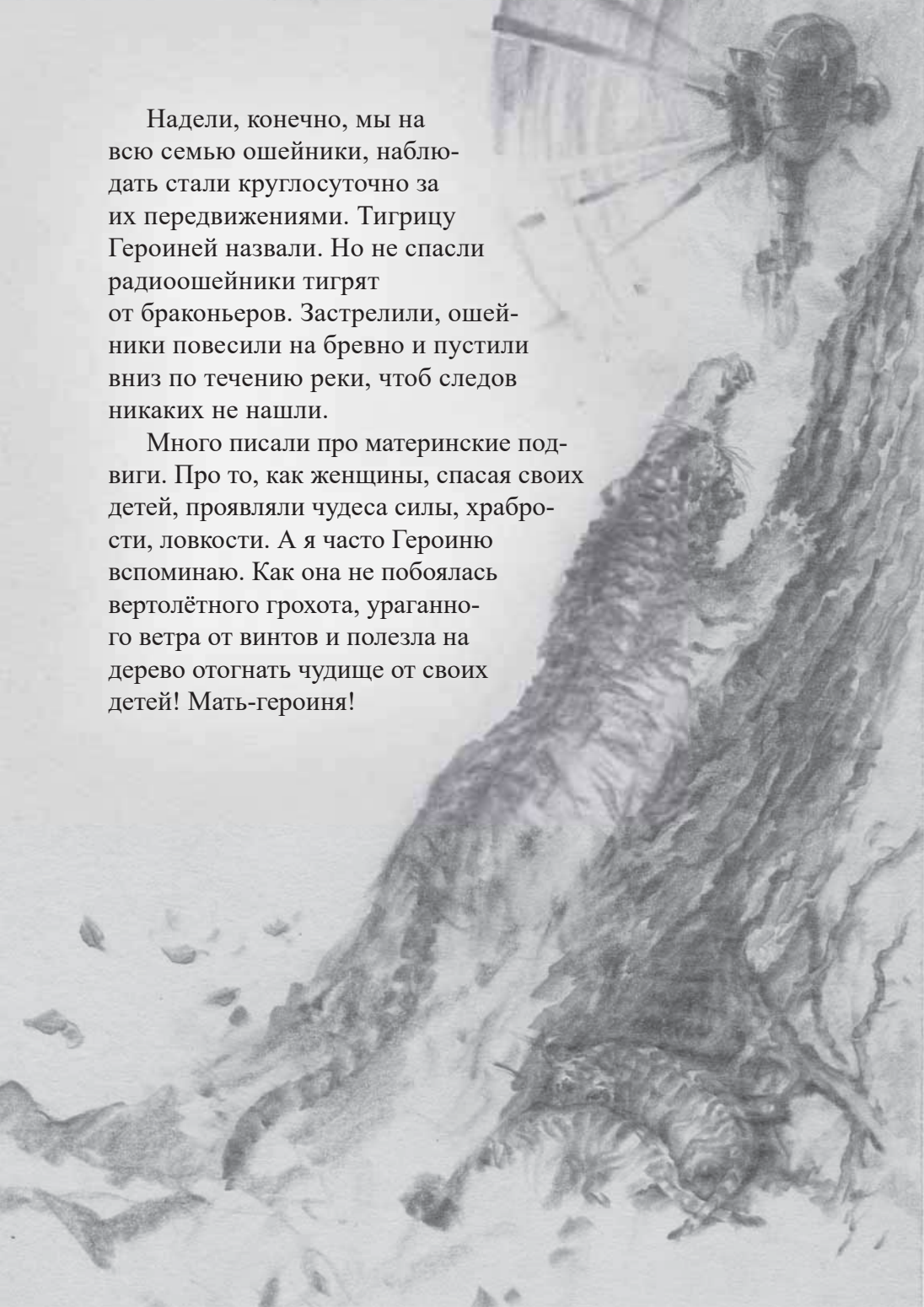
Вот и я посмотрел на испуганных тигрят и сомневаться стал в правильности такой методики. Конечно, наука требует жертв, конечно, может, по-другому сейчас просто никак нельзя, но не лежит душа к такому. Всё человек эксперименты с природой устраивает. Сначала тайгу выпиливает, и тигров становится мало, потом за последними тиграми на вертолётах гоняется, чтобы ошейники на них надеть и изучить.

Вот три года назад нашли тигрят, зависли над ними на вертолётке, а они под наклонное дерево забились и сидят. Только сбросили лестницу – и спускаться, а тут тигрица бежит! Бежит своих тигрят спасать!

Подбежала и на дерево полезла! До верха долезла и давай лапой! вертолёт! отгонять!

Надели, конечно, мы на всю семью ошейники, наблюдать стали круглосуточно за их передвижениями. Тигрицу Героиней назвали. Но не спасли радиоошейники тигрят от браконьеров. Застрелили, ошейники повесили на бревно и пустили вниз по течению реки, чтоб следов никаких не нашли.

Много писали про материнские подвиги. Про то, как женщины, спасая своих детей, проявляли чудеса силы, храбрости, ловкости. А я часто Героиню вспоминаю. Как она не побоялась вертолётного грохота, ураганного ветра от винтов и полезла на дерево отогнать чудище от своих детей! Мать-героиня!

КРАСОТА

– Ильич, а у тебя дочка красивая?

– Молодая.

– Красивая?

– Молодая.

– Ильич, ты что – не можешь оценить красоту своей дочери?

– Я и говорю: молодая.

– А я не понимаю – что значит «молодая».

– Да потому что сам ещё молодой. А молодые все красивые, все привлекательные. Вот и дочка. Пока глядеть приятно. А когда ей лет сорок стукнет, тогда я тебе скажу: красивая или нет. У женщин, сам знаешь, бывают после родов неприятные для внешности изменения. Или болезнь какая серьёзная, они «расплываются», становятся «вечно беременными». Или просто сами перестают за собой следить: если любит, то и с такой будет жить. Может, и будет, только как? Ведь пузо и красота – вещи несовместимые и... взаимоисключающие. Поговорка вот есть: «Худеть – молодеть, полнеть – стареть». Да и те же большие и красивые в юности глаза в пожилом возрасте могут оказаться ужасно некрасивыми. «Всякая Баба-яга в молодости была русалкой»...

Ильич, лет пятидесяти пяти, с выбеленным проседью заливчатским чубом, жилистый, стремительный в движениях, сидит у окна охотничьего зимовья, поглядывает на валивший крупными хлопьями снег и размашисто штопает прохудившиеся шерстяные носки. Чуб согласно кивает его словам. А за окном начинается длинная зимняя сказка о бесконечной снежной красоте.

– Вот и получается, – продолжает Ильич, – что «худеть – молодеть» – это быть более привлекательным, быть более красивым. Хотя и говорят, что о вкусах не спорят, но!.. – Тут он старательно, глядя сквозь очки, попытался вдеть новую нитку, получилось с первого раза, он, довольный, встряхнул чубом и продолжил. – Но, крути не крути, а любителей пышных форм гораздо меньше, чем любителей изящества, гибкости и грациозности.

– Что становится классикой?

– Правильно: то, что нравится большинству, что приятно большинству. А большинству нравятся стройные. Стройные – это здоровые. Я отношусь к большинству. Попытался себя переделать, но никак. Ну не воспринимаю я женщин с «куриной» талией. Ну, противно мне, когда обнимаю, а ладонями чувствую не нежную кожу, не стройный стан, а слой сала. Разумом и сердцем понимаю, что женщина хорошая, душевная, сердечная, а глазами и ладонями – решительный протест. А как жить, если не любоваться, не обниматься? То же самое и к брюхатым мужикам относится. Ведь в брюхе у них не воздух – до двадцати пяти килограммов каловых масс! Два ведра дерьма в себе носят! Да ещё болезни, связанные с избыточным весом!

Вот художники. Есть «классики», есть «авангардисты». Классики, даже в самые «пышные» времена, женщин с животом не рисовали. Авангардисты – чего только не рисуют! И шиворот-навыворот, и уродство форменное пытаются за красоту выдать. Ну, они такие – «особенные», они получают наслаждение, когда люди их не понимают. Тогда они с умным видом разъясняют своё виденье: мол, «не доросли вы ещё до моей музыки». А трезво поглядеть на их чудачества, так и не поймёшь, где верх, где низ, где добро, а зло – так оно на их «шедеврах» везде. А по жизни ведь красота и доброта вместе идут. Плохо, когда уродство (демократия же!) входит в моду, и принимают уже «уродские законы», например, об

однополых браках. Тьфу! Ну, больной ты, это наукой уже доказано – сиди и не высывайся. Нет – надо напоказ, надо заявить о себе на весь мир и сделать всех такими же больными. Даёшь сексуальную мировую революцию! Почему, если человек заявляет, что он Наполеон, его изолируют от общества, лечат. И это нормально. А если мужчина заявляет, что он женщина, его не лечат!? Революция?

Ну, была уже революция 1917 года, когда вся страна погрузилась в разврат и мгновенно наполнилась беспризорниками. Чего только не пробовали и не вытворяли! Куда там нынешним сексуальным экспериментаторам! Хорошо, новая власть «вовремя» спохватилась, объявила семью ячейкой социалистического общества, основой построения коммунизма, а любовь – фундаментом семьи, а детей – своим светлым коммунистическим будущим... Это и спасло нашу страну.

Но, оказывается, и в дикой природе такое бывает! Когда численность популяции какого-нибудь вида достигает своего максимума, то... возникают однополые браки. Это защитный механизм от перенаселения, а значит, от голода и от эпидемий. Умничает человек, до Марса уже добрался, а от голода и от перенаселения, от войны избавиться не может. Как-то не так он живёт...

Ильич затянул узелок, откусил нитку, прищурившись, критически оглядел свою работу, довольно тряхнул своим чубом и продолжил.

– Вот Фёдор Достоевский в «Братьях Карамазовых» сказал: «Красота спасёт мир, если она добра. Но добра ли она?» Правильно сказал. Гениальные слова. Возьми дикую природу, тайгу ту же. Вот что в ней есть некрасивое? Да ничего! Всё в тайге красивое: и растения, и животные, и насекомые, и камни, и скалы, и даже корни-выворотни упавших деревьев. Всё, решительно всё – красивое! А почему? Да потому что эволюция отбирала самое здоровое, самое

удобное, самое устойчивое, самое сильное, самое крепкое, самое красивое.

– А кто в тайге самый красивый?

– Правильно: тигр! И не просто тигр, а молодая тигрица. Потому как и грация, и цвета – самые-самые. Вот уж действительно, красотища! Шедевр Дикой Природы! Красота Красот Красоты!

Сам посуды. Какое сочетание цветов: красно-жёлтый, белый и чёрный! А какая форма тела! Гибкое, сильное и пропорциональное тело. Ноги стройные и очень крепкие. Голова... ладная, округлая. Ничего не торчит, не выпирает: уши небольшие, морда вперёд, как у волка или медведя, не выступает. А как голова украшена! Уши спереди белые, сзади чёрные, но с яркими белыми пятнами, которые даже в темноте тигрятам видны. Между глаз начинается и идёт к затылку чёрная полоса, к которой примыкают боковые полоски, и они часто образуют узор, похожий на большой и красивый иероглиф, означающий на китайском языке «владыка», «повелитель», «великий дух».

Верхние и нижние губы спереди, а также подбородок до горла, грудь и живот белые. Бока верхних и нижних губ и угол пасти – чёрные...

Прикрывая глаза и шурясь, Ильич красочно и со смаком словами описывает внешность тигра, шевеля руками и пальцами, откидывая назад голову и встряхивая чубом, словно ваятель или живописец перед своим шедевром в минуты высочайшего вдохновения.

– Хвост... Хвост у тигров не длинный, не короткий, не тонкий и не толстый – пропорционален телу. И бывает окрашен по-разному. Чаще сверху он имеет окраску спины, а снизу – тон живота. Весь полосатый, полосы могут быть узкие или широкие. Бывает хвост весь рыжий и весь белый, но кончик его обязательно чёрный. Это не только хороший балансир во время стремительных прыжков по

пересечённой местности, но и точный индикатор тигриного настроения...

Ильич сделал паузу, прильнул поближе к окну, вглядываясь в летящие хлопья, медленно отодвинулся, очарованный, быстро на меня взглянул и, вздохнув, продолжил.

– У тигров роскошные усы. Пышные и длинные. Они как раз растут на ширину груди, и, пробираясь в темноте по густым зарослям, тигр ощупывает ими пространство перед собой. Кроме всего прочего, китайцы почему-то свято верят, что амулет из тигриного уса делает мужчин неотразимыми для женщин...

Короткий вздох, далёкий и светлый мечтательный взгляд, беспокойные пальцы взъерошили чуб.

– Пальцы на лапах всегда белые, пятки голые и тёмные, когти светлые, желтоватые, длинные, очень острые и крепкие. Как и у всех кошек, втягиваются в роговые чехлики. Кончик носа всегда розовый, с тёмными краями. На щеках пышные бакенбарды, особенно пышные у самцов. Над глазами всегда белые пятна с чёрными «загогулинами». Эти «загогулины» всегда разной формы, и в первую очередь по ним издали отличают разных зверей...

Пальцы Ильича задумчиво протарабанили по краю стола какой-то экзотический ритм, сжались, в заключение пристукунули костяшками, расправились, погладили кончиками изрезанную клеёнку.

– Глаза... Глаза у тигров... тоже очень красивые. Круглая радужка жёлтого цвета разных оттенков. От лимонного до... до фисташкового, зеленоватого и цвета холодного зелёного льда – меняется от настроения. Зрачок круглый, чёрный, бездонный, в минуты ярости сильно увеличивается и «мечет молнии». И вообще...

Ильич помолчал, поморщил лоб, вспоминая. Вскочил, дотянулся до книжной полки, нашёл нужный сборник, зашелестел страницами.

– И вообще. Лучше, чем Илья Сельвинский, про тигра никто ещё не написал. Вот послушай:

«...И вдруг меж корней – в травяном горизонтце
Вспыхнула призраком вихря
Золотая. Закатная. Усатая, как солнце,
Жаркая морда тигра!»

Красиво жестикулируя, выразительно и нараспев, Ильич читал стихи.

«...В оранжевый за лето выгоря,
Расписанный чернью, по золоту сед,
Драконом, покинувший храм,
Хребтом повторяя горный хребет,
Спускался Он по горам...
Порой остановится, взглянет грустно,
Раздражённо дёрнет хвостом,
И снова его невесомая грузность
Двигается сопками в небе пустом.
Рябь от ветра, ленивый, как знамя,
Он медленно шёл на сближение с нами...
Это ему от жителей мирных
Красные тряпочки меж ветвей,
Это его в буддийских кумирнях
Славят как бога: Шан-Жен-Мет-Вэй!
Это он, по преданью, огнём дымящий,
Был полководцем китайских династий.
Громкие галки над ним летали,
Как чёрные ноты рычанья его.
Он был пожилым, но не стар летами–
Ужель ему падать уже на стерво?
Увы, всё живое швыряет в запуск

Пороховой тигриный запах.
Он шёл по склону военным шагом,
Всё плечо выдвигая вперёд;
Он шёл, высматривая по оврагам,
Где какой олений народ –
И в голубые струны усов
Ловко цедил... излюбревый зов...»

– А? Каково? Как красиво написано! Вот что значит искусство! Вот что значит поэзия! Любой удивится. Любой задумается. Любой обратит внимание. Вот она, Красота Слова. Вот она, Красота Жизни. Вот она, КРАСОТА.

ТАЙГИНЯ

(Галине и Ирине, русским женщинам)

– Тук! Тук! Тук! Старичок-лесовичок, на тебе конфетку, а мне дай корешок.

– Тук! Тук! Тук! Старичок-лесовичок, на тебе печенюшку, а мне дай корешок.

– Тук! Тук! Тук! Старичок-лесовичок, на тебе шоколадку, а мне дай корешок.

К дуплистой старой липе подошла женщина, палкой-панцуйкой постукивает по стволу и, приговаривая, кладёт в дупло свои подношения.

Я стоял возле толстой, слегка наклонённой берёзы и разглядывал глубокие царапины, оставленные когтями огромного тигра. Он не раз помечал свою территорию, дотягиваясь до высоты более двух с половиной метров. Царапины были и совсем свежие, и уже заветренные. Видно, что тигр регулярно подходил к этому дереву, тёрся бакенбардами о ствол, чесал свои бока. В трещинах коры застряли тигриные шерстинки трёх цветов: белые, рыжие, чёрные. От дерева сильно несло кошачьим запахом. Рядом с деревом видны были тигриные поскрёбы – зверь катался по листве, сгребал её в кучи.

Сбоку послышался шорох, потрескивание сучьев, и прямо ко мне вышел из зарослей корневщик-таёжник. Поздоровался. Присели на валёжину. Разговорились.

Приблизилась и женщина, села в сторонке, с любопытством вслушиваясь в наш разговор. А разговор, как разгорающийся костерок, сначала метался с одного на другое о таёжном житье-бытье, но после моего вопроса о том,

что делает женщина в тайге, вдруг вспыхнул и разгорелся ярким пламенем.

– О-о-о, как она не хотела ходить со мной в тайгу! – не сдерживая эмоции, с жаром заговорил корневщик. И запыхал всюю таёжный рассказ об этой необыкновенной женщине.

– Да, подпоил меня вином, ирод! Так и соблазнил меня в первый раз в тайгу сходить. Да ещё с собой бутылочку красного взял. Как уставать начинала – подбадривал. Вот так и втянул, – неожиданно вставила женщина. – Я ведь городская. И комаров, и мошек, и клещей, и зверей – всего боялась. А он, видать, чувствовал, что заболит сильно и надолго, – очень настойчиво меня в тайгу водил, всему учил, вот и пригодилось. Восемь лет корнёвкой зарабатывала на лечение мужа, слава Богу, выздоровел. А теперь-то я уже сама в тайгу прошусь, саму в тайгу тянет...

– Так что ж не тянет, если получается, да ещё как! – с радостной ревностью расхвалился мужчина. – Везде корень находит! Привёз в позапрошлый год земли лесной под помидоры, высыпал посреди огорода, а она стала высаживать помидоры и нашла в этой куче женьшень!

Поехали всей семьёй на море купаться, так она и в море! нашла корень! Видать, в сильный дождь ручей подмыл бережок и вынес корень в море. А он в воде не тонет, прибило его волной к берегу, прямо под ноги Ей!

А с рыбалкой? Всю жизнь иногда на отдыхе рыбачила удочкой в ручьях, ну, неплохо получалось. А потом однокурсник пригласил в ботаническую экспедицию на Сахалин – по всему острову проехать, ягоды для селекции собирать. Сказала – поеду и всё. Ну, ладно, езжай. Только давай научу спиннинговать. Сахалин всё-таки – рыбацкий рай. Дал в руки спиннинг, отцепил с блесны якорь, показал, как держать, как блесну закидывать, как подматывать леску. На, говорю, тренируйся перед домом на полянке.

Нет – пару раз махнула, веди, говорит, на речку. Ну, ладно, пошли. Пришли. Выбрал место почище, посвободнее, показал, как и куда делать заброс, как должна идти блесна, прицепил к блесне якорь – всё как надо. Вот, говорю, стой здесь и тренируйся, чтобы точно блесна летала, леска не путалась. А сам пошёл было под перекат – новую блесну опробовать. Нет – опять пару раз махнула и идёт под перекат. Куда? – разозлился. Тут корчи. Зацепишь блесну – нырять за ней не буду. Нет, говорит, хочу здесь. Психанул, пошёл выше. Стою злой – вот же Господь женой наградил: как втемяшитесь что – не своротишь. А сам поглядываю: пора блесну отцеплять или не пора – прицепил же ловчую, обрывать жалко. Гляжу и глазам своим не верю: что-то тащит! Да крупное! Всё бросил – бегом! Кричу: не спеши, тащи аккуратнее! Не успел! Здоровенный ленок, почувствовав мель, забарахтался, развернулся мордой в глубину и... сошёл! Ну, ладно – спиннингистка готова.

Съездила на Сахалин, ухитрилась утереть нос бывалым рыбакам-лососятникам, вернулась, и тут началось! Хочу, говорит, научиться ловить хариуса. Ну, ладно, свозил пару раз, поймала – научилась.

На следующий год заявляет: хочу поймать такого ленка, какой тот раз сорвался. А это длиннее полуметра. Мелочь, говорит, ловить надоело. Ну, ладно, съездили тут неподалёку – поймала, потом ещё, потом ещё. Научилась.

На следующий год опять заявляет: хочу научиться ловить вишнёвого лосося – симу. Ладно, выбрал подходящее время – повёз. Приехали на место. Спрашиваю: по какому руслу пойдёшь? – там река разделяется. Повертела головой – пойду туда. Может, не туда? – там скалы, берега мелким ивняком заросшие, не подступиться к ямам и вываживать некуда. Нет, пойду туда! Иди. Минут через двадцать я обойду остров и выйду тебе навстречу...

Через треть часа подхожу потихоньку к ивняку – всхлипывание!

– Эй! Что случилось?

– Ой, пожалей меня! – на грудь падает.

– Что? Что?

– Да вот, поймала... подтянула... вывела в кустах... в руки взяла... а она... как даст хвостом в нос! Я её и обронила в воду!

Гляжу – не врёт: вся в свежей чешуе измазана.

– Ну, всё равно молодец! Поймала же.

На следующий день, ни свет ни заря: «Вези опять на то место, я должна её поймать по-настоящему». Ладно, поехали. Приехали, опять так же условились. Опять через двадцать минут подхожу к ивняку – опять всхлипывание!

– Что?

– Ой, пожалей меня! – Опять на грудь и уже рыдает в голос.

– Да что?

– Вот! – Открывает рот, а переднего зуба нет!

– Ёшкин кот! Что случилось-то?

– Она... меня... я... её...

Гляжу: опять в свежей чешуе!..

В общем, поймала рыбину, вывела в затопленный ивняк, и тут почему-то порвалась леска, и рыбина с блесной на губе стала уходить. Ну, рыбачка всей грудью – на рыбу, где-то что-то поскользнулась, запнулась, упала, вышибла себе зуб, а рыба с блесной благополучно ушла...

Думал – успокоится после этого. Ага! Аж два раза! Стала журналы рыбацкие читать, все способы испытывать, все снасти обкатывать, всех рыб ловить и все рыбалки осваивать. И летние, и зимние. Страсть! Вот же страсть!

А по охоте? Такая же «катавасица». Стоит Тайгине моей в лес пожаловать, так такое ощущение, что все звери, что поблизости, это чувствуют и все сбегаются, чтоб на неё по-

смотреть. Кто только к ней не подходил!? Олени, кабаны, медведи, тигры – все! И даже: сидела зимой в тайге у костра, отогревала ноги, сушила обувь, так соболь! Не просто мимо пробежал, а прямо к ногам, что к огню протянуты!.. Я вскоре пришёл к костру – свежие соболиные следы прямо к костру!

На корнёвке вот. Уже примета верная есть: если Тайгиня услышит тигра, или увидит, или просто запах его почувствует – рядом корень! Уже десяток таких случаев!..

– Тайгиня... Тайгинюшка... – на разные лады ласково произнёс он. Таёжник с любовью и любопытством оглядывает ладную фигуру жены, будто давно не видел и, веря и не веря в своё счастье, вот наконец-то снова увидел.

Вздыхнул глубоко. Встал. Попрощался. Пожелал удачи. Приобнял жену, и они шагнули в заросли.

Долго ещё были слышны шаги этих счастливых. Потрескивали сучья, потом донеслось перестукивание палками: «Тук-тук: ты где? Тук-тук: я рядом. Тук-тук: ты где? Тук-тук: я с тобой».

А я всё сидел и сидел, дышал и дышал тайгой, глядел и глядел на заросли и небо, и снова и снова, и там и здесь видел счастьем блестящие глаза супругов. Видел воочию такое загадочное и такое простое, такое далёкое и такое близкое, такое трудное и такое лёгкое, к чему наяву прикоснулся, что подержал на своих ладонях, – Человеческое Счастье.

ЖАР-ЗВЕРЬ

Тихий тёплый вечер спелой осени 1991 года. Ещё вчера приморская тайга стонала и содрогалась от грубой неистовой силы глубокого циклона, что не ко времени ворвался в ещё не обнажившиеся заросли, окатил ледяным ливнем и, не давая опомниться, придавил мокрым снегом. Да не рассчитал силушку. Встрепенулась тайга, поднялась – и давай стряхивать с себя белую, холодную и липкую тяжесть. Не ко времени снег, не ко времени. Ещё не отполыхали красные кленовые костры, не отшептали золотые сказки вековые дубы, не покинули тёплое небо бабочки и мошки, не остекленели взгляды лужиц и озёр, не отблагухала густым ароматом пряная земля. И полетели наземь обрывки белых одеял. Заликовал пернатый народ, засуетился: «Это не зима! Это не зима! Это не зима!» И всяк по-своему стал расправляться с непрошеным снегом. Размотали свои тончайшие лески пауки, вылавливая всё нерастраченное тепло, поползла по белому снегу мошкара, на глазах темнея и загорая до черноты, деревья, поспешно сбросив ненужную белизну, следом сыпанули остатки листы, хороня чуждый холод. Скала, влажно поблёскивая, мокреет, темнеет, льнёт к боку сопки, словно пригреваясь и подрёмывая.

Неожиданно яркий день словно вспыхнул с новой силой. На скале полыхнул золотым самородком тигр и, словно осознавая свою значимость, застыл на самой вершине. Жар-зверь! Мир, подсвеченный золотым тигриным светом, понемногу затих. Солнце, до этого медленное и гордое, заторопилось, растерянно замигало, заозиралось, высма-

тривая среди сопок удобную, скрытую от всех ложбину, и покатилося на ночёвку. Что оно теперь? Ну, осветило, ну, погрело. А настоящий повелитель тайги вот он – на скале. Есть ли ещё в мире кто-нибудь с таким ярким жёлтым светом? Нет никого. Ни на небе, ни на земле. Есть ли кто ещё среди живых существ, про кого большинство населения планеты сочиняет сказки, которому поклоняются, которого так боятся, которым так восхищаются? Нет таких. Подавляющее большинство людей чтят прежде всего тигра, и многие хотят обладать тигриными качествами. Может, потому, что иногда кому-нибудь везёт увидеть золотой тигриный свет? Может, потому, что нет более огненного зверя, чем тигр? Может, потому, что тигр – это и есть Жар-зверь?

РЕКОРД ГИННЕССА

Книга рекордов Гиннеса. Раздел «Мир живой природы». Царство животных. Млекопитающие. Хищные. Самый большой. Самый крупный представитель семейства кошачьих – охраняемый законом амурский тигр. Взрослый самец в среднем имеет длину 3,15 м (от носа до кончика вытянутого хвоста). Высота в холке 99-107 см, вес около 265 кг. В 1950 г. в горах Сихотэ-Алиня, Приморский край, Россия, был застрелен самец весом 384 кг. И... всё!!!

А самый красивый? А самый сильный? А самый смелый? Посёлок Глазковка на побережье Японского моря возле Лазовского заповедника когда-то гремел на весь Советский Союз. Ну, как же, как же: всесоюзная комсомольская стройка, рыбопроизводный завод, морские огороды, марикультуры. Со всей огромной страны съезжались молодые учёные и романтики строить, жить в экзотическом месте. Построили, но не до конца – «перестройка». Успели возвести несколько трёхэтажных многоквартирных домов, улицу двухквартирных коттеджей, школу, котельную, клуб, почту, сам завод и вспомогательные корпуса, обустроили морские огороды. Успели несколько раз выпустить лососевую молодь в океан. И – всё!

Не нужна оказалась государству ни рыба, ни морская капуста, ни другие деликатесы – спасайтесь как можете. Кто всё бросил и вернулся в родную Европу, а кто остался. Остались те, кто накрепко влюбился в тайгу и море. Семей пятьдесят. Без телефона – не успели протянуть кабель. Без постоянного электричества – не успели поставить столбы. Романтики-патриоты же. Тем более яркий исторический пример на виду.

Жил в Глазковке, а по-старому в Новом Сионе, до революции основатель этого поселения удивительнейший человек Афанасий Поносов. Старообрядец. Он за короткое время смог так обустроиться, что до сих пор его вспоминают добрым словом. Ну, лошади, коровы, дома, пашни – это само собой. Ну, пантовое оленьё хозяйство, морской промысел, женьшень, золото, охота – это природа способствует. Но вот чтобы построить оранжерею, выращивать розы и через море за 140 миль возить в Японию и там выгодно продавать – это чисто по-русски! Больше таких примеров истории не известно. Легко после такого верится, что 60% российского дореволюционного капитала было в руках старообрядцев.

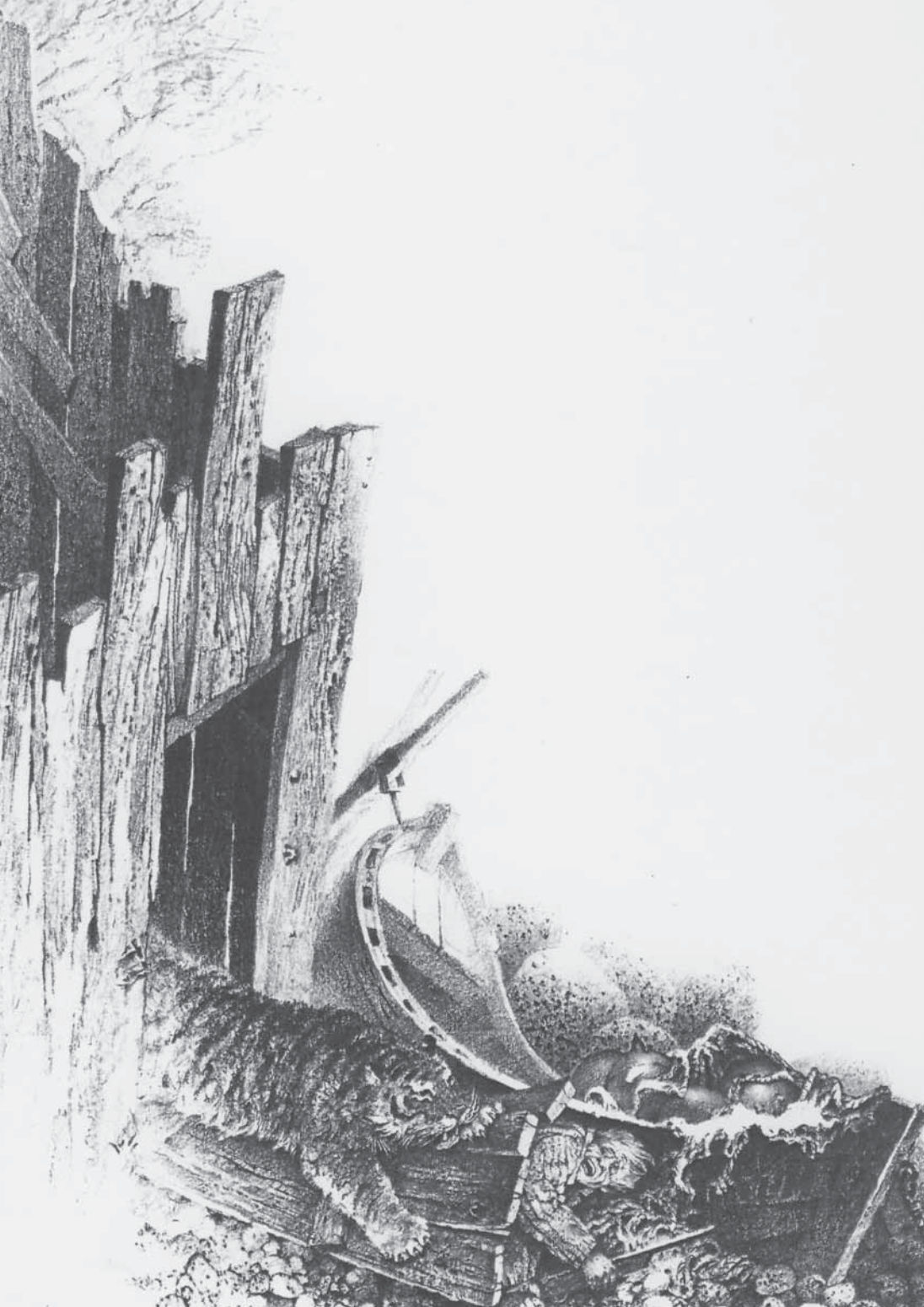
Вот и стали жить комсомольцы-добровольцы тайгой и морем. Понемногу развалились добротные здания рыбоперерабатывающего завода, порезали на металлолом и продали китайцам подсобные цеха, рассыпались общежитие, клуб, недостроенные и покинутые дома. Остались три трёхэтажных дома из пяти, да улица с коттеджами – то, где жили люди. Одну многоэтажку разобрали на кирпичи, а ещё одна стояла без окон, без дверей. Самый лучший в мире сарай для коз: домашние козы облюбовали это здание и спасались в тенишке на сквознячке от мошкары и жары. Да и зимой им почему-то там больше нравилось, чем в сараях. Козлята целыми днями скакали с великим удовольствием по лестницам. То вверх, то вниз наперегонки друг с другом с первого этажа на третий, с третьего на первый. Даже название появилось у дома: «козий чертог», или просто «чертог». Чертог – чертовски богатый дворец. Так и есть, богатый: люди стали туда за навозом ходить. И не только люди. Сначала увидели там краснокнижного амурского лесного кота. Что он там делал, никто понять не мог, пока не нашли задушенного козлёнка. Кот – очень осторожное животное и без нужды к людям не приближается. Только в большие снегопады

в поисках пищи он посещает курятники, где, как правило, душит всех кур. А тут в бесснежье позарился на козлёнка!

Поудивлялись таёжники, да и успокоились: в тайге часто такие необыкновенные случаи происходят. А вскоре посёлок загудел и заволновался необычайно: на свежем снегу чётко отпечатались тигриные следы, которые вели через весь посёлок прямо в «козий чертог». В итоге следопыты установили, что тигр зашёл в подъезд! Поднялся на третий этаж! Задавил двух коз, одну бросил, другую унёс в ближайшие заросли. Дикий тигр на третьем этаже! Рекорд Гиннеса!

СУД

– Конечно, то, что случилось, – всё по моей вине. Конечно, я даже представить не мог, что всё так печально для меня закончится. Да, теперь я понимаю, что серьёзно рисковал не только своей жизнью, но жизнью любого прохожего...

– По существу рассматриваемого дела следствием установлено, что гражданин К. имеет в личной собственности кирпичный гараж, используемый как курятник, расположенный на окраине посёлка. Площадка перед гаражом огорожена сплошной изгородью из металлических листов высотой три метра. В гараже хранится различный инвентарь и содержится двадцать кур. Всё это охранялось овчаркой, свободно перемещавшейся внутри изгороди. К задней стенке гаража высотой два метра примыкает склон сопки, заросшей лещиной и леспедецей.

Утром 3 марта в 8-00 гражданин К., как обычно, пришёл в гараж покормить кур и собаку. Но открыв двери, обнаружил наполовину съеденную собаку и многочисленные следы небольшого тигра. В том, что это были следы молодого тигра, гражданин К. не сомневался, так как часто бывал в тайге и в следах хорошо разбирается. Внимательно всё осмотрев, гражданин К. установил, что тигр, учуяв собаку, запрыгнул на крышу гаража со стороны сопки и спустился к собаке на загороженную территорию, используя прислонённую к гаражу шлюпку. Поймав собаку и умертвив её, тигр съел заднюю часть и ушёл тем же путём, забравшись на крышу гаража по шлюпке.

Покормив кур, гражданин К. решил никому о случившемся не сообщать, добыть тигра, используя остатки соба-

ки как приманку, а изгородь с гаражом как ловушку, зная, что тигр обычно возвращается к недоеденной добыче. Для чего всё оставил на месте, за исключением шлюпки, которую он положил на землю и оттащил от гаража, чтобы тигр не смог обратно выбраться.

На следующее утро в 7-00, вооружившись двустволкой ИЖ-18, гражданин К. осторожно подошёл к гаражу и убедился по следам, что тигр опять приходил и, так как обратных следов нет, находится внутри изгороди. Гражданин К. зарядил дробовик картечью, подошёл к входной двери, отомкнул навесной замок, но открыть двери не успел, так как был сбит с ног внезапно открывшейся дверью, которая распахнулась от прыгнувшего на неё тигра. Тигр прокусил гражданину К. правое плечо, сильно поцарапал когтями шею и убежал. После чего гражданин К. самостоятельно добрался до больницы, где ему была оказана необходимая помощь.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьями Уголовного Кодекса Российской Федерации № 33 «незаконное покушение на охоту» и 258 части 1 «незаконная охота», суд постановил в ходатайстве гражданина К. о возмещении ему морального и материального ущерба в размере 10000 рублей отказать. На основании ст. 73 Уголовного Кодекса Российской Федерации назначить гражданину К. наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года условно.

ЧУВСТВА СОРВАВШЕЙСЯ РЫБЫ

Рывок! Спиннинг чудом остался в разом онемевших руках. С этого мгновения светлеющая тишина утренней реки, спокойствие ясного неба превратились в яростную и кипучую борьбу не на смерть, а на жизнь. Таймень, огромный и, на удивление, буйный, боролся изо всех сил. Он вскидывался над водой, тряс головой и падал плашмя, стараясь освободиться от вцепившейся блесны. Блесна лязгала, бряцала, но держалась крепко. Леска звенела, гудела, шипела, разрезая взволнованную воду. Спиннинг трещал, скрипел. Бесчувственные пальцы то крутили изо всех сил рукоять катушки, едва успевая наматывать леску, когда таймень бросался к берегу, то, дрожа, придерживали и притормаживали бешено крутящуюся шпулю, когда гигант бросался в глубину. Сердце громко колотилось в ставшей такой тесной груди...

Наконец, рывки стали слабеть. Неужели поймаю? Нет, ещё рано: не кажи «гоп». Сначала вывести на отмель. До неё далековато, но по-другому никак. Понемногу подтаскиваю его на отмель – рыба почему-то меньше сопротивляется, когда её тянут против течения. И тут таймень стал вращаться вокруг своей оси! Прозевав этот момент, безнадёжно смотрю, как он наматывает на себя леску, потом сильно изгибается, и... блесна выпадает из его пасти!

Машинально смотав лесу, мельком глянув на сломанный якорёк, стою и плотаю тягучие куски горького разочарования. «Вот это рыбина!» – восхищаюсь гигантом, застывшим от меня в двух метрах. Благородной медной окраски, едва

шевелия плавниками, таймень беззвучно хлопал победными литаврами – жаберными крышками – и, судя по всему, никак не мог «отдышаться».

Хоть погладить такого! Потихоньку перебирая ногами по скользким валунам, подхожу к нему ближе и ближе. Таймень стоит! Протягиваю руку и дотрагиваюсь до его спины! Рыбина чуть шевельнулась. Стоит! Ох, и идиот! Не образил вонзить ему в пасть два целых крюка якоря! Тянусь достать блесной до его пасти, но вода уже доходит до подмышек, и совсем чуть-чуть не хватает до него дотянуться!...

Почему это высветилось в памяти, когда тигриная лапа просунулась меж брёвен, и стальной коготь зацепил меня за нагрудный карман кожаной куртки и потащил меня из, казалось бы, надёжного бункера, сооружённого из брёвен плавника на берегу укромной бухты?!

Я словно наяву вижу, как освободившийся таймень, вконец измотанный, хватает воду светлой пастью, насыщая тело кислородом, как позволяет погладить себя по спине и долго стоит, не шевелясь, словно зная тщетность моих усилий дотянуться до него и зацепить его ещё раз якорем.

А сфотографировать дикого тигра в природе несложно: находишь место, где он часто появляется, выкладываешь приманку, делаешь или засидку на дереве, или крепкое убежище в яме и, набравшись терпения, ждёшь.

Так и я, сорвавшись с тигриного когтя, совершенно не мог шевелиться и, хватая воздух, отрешённо глядел, как лапа снова и снова шарила прямо перед глазами четырьмя пронзительными острями, и медленно, глубоко и явно переживал чувства сорвавшейся рыбы.

ГЛАЗА

– А скажи-ка ты мне, уважаемый: почему меня тигр не трогает? Каждый год с ним встречаюсь. Бывает, метров с пяти друг другу в глаза смотрим, а не трогает. Что это? Мистика? Да мне уже скоро семьдесят. Всю жизнь в тайге. Всю жизнь в охоте. А в тайге, сам знаешь: чего только не происходит. Всего насмотрелся. В Бога не верю. Верю в природу, в тайгу – всё от неё, всё по её законам. А тигр у нас – высший судья. Некоторых наказывает. Некоторым на глаза показывается. А некоторые всю жизнь его увидеть мечтают, но не могут. Меня же тигр от себя далеко не отпускает, всё о себе напоминает. Уже лет тридцать. Каждый год. То тигрята, то matka, то сам хозяин. Говорю же – года не было, чтобы не встретился хотя бы с одним.

– Не трогает, потому что глаза у тебя добрые и спокойные. Видит тигр по твоим глазам, что не хищник ты, потому и не трогает. Если б взгляд у тебя был трусливый или наглый – был бы ты наказан. Ей-богу.

ГОЛЛИВУД

Мне позвонили... из Голливуда.

– Мистер, можно ли с вашей помощью снять фильм, как ловят сибирского тигра?

– М-м-можно...

Морозный воздух. Клубы пара над горной рекой. Тёмная вода бьётся в ледяном ложе. Сквозь стон реки доносится мерный скрип снега. Шаги. Мерно покачиваются заросшие непроходимые берега, гигантские тополя, кедры. В такт шагам покачиваются заснеженные скалы, крутые островерхие сопки, низкое солнце. Звуки шагов заглушает прерывистое дыхание, его перебивает другое – надсадное, рвущееся. Разлетелись комья снега. Заснеженная морда собаки нетерпеливо ныряет в каждую лунку гигантских кошачьих следов, тянет за собой туго натянутый поводок над выгнутой от напряжения спиной, над азартно машущим кольцом пушистого хвоста. Поводок тянет едва поспевающего человека. Иней облепил усы, бороду, шапку-ушанку, плечи, ствол карабина. Капли пота скатываются по щекам. Заледенелые ичиги тяжело ступают по глубокому снегу. Шаги заглушает нетерпеливое повизгивание другой собаки, другой бородач с распахнутой курткой, хрипя и покашливая, спешит по следу. За ними третья пара «собака-человек», четвёртая.

– Пуска-а-а-й!

– А-а-й! А-й!– раскатисто заахали смурные сопки.

Тигроловы поклонились, отцепляя поводки, и тайга застонала набатом собачьего гона.

– Быстре-е-е-й! Держа-а-а-ат!

Всё сильнее раскачивается заснеженная тайга, всё быстрее мелькают следы, всё громче и громче лай собак.

– А-а-а-ах! – громыхнула тигриным рыком непролазная стена северных джунглей. Меж стволов замелькали силуэты собак. Высветился золотым самородком бок тигра, отбивающегося передними лапами от наседавших преследователей.

– Руби рогули! Вязки готовы!

Зазвенели топоры, ударяя в промёрзшую древесину. С рогадинами наперевес тигроловы с разных сторон подступают к тигру. Полосатая голова крутится во все стороны, клыки мокро сверкают, свирепый рык заглушает лай собак, крики людей.

Качнулись горы. Небо заслонили силуэты людей. Облако снега взвилось вверх, опало на шевелящийся клубок тел. Рогатины вдавили в снег полосатую шею, бок, лапы. Клыки грызут мёрзлое дерево, матерчатые ленты опутывают лапы...

Собаки сосредоточеннолизывают раны. Разгорячённые мужики сидят на снегу вокруг связанного тигра. Разрумянившиеся щёки словно подсвечивают конуса самокруток – «козых ножек». Подрагивающие заскорузлые пальцы методично подносят к губам газетное курево. Волосатые лица окутывают клубы дыма.

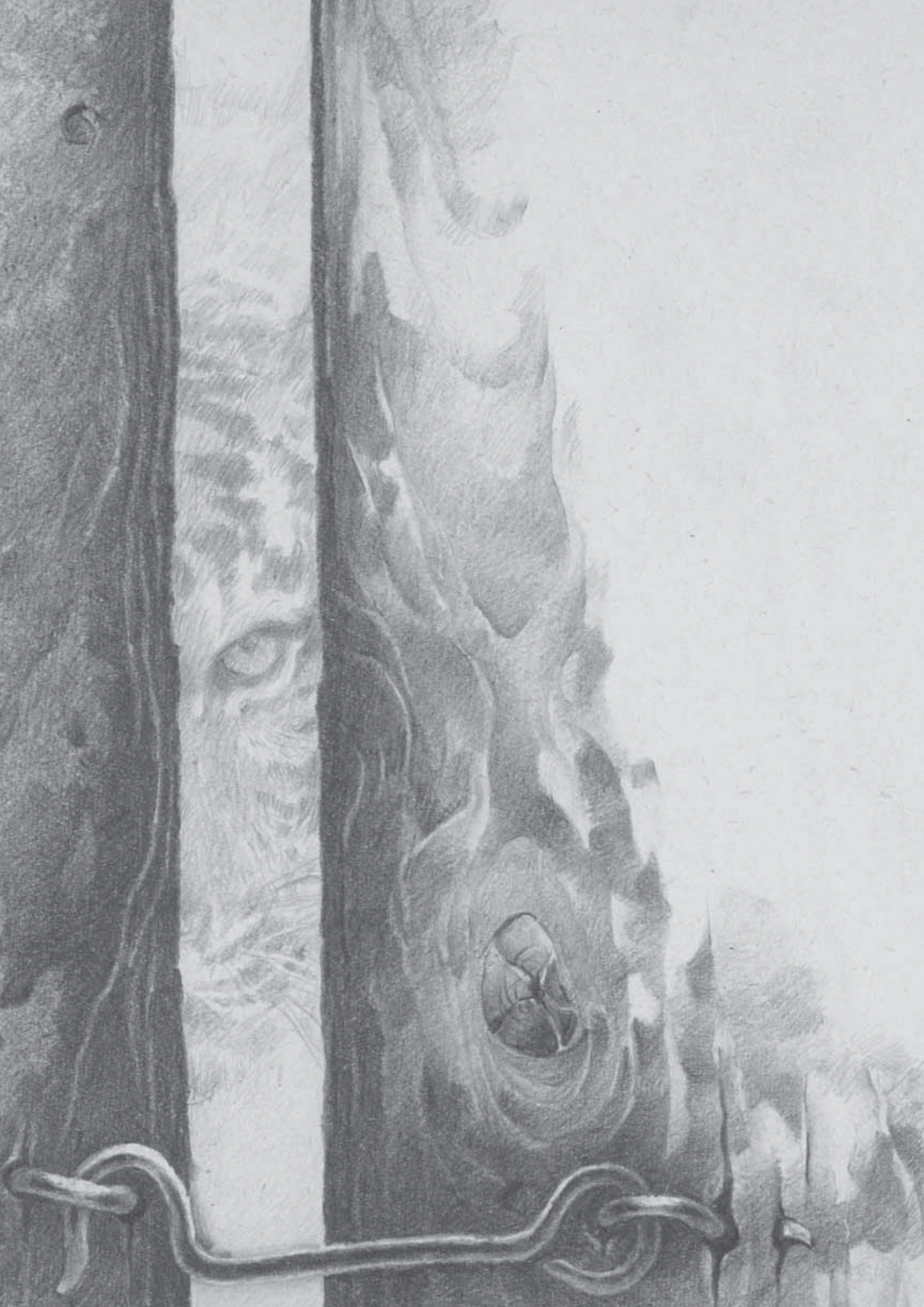
Последние кадры. Дальний план. Героическая четвёрка несёт на жердяных носилках отловленного молодого тигра. И никто не видит, как Тайфун, просунув сквозь опутавшие морду вязки язык, лижет и лижет мою руку, сотни раз дававшую ему, Тайфуну, мясо.

ОБИДЧИК

– Обидеть тигра невозможно! Не такой это зверь. Всегда за себя постоит, гордый он и цену себе знает. Это я про нашего тигра, про уссурийского, про дикого. В цирке – это не тигр. Конечно, внешность у него тигриная, но душа – увы! – собачья! Всё настоящее, тигриное с малолетства выбито. А как иначе? Попробуй обучи кошку трюки выделывать – без боли ничего у тебя не выйдет. Ну, может, только самое простецкое, и то если будешь бесконечно ласков и терпелив. Не более! Почему клоун Куклачѳв стал знаменит на весь мир? Потому что смог выдрессировать кошек, которые ещё недавно считались не поддающимися дрессировке животными. А как он смог? Только с помощью болевых эффектов. Почему и скандалы в некоторых развитых странах были: не желала прогрессивная общественность допускать к себе на гастроли дрессировщика-садиста. Вот так вот. Это домашние кошки, утратившие за сотни лет часть своего природного естества. Но тигр-то не кошка! Почему их дрессировка считается «высшим пилотажем»: любая ошибка может закончиться трагедией. Несмотря на то, что стараются брать тигрят от давно прирученных тигров. А если взять тигрѳнка, который уже по лесу побегал, волю таежную попробовал, то воспитать циркового артиста – шансов практически никаких нет. Такой вот зверь.

К чему я это всё рассказываю? Да к тому, что дикого тигра обидеть никому не удавалось. Кроме меня. Не верите? Ну, слушайте.

Конечно же, всё получилось чисто случайно. Рассказываю то, что было.

Дом у меня в селе крайний. За сараем начинается лес. Это произошло после Нового года, первого января в полдень. Накануне выпал свежий снег – сантиметров пятнадцать. Ну вот, после всех застолий, отоспавшись, стал помогать в доме прибираться. Взял помойное ведро и понёс его во двор. Во дворе постоял – такое наслаждение после праздника подышать воздухом, снегом полюбоваться да тишину послушать. Стоял, дышал и что-то вдруг заторопился, как подтолкнул кто-то к сараю, за которым выгребная яма – помой вылить. Только к сараю, а из-за него Тайга – собачка моя – чуть с ног не сбила. Ах ты, говорю, нехорошая – опять ошейник через голову стянула и убежала, вместо того чтобы дом сторожить. Шагнул за угол, а мне под ноги – прыг – тигр! За Тайгой бежал. Затормозил он всеми четырьмя, пропахал по снегу. Тут я ему прямо в морду помой и выплеснул.

Почему? Сам не знаю. Может, с испугу. Как я этим тигра обидел! Застонал он так жалостно, хвост поджал и побрёл в сторону, фыркая. Понуро так, словно пёс побитый. Оглянется, фыркнет обиженно, шагнёт, оглянется, фыркнет обиженно, шагнёт. И так мне от этого неудобно стало! Даже слезы на глаза навернулись. Так и смотрел сквозь слёзы, как тигр уходит обиженный. До сих пор его жалко!

СПАСАТЕЛЬ

– Хотите верьте, хотите нет, но меня тигр... спас. Помог выжить. Без него не дошёл бы до людей. Нет, не дошёл бы. Завалился бы в кювет да и замёрз бы или кровью истек... Возвращались поздно ночью домой, торопились с другом очень...

Уазик устало гудит. Двигатель с трудом пересиливает крутой подъём. Последний перевал, пятнадцать километров – и Преображение. Позади 4,5 часа езды, два больших перевала, 300 километров пути. Быстро проехали. Друг – классный водитель. Интересно, кто-нибудь на уазике проехал быстрее этот путь Владивосток – Преображение? За длинную дорогу уже обо всём переговорили, обо всем передумали. Полная луна чеканит резкие кроны деревьев да выписывает мягкие очертания обступивших сопок. Деревья дробно мелькают по сторонам, измельчая вязкое небо. Небо то рябит меж сучьев, то вдруг отхлынет свободно и плавно колыхнется вместе с округлыми валами сопочных очертаний. Автомобиль продавливает светом фар сумеречное пространство, подрагивая, напирает на земную тень. Тень крепко липнет к каждому бугорку, каждому камешку, каждой ложбинке. И машина с трудом вращает липнущие колеса, повторяет каждый ухаб, каждую горку, словно выглаживает гигантским утюгом бесконечную ленту дороги.

Зазвенев на высокой ноте, двигатель вздохнул, словно переводя дух, и забормотал облегчённо, покашливая на спуске. Завизжали от восторга тормоза, словно и автомобилю захватывало дух от стремительного съезжания вниз, к светящейся среди сопок сфере подлунного моря.

– Санька, не спи! – я заметил поникающую голову друга.

– Ой, то не вечер, то не ве-е-ч-е-е-е-р, – попытался хрипло запеть Александр и замолчал. Вздохнул, поёрзал по сиденью, пошевелил плечами, повращал головой, и автомобиль словно подхватило быстрое течение, понесло в русле дороги.

Поворот, другой, третий... Машина вдруг вздрогнула, повалилась в кювет. Удар о дверцу. Удар о крышу. Искры, звон разбитого стекла, скрежет, тело скручено в жгут. Жгучая боль в груди, в голове... Тяжёлая рука друга. Тишина.

– Санька, живой?

– М-м-м...

Протискиваюсь из-под машины и вытаскиваю липкого Сашку. Сашка еле шевелится, пытается что-то сказать, но ничего не разобрать. В свете луны поблескивает мокрая от крови голова друга.

– Санька, держись. Скоро нам помогут.

– М-м-м...

Осторожно тащу друга к откосу дороги и укладываю на ровное место. Вытаскиваю из автомобиля какие-то вещи, подсовываю под друга. Он тихо стонет.

– Санька, терпи.

– М-м-м...

Самого покачивает, тошнит. Присел – еще хуже. Надо что-то делать. Собрать документы. Собрал. Вроде все на месте. Засунул за пазуху.

– Ма-ши-на, – тихо сказал друг.

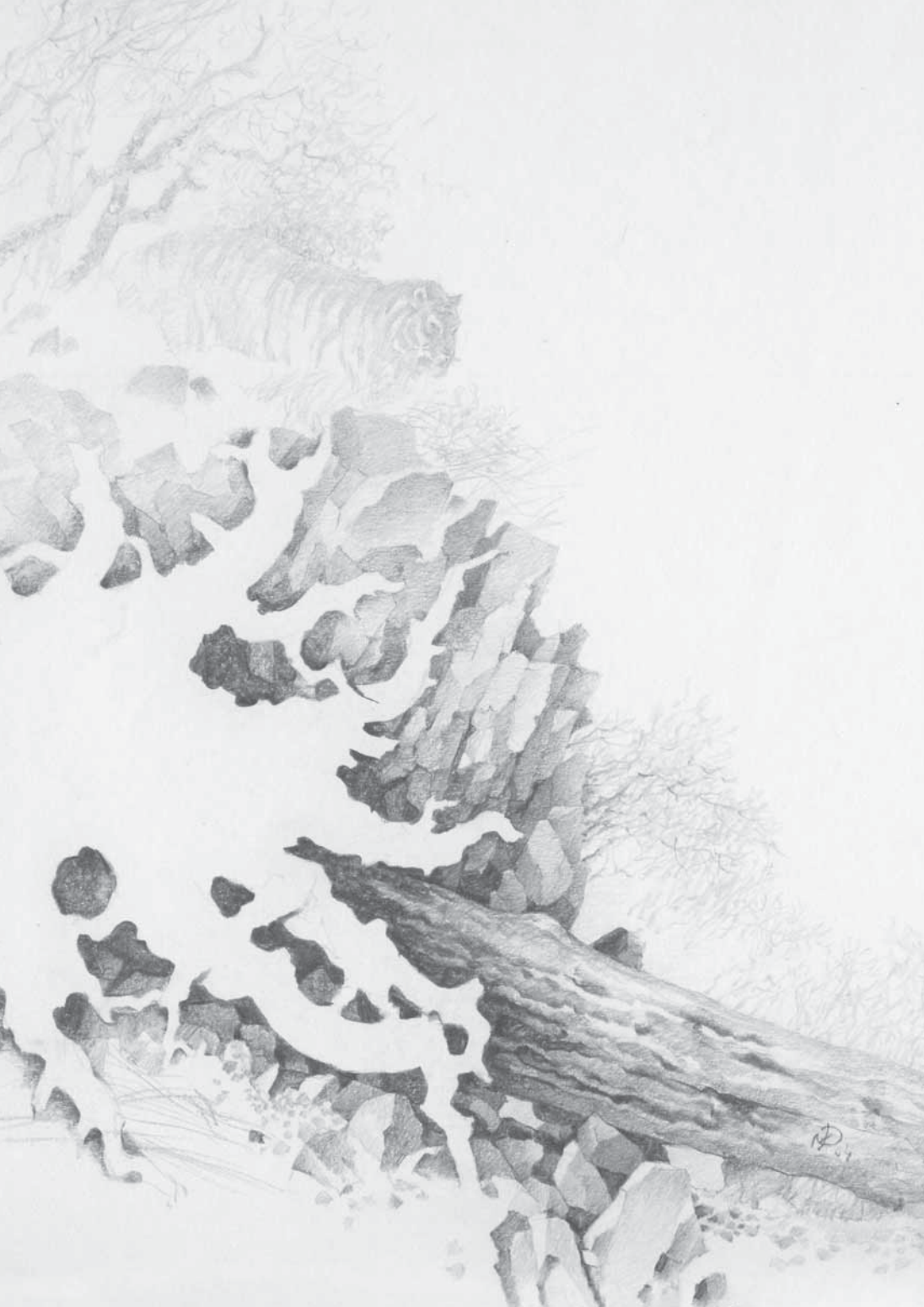
– Что-что? – не расслышал я.

– Ма-ши-на е-дет.

– Машина едет? Какая машина? – и увидел освещённые фарами кроны деревьев. По дороге неторопливо двигался автомобиль.

– Чего они так медленно?

– Ребята... стойте! Люди добрые, помогите до больницы добраться.

– Извини, машина полная, можем довезти только одного.
– Да-да, конечно. Саньку заберите, а я сам как-нибудь...
Санька, крепись. Я за тобой следом...

Скрылись за поворотом красные фонари автомобиля, улеглась пыль. Будет ли еще попутная машина в 3 часа ночи? Надо идти в посёлок.

Луна сочувственно кивает в такт неровным шагам. Ноги спотыкаются, заплетаются, словно идут не по дорожному полотну, а по невидимому буреломному лесу. Стала пробирать дрожь. Боль, словно колючки, цепляется на каждом шагу, тяжелеет и давит к земле. Идти невоготу. Призрачный мир расплывается и меркнет. Надо отдохнуть. Но холодно: ноябрь – уже на лужах лёд.

Как там Санька? Наверное, довезли уже до больницы, собирают врачей, хлопочут вокруг. Хоть бы ничего серьёзного у него не было!

В кювете лежит поваленное дерево. Ноги сами шагают к нему. Надо посидеть, отдохнуть. Сидеть хорошо: нет боли, нет дрожи, глаза закрываются, по телу разливаются слабость и теплота. Надо прилечь. Насилу разлепливаются веки – кровь до сих пор сочится с головы. Смотрю вокруг: где бы прилечь. Возле корней дерева вроде как куча веток не веток, соломы не соломы. Вот на ней-то и прилягу. Но куча... шевельнулась! Показалось? Нашарил у ног камешек, бросил на кучу...

– О-о-о-у, – громыхнула куча, сверкнув зелёным глазом. Тигр!!!

От ужаса оборвалось дыхание. Сжавшееся сердце колокольным языком заколотилось, забило больно по рёбрам в набат.
Тигр!!!

Рука машинально ищет камень. Один, второй. Нет, этот маленький. Ага, этот поуевсистей.

– Чак-чак-чак-чак, – камни сами собой заколотили, застучали друг о друга, высекая искры. Ноги охватила крупная дрожь, и они понемногу сдвигают тело по стволу дерева подальше от ужасной кучи. Чуть напряглись и, полусогнутые, мелкими шажочками засеменяли на дорогу.

– Чак-чак-чак-чак, – звонко выстреливают камни, подбадривая ноги выпрямиться и шагнуть в полную силу, но их, словно крепкою тетивой, стянул ужас.

Изо всех сил вытягиваю, выпрямляю ноги. «Ох!» – вырвалось ощущение лёгкости прямых ног и освободившееся горло заклокотало: «Пошёл вон! Пошёл вон! Пошёл вон!»

Тигр приподнялся и уверенно шагнул на дорогу.

– Чак-чак-чак-чак. Пошёл вон! Пошёл вон!

Изо всех сил уже сдерживаю ноги, чтобы не побежали прочь. Бежать нельзя! Нельзя бежать! Сразу же кинется, как кот на мышонка.

– Чак-чак-чак-чак, – швыряются звуком камни на приближающегося тигра.

– Пошёл вон! Пошёл вон! – выбулькивает сдавленное горло.

Тигр остановился, словно в раздумье, постоял и несколькими быстрыми шагами снова сократил дистанцию.

– Пошёл вон! Пошёл вон! Чак-чак-чак-чак...

Тигр не отпускает. Только затихает стук камней – сразу подбирается ближе. Руки давно уже онемели. Пальцы, намертво стиснувшие камни, мёрзнут и болят от каждого удара. Эта боль словно острыми гвоздями вбивается в большую и тяжёлую боль всего тела...

– Десять лет назад мировая общественность забила тревогу: дальневосточный леопард на грани исчезновения! Десять лет назад! Что изменилось за десять лет? – громко и отчётливо горло сообщило замершему от неожиданности тигру вдруг вспомнившуюся цитату из статьи экологического журнала. Будто наяву перед глазами возникла эта

страница – читай и читай, тем более, что от громкого голоса тигр заметно отстаёт.

– По материалам мировой печати за последние годы, проблема сохранения дальневосточного леопарда рассматривается как одна из наиболее важных проблем по сохранению биоразнообразия во всём мире. Неоднократно указывается, что страна и регион, где обитает такой редкий вид, имеют возможность получать не только финансовую поддержку на его охрану, но и привлекать внимание к своим собственным экономическим проблемам и инвестированию в реальный сектор экономики значительных средств. Кому-то это невыгодно... Или так плохо жили, что не до леопарда?

Тигр не отстаёт, но идёт уже на более почтительном расстоянии, словно эта информация о его исчезающем брате вызывает очень большое уважение. Что ж, продолжим...

– По учётным данным, численность дальневосточного леопарда критически мала, основная часть сохранилась в России на территории Приморского края и составляет 30 (!) животных... – Идёт за мной, как привязанный, словно боится пропустить хоть одно слово... – Еще в 1996 году, после первой международной научной конференции по сохранению дальневосточного леопарда, были разработаны основные направления специальной программы, сформирован список международных организаций, в том числе институтов Российской академии наук, финансирующих данную программу и выполняющих её. С этого времени проводятся учёты леопарда, финансируются антибраконьерские и противопожарные бригады, выплачиваются солидные денежные компенсации за ущерб, нанесённый леопардом, поддерживаются охотничьи хозяйства, осуществляются обширные образовательные программы школьников, просвещается население, но! За прошедший год были конфискованы у браконьеров

6 шкур леопарда... И, скорее всего, это не все выявленные преступления. В других странах человеку, у которого обнаружена шкура исчезающего животного, обеспечено несколько лет тюрьмы, а в России... грозит штраф 1000 рублей! А кто-нибудь наказан за поджог леса в местах обитания леопарда? Нет!..

Удивительно! Просто удивительно! Никогда не отличался особой памятью, а тут такое! Вчера прочитал эту статью о леопарде в случайно подвернувшемся журнале и через сутки! слово в слово! повторяю для тигра! Чудеса!

– К сожалению, страна Россия чего-то ждёт. После утверждения в 1996 году заказника «Борисовское Плато» в ареале обитания дальневосточного леопарда появляются только проекты по разработке месторождения низкокачественного каменного угля да по прокладке нефтепровода. Страна моментально реализует решения о повышении коммунальных платежей или налоговых пошлин на подержанные автомобили, но до леопардовых (а более – человеческих, именно человеку жизненно необходима здоровая природа) проблем (это общемировая проблема!) ей как-то недосуг...

Ох! Как же я устал! Тяжеленные ноги уже не могут шагать. Упал бы и не шевелился! Но стоит только оглянуться, как страх заставляет всё забыть...

– Чак-чак-чак-чак...

– Дальневосточный леопард является самым северным подвидом леопарда. Ареал его обитания занимал территорию от Пекина до озера Ханка. Теперь же ареал ограничен юго-западными районами Приморского края и узкой полосой на сопредельной территории Китая. В пределах последнего очага обитания продолжается интенсивное освоение территории: проводятся реконструкции дорог, проводятся промышленные рубки леса, заготовка дров, очень популярна охота...

– Эй-эй! Ты зачем так близко? Пошёл вон! Чак-чак-чак-чак, – спохватились камни...

– 14 марта 2003 года во Владивостоке состоялось заседание Международной рабочей группы по сохранению дальневосточного леопарда. Темой заседания была программа реинтродукции – создание жизнеспособной популяции на территории, на которой животное было истреблено. Рассмотрев последние данные о критическом состоянии существующей популяции дальневосточного леопарда, эксперты констатировали, что дальнейшее промедление невозможно, и только создание дополнительной популяции является единственной гарантией сохранения этого зверя. Но существующая популяция уже не может быть использована для реинтродукции, так как её численность катастрофически мала и её генетический потенциал не позволит создать новую полноценную популяцию. Поэтому для выпуска на новом месте надо использовать сохранившихся животных из зоопарков. Молодые леопарды, рождённые в неволе, будут проходить адаптацию в специальном Центре, где им предстоит получать навыки охоты и осторожного отношения к человеку, и только после этого отправятся осваивать охотничьи угодья. Но! Из 200 дальневосточных леопардов, содержащихся в зоопарках мира, только 10 (!) оказались генетически чистыми...

...Так и шёл: то кричал про леопарда, то стучал камнями. Помирать уже соберусь – так было плохо, – но оглянусь на тигра и опять шагаю. Так до посёлка и дотопал. Тигр заставил меня выжить. Без него не дошёл бы. Куда там! Завалился бы в кювет да и замёрз или кровью истёк. Хотите верьте, хотите нет, но меня тигр спас!

СИЛА ЖИЗНИ

И чего же мне не спится, в который раз подумал, ворочаясь на жёстких нарах. Вроде и набродился вчера от души, проверяя капканы, да и день выдался удачный: пара собольков попалась. Один так себе – третий цвет, а другой – красота! Крупный самец густой дымчатой окраски, с тёмной головой, без горлового пятна, с чёрной полосой по хребту. А по всему меху искристая, переливистая проседь.

Пора вставать, наверное. Сегодня надо успеть побыстрее проверить последний путик, да и домой. Зажёг спичку, посмотрел на часы: ещё семь – успею до рассвета позавтракать, прибрать зимушку да уложить рюкзак. Но что так тихо?

Запалил лампу, накинул куртку, взял котелок и толкнул пристывшую дверь. В клубах тёплого воздуха засветились, кружа, мелкие кристаллики. Снежок... Поэтому и не спалось. Пальца на четыре подсыпало, и всё. Небо уже очистилось – вон звёзды как мерцают. И тепло. Но, наверное, ещё снег будет: ветер крутил вчера во все стороны, да и хмарь долго собиралась. А снежок пушистый, сухой – наступаешь, как на вату. Хорошо по такому скрадывать. Да, тепло: даже вчерашний ледок в ручье растаял. Следы... Ты смотри! Только что тигра вокруг зимовья крутилась. Чего ей тут надо?..

Пятое утро, как тигр с пустым желудком. Для взрослого зверя это пустяк, но тигр не привык так долго ходить впроголодь. Самый удачливый в округе, он не упускал случая задавить подсвинка или изюбра просто так, пусть и насытился недавно парным мясом. Природа создала из самых совершенных хищников самого совершенного, но и ему пришлось пройти не один десяток километров по рыхлому снегу, по льду ручьёв и ключей, а добыча не попадает.

Нельзя сказать, что оскудел его участок, занимающий два больших ключа, берущих своё начало под высоким скалистым хребтом, но и у везучих бывают дни неудач.

А эта ночь подсыпала снежком, застала живность на местах, да там и оставила: кто же тронется с лёжки без особой нужды в такую пору? Конечно, обнаружить добычу стало трудней, зато какие условия для скрадывания. Редко здесь бывает такой снег: совсем сухой, мелкий-мелкий и абсолютно бесшумный при ходьбе. При каждом шаге он словно расступается под лапой, а затем обволакивает невесомо, мягко, тепло. Ещё хоть чуть ветерок бы задышал, а то все мириады запахов уплывают вверх, к этим слабеющим звёздам. Но с восходом солнца закончится это сонное царство, холодные вздохи проснувшихся вершин всё дальше и ниже оживят застывшие макушки кедров, качнут ветви, проверят одежды корней.

Рассветает. Ну, пошёл. Рюкзак – на спину. Малопульку – на левое плечо, карабин – на правое. Рукавицы – за пояс, нож – на месте, патроны – взял. Ох и красота вокруг! А тишина – только звон в ушах. Так спокойно всё, даже грустно чуть. По свежему снегу не спешит зверь из убежищ, что поэтому глядеть под ноги – если и будет след, то сразу в глаза бросится. А так – иди, наслаждайся сказкой вокруг да не забывай дышать мягкой свежестью.

Впереди, справа под сопкой, стоит молодой пихтач. Пушистые деревья в рост человека, словно обнимая друг дружку, притихли под пуховой накидкой. Пихтач тянется вдоль ключа, забираясь по склону вверх, скрывается за стволами и кронами взрослых кедров, берёз. Издалека видно: с краю сбит снег с ветвей, а снизу взрыхлён росчерками следов. Кабаны? Изюбры? По-прежнему ни ветерка, ни звука. Надо бы подстрелить – лицензии есть, но и возиться некогда. Да ладно – пойду потихоньку, там видно будет. Может, и стоит рогач между пихточек: они любят в эту пору

в таких зарослях отстаиваться. Несколько шагов, постоял – тихо. Опять прошёл – не видать никого. Тропа ныряет в снежный город, поворачивает от сопки к ключу. Тихо приподнять поникшие ветви, взойти на бугорок, посмотреть, послушать, да и дальше.

Под сопкой мягкий шорох. Рука тянется к карабину. Взметнулась сзади снежная пыль. Прыжок! Ещё! Прямо ко мне! Руки тянут карабин через голову. Тигра!!! Оглушающий рык, взметнувшаяся громада, пасть, смрад, клыки перед глазами, хруст в голове, боль, выстрел, темнота...

Солнце вспыхнуло на склоне сопки, и глубоко внизу, у ключа, сразу умерли сумерки. Каждый комочек на ветвях вобрал в себя сколько мог лучей и светился нежно изнутри неуловимо голубым, искрясь жёлтым призрачным теплом.

Путь пересёк свежий росчерк изюбриного следа, к нему приближался ещё один. Добыча рядом! Мягко ступавшие лапы мгновенно застыли. Заходили под густой шерстью бугры мышц, настораживая тело. Напряглись подвижные уши, взгляд, прощупывая каждую бороздку взрыхлённого снега, потянулся дальше, дальше, а упершись в стену заснеженного пихтача, пробивал лапник, различал каждую потревоженную ветку, отмечая ход зверя. Могучая грудь вбирала, втягивала изо всех сил через узкие ноздри все существующие запахи.

Добыча рядом! В тяжёлом черепе в доли секунды перерабатывалось всё увиденное, услышанное,

почуянное. Совсем нет движения воздуха. Значит, скрадывание наугад, наудачу. Самое главное – увидеть, услышать, угадать первому. Надо обходить под сопкой: изюбры от опасности всё время стараются уходить по крутому склону вверх. И лапы, с необъяснимой нежностью сминая снег, торжественно, аккуратно задвигались, плавно неся громаду тела, готовые в любой миг застыть, закаменеть в любом положении, даже самом неудобном, и оставаться так долгие минуты.

Впереди сплошная завеса заснеженных пихт. Тело застыло, впитывая всё вокруг. Выбрав путь, тенью скользнуло под крайние отяжелевшие ветви и поплыло медленно, но верно по, казалось бы, непролазному, нерушимому снежному царству. Под напором мощной груди лапник нехотя клонился, отодвигался в сторону, пропуская зверя, и, почти нетронутый, плавно занимал своё место, сея снежную пыль.

Каждый волосок покрылся сверкающими кристаллами, и тигр забелел, заискрился неотличимо от снежных бугров. Шаг, остановка. Ещё, остановка. Добыча уже где-то совсем недалеко. Надо застыть и ждать. Ждать, может быть, и не один десяток минут. Только долгое терпение и абсолютная неподвижность могут обмануть такого чуткого и осторожного зверя, как изюбрь. Даже такое неуловимо лёгкое дыхание не должно выдавать присутствия.

В кристальной неподвижности воздуха пробежали изломы звука: еле различимо зашелестел ручеек сбегающего с широкой ветви снега. Сам или не сам? Нет, в таких условиях снег сам не слетает: слетел с чересчур наклонённой кем-то ветки. Значит, там кто-то шевельнулся. Ждём дальше. Теперь основное внимание – в направлении этого звука. Ещё неясный шорох с того же места – добыча там. Теперь подождать, когда изюбрь тронется с места, подбраться ещё чуть ближе за поваленное дерево, выждать момент – и можно спускать тугую пружину натянутых

мышц. Пошёл – идет на сопку. Следом ещё шаги – идёт пока сюда. Тихо – стоят, прислушиваются. Опять шаги второго. Точно – идёт прямо сюда. Ближе. Ещё ближе. Встал: можно различить уже его дыхание. Пора! Мгновенно распрямляются сжатые мышцы. Прыжок! Второй! Тело послушно взлетает над пихтачом. Взгляд, устремлённый в цель, различает среди просветов темнеющего зверя. Из глотки вылетает рык –приказ своей жертве: «Стоять!!!» Третий прыжок и под занесёнными лапами – ЧЕЛОВЕК?! В сторону! Но в грудь упёрся молодой клен, сломавшись под весом зверя, больно пропоров рёбра, заклинил дыхание. И лапа, способная перешибить любой хребет, проломить любой череп, вполсилы бьёт в человеческую грудь. Клыки сомкнулись на круглом хрустнувшем человеческом черепе. Выстрел. Пороховая гарь. Назад! Подальше от человека!..

Ничего не вижу. На глазах что-то тёплое, липкое. Кровь! Скорей – снегом! Горят огнём лоб и затылок. Не дотронуться. Надо перевязать, а левая рука – чужая, не поднять, и дышать больно. Оружие, рюкзак – долой! Да поосторожнее. Куртку, душегрейку, свитер, рубаху. Майкой – перевязать. Ох и льёт в глаза! Ничего – потуже. Так, вроде, полегче. Одеться. Мутит, тошнота, красные круги. Надо вставать. Темнота, лечу...

Нет, надо потихоньку, совсем не напрягаться. А руки-ноги ватные. Стою. Вокруг всё серое с красным. Тихо, тихо, спокойно! Полегоньку – шагать. Надо шагать! ШАГАТЬ!

Иду. Земля уходит, опрокидывается. Не торопиться. Тропа – вот она. С неё – ни шагу. Потихоньку, потихоньку. Ноги дрожат, задыхаюсь. Ещё тише. Спокойней. Так. Так...

До вертолётной площадки с километр по тропе. Там мотоцикл. А на нём ещё по дороге двадцать километров до села. Так много. Только бы дойти...

Шаг. Ещё шаг. Ещё... Падаю. Под руками деревцо. Спасло. ПАДАТЬ НЕЛЬЗЯ! Так громко, больно стучит в голове: «Иди! Иди! Надо идти!»

Иду... Какой вязкий снег. Ох и тяжело. Но надо. НАДО! Иначе – конец... Так глупо. Так глупо и обидно. Нет – врешь! Я – иду!

Сколько же можно идти? Шаг. Шаг. Долго и так трудно. Не спотыкаться, не падать. Лучше – медленнее. М-е-д-л-е-н-н-е-е. Идти. Идти. А вот и ключ перед вертолётной площадкой. Уже немного. Совсем немного – и мотоцикл. А сил нет. Совсем нет. А вот и подъём. Как на него? Под рукой – сушинка. Обломалась у корня. Хорошо. Можно опереться. Отдохнуть. Но сразу подгибаются ноги. О, господи! Чёрт возьми! Надо шагать! И – раз! И ещё раз! И ещё! Н-е м-о-г-у! Можешь! М-о-ж-е-ш-ь! Дойдешь!..

Вот поляна: вертолётная площадка. Под кустом – мотоцикл. Идти уже совсем не могу. Так тоскливо. Больно. Мотоцикл то вот он, то скрывается пеленой. Не опускать глаза, не закрывать. Вокруг туман, такой плотный, тяжёлый... А мотоцикл, вроде, ближе, значит, всё-таки иду... Вот и он. Можно дотронуться рукой. Дошёл всё же.

Теперь завестись. Кран, карбюратор. Ключ зажигания. Не заводится. Подождём. Отдохнём.

А ну, ещё разок. Порезче бы, посильней, но сил совсем нет, и качает – еле стою... Гад, не хочет. Ещё! Ещё раз! Вот сволочь! А ну!...

Сколько же я лежу? Мотоцикл – стоит. Почему же не заводится? Всё время так легко заводился. В любой мороз. А без него не пройти. Куда там! Двадцать километров. Надо завести. Иначе – конец. Сюда никто не придет. Надо завести...

Еле удержался за руль. Хорошо – крепко стоит, а то бы прямо на меня упал. Нет, тут что-то не так. А как найдёшь причину – мороз. Костёр бы. Нет, не смогу. Упаду в снегу – не встану.

Что же ты, железяка, подводишь? Из-за тебя пропадать? Ну, нет! Я тебе сейчас устрою! Я тебя сейчас... Спалю к чёртовой матери!

Хорошо горит мотоцикл. Жарко. А в голове бьёт, бьёт... Что же я делаю? Без него же не выберусь! Снегом! Быстрее! Вроде не успел погореть...

Работает! Завёлся! Пусть поработает, прогреется. А в уши отдаёт – нет терпения. Поеду! Жалко, шапку потерял. Да и чёрт с ними – с ушами. Застегнуться. Рукавицы надеть. Ну, что – будем пробовать. Сидеть, вроде, легче. Теперь плавноенько, без пробуксовки, тронуться, выехать на колею и по колее. Еду...

Так больно тарахтит мотор. Заснеженная колея петляет между деревьями. Когда всё это кончится? А быстрее нельзя: занесёт – упаду. Деревья медленно проплывают мимо, ещё медленнее подползает под колесо колея. Как во сне. А может, это сон? Да нет, не сон – мороз колюче выдувает глаза, немеют скулы, нос, подбородок. А с бровей растут красные сосульки.

Вот тёплый ключ – вода никогда не замерзает. А это плохо – с обеих сторон под снежком скользкая наледь. Всё против человека. Оказывается, так легко пропасть. Пять километров уже проехал. Ещё три – и поля. Там уже не колея, а хорошая дорога. Хоть замерзло всё лицо, а голове стало полегче: не так кружится уже. Даже думать легче. Так как же переехать через ключ? Выход один – с разгона выскочить на противоположный берег. Хоть мелко и берега невысокие, а здесь и останешься в зимней воде с мотоциклом. Ну, терять нечего. Газу!

Разлетелись брызги тёмной воды. До черноты в глазах сцепились зубы. Удар переднего колеса о лёд. Прыжок вверх. Медленно-медленно разжимаются руки. Мотоцикл плавно летит куда-то далеко-далеко, клонится сильнее, сильнее, ложится на бок, скидывает с колеса комочки мокрого снега.

А колесо крутится, крутится. А комочки слетают, слетают, слетают. Всё медленней, медленней. Меркнет вокруг...

Что это булькает? Сквозь ресницы проступает путаница ветвей, ясно видная на сером фоне тучи. А прямо – чистое окно тусклого зимнего неба. Попробовать шевельнуться. Руки действуют, а ногам опоры нет. Да и совсем их не чувствую. Осторожно повернуться на бок. Теперь понятно: лежу на наледи. Вода, омывая ичиги, приветливо булькала, журчала, шелестела пузырьками, что-то нежно лепетала. Вот же ещё напасть: просочившись поверх голенищ, обесчувствовала, забрала всё тепло из ступней. Теперь на живот. Перед глазами – лужа крови. И сразу подогнулись руки, соскользнули ноги, колени опустились в неунывающие быстрые струйки. Скорее на берег. Какой скользкий под снегом лёд! Всего-то два метра, не больше, и ровное место. Завалившись набок, лежит на колесе мотоцикл. А руки только глядят эту проклятую горку, ноги только бороздят склизкую тёмную гальку. Не за что зацепиться, не во что упереться. Вот же попался! Как же вылезти? А! Взять и просто встать в воду. Встал. А как дальше? Ногой на лёд не встанешь, а с обеих сторон к наледи подступают засугробленные обрывистые берега. Ну и дела! Не обойти, не выйти. В другое время бы: прыжок, другой – и все проблемы. А теперь и стоять непросто – качает. Как бы в воде не растянуться. Уже начинает пробирать дрожь. Ну, так как же, как? Ножом ступеньки! Так, попробуем. Опуститься коленями на лед. Смести поблизости снег. Острый конец ножа только оставляет маленькие выбоины, с каждым ударом вскрывая в голове новый приступ боли, гася порциями свет вокруг. Топор бы: два удара – и готово. А топор остался в рюкзаке.

Надо встать, отдохнуть: невозможно уже стоять на коленях. Вот это номер – примёрзли колени! Мокрые колени примёрзли ко льду. Попался! Изо всех сил – рывок! Стоять! Стоять! О-о, голова, моя голова! Смотреть прямо! Старать-

ся смотреть прямо! Стараться смотреть прямо! Ни вверх, ни вниз, а прямо, только прямо, иначе – упаду...

Огненная колесница бледнеет, упорядочивается её бешеная круговерть. Всё чётче и спокойнее проступают во круг дерева. Они уже не опрокидываются сверху, не ухают вниз, а стоят по своим местам, нервно только приплясывая, подёргиваясь, покачиваясь.

Устоял. Приятного мало – упасть плашмя в зимнюю воду. Да и вообще лучше не падать в моём положении. Лучше – не падать...

А ведь это идея – забрызгать скользкую наледь водой: через минуту остатки снега на гладком льду превратятся в шершавую корку. Встать поустойчивее, снять рукавицы – за пояс их, попробовать осторожно наклониться. Нет, не могу сильнее, а до воды не достать. Так, попробовать присесть на корточки. Пальцы опустили в упругий холод. Теперь можно наплескать воды на лед. Раз. Два. Три. Теперь выпрямиться, перевести дух – и ещё пару пригоршней. Как стынут на воздухе пальцы – скорее их за пазуху. Ещё раз присесть, поплескаться...

Ну, вот и готово. Отогреться, высушить руки, а этим временем корка замёрзнет...

Ну, вот и выползли. Хорошо, что мотоцикл в сугроб не улетел. А как бензин? Вытек или нет? Нет, вроде не весь, должно хватить... Ишь ты – завёлся! Понимает... Надо скорее – дело к вечеру, ноги замерзают, а голова... Что же с головой? Не дотронуться, и слабость такая. Прилечь бы, но нет – пропаду. Надо ехать.

Поля... Уже и поля. Сколько же раз падал, пока проехал до них? И как всё удачно. И мотоцикл заводился с первого раза. И не замёрз ещё – до дрожи жарко. Да, пока мотоцикл поднимается, пять потов прольёшь. Как бы теперь не замерзнуть – дорога-то хорошая, местами снег до земли сдуло. Ладно, ещё не мёрзну: даже ноги хоть и бесчувственные, но живые...

Километры... Какие они длинные. Уже замерзаю. Ветер выдул до позвоночника всё тепло. Надо как-то согреться. Попробовать катить мотоцикл... Теплей. И с каждым шагом ближе к селу. Только бы до людей добраться...

Неужели всё-таки доехал? Ещё один заледенелый переезд – и первые дома. Упал. На этот раз сознание не потерял. Да вон и парнишка какой-то ко мне бежит. Нет, теперь я сам. До больницы – сам. Только скорее бы. Скорее бы...

Больничные ворота. Открыты. Падаю. Всё... Теперь буду жить...

Живуч Человек! Велика его жизненная сила, спасшая раз и поддерживающая уже двадцать лет нормальную жизнь мозга, прикрытого лишь тонкой кожей, не скрывающей состояния разума, – пульсирующая впадина посреди лба притягивает взгляд и точно передает ритмом пульса и своей меняющейся глубиной внутренние чувства, изменения здоровья и напоминает: КАКАЯ ТЫ ХРУПКАЯ, ЖИЗНЬ!

МОЛИТВА

– Бог свидетель: не хотелось мне ехать. Хоть и пришла долгожданная весть, что обнаружены следы дальневосточного леопарда в заповедном районе, где когда-то он обитал. И вдруг сплошные сомнения. Но куда деваться – поехал.

Как чувствовал: вместо следов редчайшего зверя следы обыкновенной рыси. Целый день прошёл напрасно! Останавливаюсь в задумчивости. Чем же сейчас заняться? Возвращаться на кордон неохота: никакого интереса сидеть в избушке одному, а потом готовить ужин для себя и сотрудников, которые придут затемно. Скучающе оглядываю обступившие со всех сторон сопки и неожиданно понимаю, что с утра шумевший ветер куда-то исчез, захватив с собой сероватые зимние облака. Близкий купол неба словно опирался на вершины седых сопки и светился ослепительной лазурью. Розовеющее вечернее солнце приятно пригревало и ласкало застывшую за зиму землю.

– Хорошо-то как, Господи! Да ведь сегодня первый день весны!

Наполненный желанием отрешиться от забот человеческих и воспарить над суетой земной, поднимаюсь по склону сопки и с удивлением обнаруживаю все признаки новорождённой весны: пряные проталины, осевший голубоватый снег, набухшие почки, прошлогодние зелёные травинки, робко выглядывающие из-под ледяных кристалликов.

– А краски-то, краски какие вокруг!

Путь загородила сухая валежина, словно приглашая присесть, дать отдых уставшим ногам и насладиться в полной мере тишиной, весной, природой да записать впечатления дня в дневник. Строчки неторопливо ложатся на розовые

от закатного света страницы. Последнее предложение, но рука испуганно дёрнулась от громкого звука треснувших рядом сучьев, наискось прочертив от незаконченного слова через весь лист. Сквозь густой кустарник полыхнул на солнце бок зверя. Тигр! Совсем близко! Я замер, надеясь остаться незамеченным. Все мысли и чувства заполнило только одно – передо мной тигр!

А он, выйдя из зарослей, сразу же заметил меня. Мгновенно подобрался, уши стали торчком, глаза блеснули зелёным светом. Этот леденящий взгляд проникал в самую душу. Вот это зверюга! Меня вдруг затрясло от громовых раскатов тигриного рыка. Словно гигантские каменные глыбы перевернулись, сталкиваясь друг с другом и оглушительно грохоча. Казалось, всё вокруг трясётся от такого звука. Вот это глотка! Влажно блестящие клыки были чётко видны в приоткрытой пасти. Они будто нацелились на меня и, покачиваясь в такт быстрым шагам, стремительно стали приближаться. А у меня никакого оружия – только ножик перочинный!

Ноги мои подбросили тело в боксёрскую стойку, обречённо задрожали. Ладони беспомощно замельтешили перед лицом, отгоняя непрошеное видение. Голос, отчаянно вырвавшись из сдавленного страхом горла, воскрипел:

– Уходи! Уходи отсюда! Я тебе ничего плохого не сделал! Уходи!

Не дойдя до меня несколько шагов, тигр... остановился. В памяти моей лихорадочно вспоминалось всё услышанное, прочитанное о поведении человека при встречах с крупными хищниками.

– Взять себя в руки! Не поворачиваться к тигру спиной! Не отводить взгляд! Не делать резких движений! Не переставать с ним разговаривать!

И отчаянный, бессмысленный монолог побежал с моего языка и, казалось, лился тигру в морду холодной струёй:

– Киса, ты же умница, большая, сильная, зачем тебе меня трогать? Ну давай разойдёмся. Я – туда, а ты – в другую сторону. Я тебе ничего плохого не сделаю, у меня даже оружия нет. Ну, уходи, пожалуйста! Отпусти меня!

Тигр не двигался. Глаза его пожелтели, тёмные зрачки уменьшились и смотрели мимо меня. Понемногу успокаиваюсь и я. Закаменевшие мышцы мои медленно расслабляются. Сердце, колотившееся в горле и где-то в ногах, опускается, поднимается, соединяется в одно, возвращается на место. Успокоенными толчками даёт мозгам способность рассуждать. Улеглись и волосы, недавно от ужаса безысходности рвущиеся вверх и, казалось, отрывающие макушку.

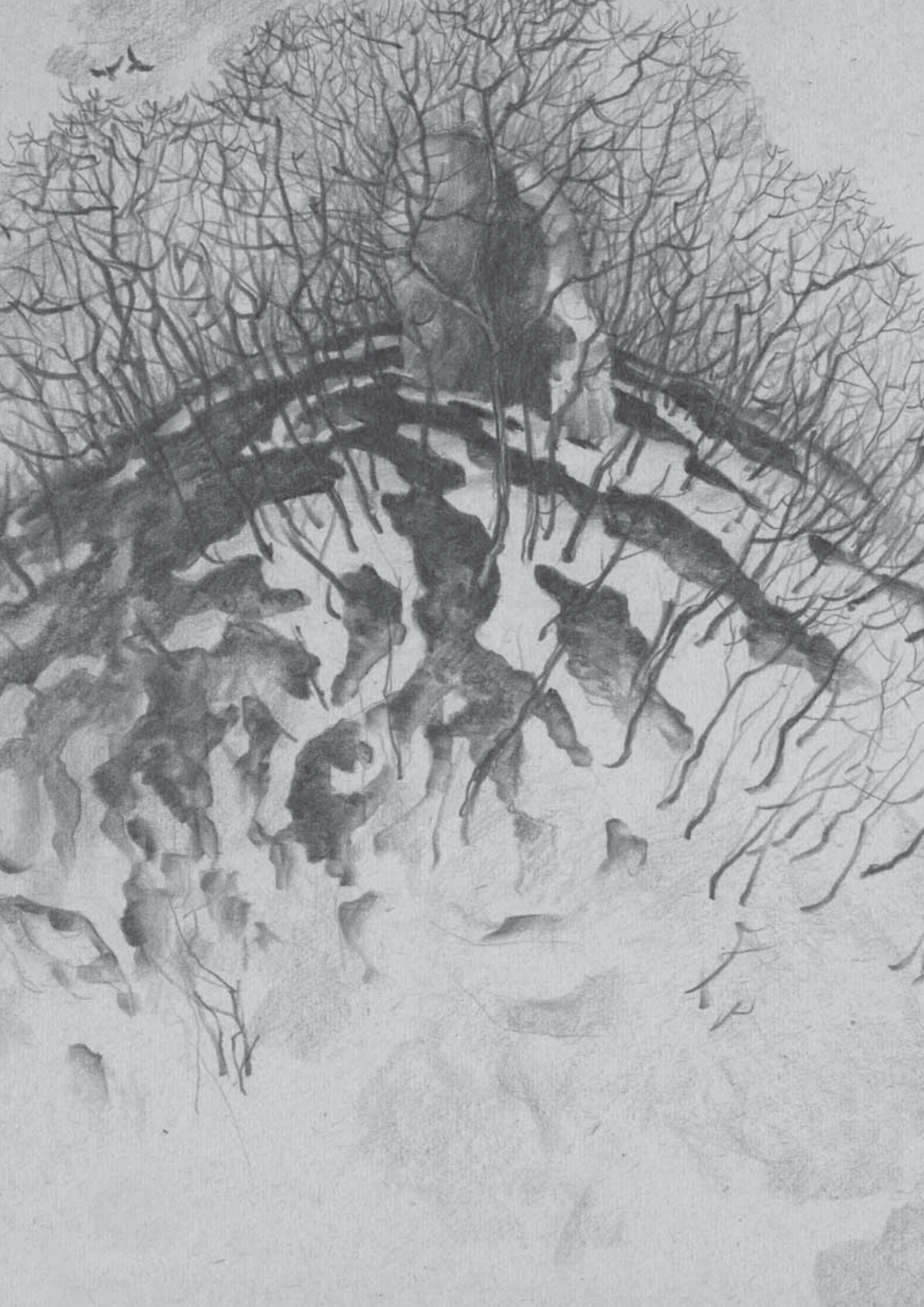
Пока говорю, тигр не собирается нападать, пока смотрю ему в глаза, он не смотрит на меня. Может, рискнуть уйти? Дрожащая нога медленно приподнимается. Шаг назад. Сухой хруст сминаемых листьев пробился через беспрестанный разговор с тигром к его ушам. Резкий поворот тигриной головы – и мех замерцал при каждом шаге заходящего за мою спину зверя.

Неотрывно следя за действиями таёжного владыки и поворачиваясь к нему, пытаюсь подальше отогнать страх, перехватывающий горло. Понемногу перестают дрожать колени; монолог, превратившийся в молитву, звучит уверенней, спокойней.

Успокаивается и тигр. Он останавливается, как-то равнодушно оглядывается вокруг, словно рядом нет никакого человека, но его подвижные уши не отвлекаются и сторожат меня. А я умоляю и умоляю царственного зверя освободить меня от его присутствия, уйти и больше к человеку так близко не приближаться!

Язык послушно работает, а голову распирает единственный вопрос:

– Что делать? Что делать? Что делать?

– Зажечь спички? Хорошая мысль! А может, закурить? Вдруг запах дыма убьёт его желание познакомиться со мной поближе?

Рука тихонечко заползает в карман, нащупывает коробок спичек и извлекает эту маленькую надежду на свет божий. Пустой! А запасные спички есть в рюкзаке, в боковом кармане. Спиной ощущаю, как они там лежат уютненько, завёрнутые в полиэтиленовый пакет.

Попробовал скинуть с плеч лямки, но это движение вывело тигра из спокойного состояния, и он с угрожающим видом сделал несколько шагов ко мне, опять норовя зайти со спины. Поворачиваюсь к нему, уговариваю, умоляю одуматься и понемногу снимаю рюкзак. Вот он, родимый, уже в руках! Но под моей ногой вдруг громко треснула веточка. Резкий поворот ко мне – и тигр, низко пригнув голову, решительно двинулся на меня. На спине его, при каждом шаге, поднимались и опускались бугры лопаток, словно отсчитывая каждый метр. Хвост полосатым удавом извивался то с одного бока, то с другого, подстегивая своего хозяина подойти ближе, ещё ближе. Он словно передавал состояние натянутых до предела тигриных нервов, выписывая в воздухе дикую диаграмму.

Прижатые уши тигра красноречивее всего свидетельствовали о серьёзности его намерений. Мои руки, стиснувшие рюкзак, онемели, не способные остановить полосатого дьявола...

Но тот опять остановился, опять не смог перейти границу, вымоленную мной у всех возможных богов и очерченную человеческой волей. Тигру не дано, оказывается, долго быть с натянутыми до отказа нервами. И неожиданная зевота исказила мгновение назад такую хищную и решительную морду. Челюсти словно отталкивались друг от друга, и из глотки вылетал рокочущий стон нервного расслабления. Алый язык выгибался, слюна тягуче шлепалась на сухие листья. Клинки громадных клыков янтарно светились на солнце. Они раздвигались, подрагивая в зевоте и с хищным лязгом смыкались. Во время зевка глаза его меркли, закрывались, но как только захлопывалась пасть, вспыхивали удивлённой желтизной от нескончаемой монотонности человеческой молитвы.

Но вот зевота прошла, и тигр... стал тереть антенны усов и бакенбарды о прутья лещины, снимая нервное напряжение. Откусил веточку и, легонько ею похрустывая, стал гонять по пасти, словно щекоча каждый зуб.

А может, кинуть изуверу что-нибудь? Рука нащупала в рюкзаке банку тушенки.

– На-ка говядинки!

И банка, сверкнув жестью, подкатилась к ногам супостата. Розовый нос закружился над банкой, глаза заискрились, словно отражая блестящую жесть. А ноги мои сами: шажок, другой, третий. Великое волнение овладело зверем, а рука моя уже стянула с головы шапку и швырнула на растерзание.

– На, ирод, чтоб ты подавился!

Лохматая, тёплая, пахучая шапка осторожно сдавилась клыками. Заторопившиеся ноги, стремясь унести меня по-

дальше от тирана, скользнули вдруг на крутом подтаявшем склоне, и я... падаю!

От неожиданности тигр вздрогнул, изготовился к прыжку. Отчаянье подбросило меня на ноги и выплеснуло с новой силой из опустошённой уже души заклинание против этой нечистой силы, что неотвратно надвигалась со вздыбленной шерстью и оскаленной пастью...

Ему остался только шаг. Уверенно и злобно его глаза смотрели прямо в мои. Этот взгляд вывел из моего повиновения всё, кроме языка-спасителя, не давшего мощью человеческой речи сделать этот шаг.

Мгновения томительно тянулись, складывались в секунды, десятки секунд...

Голова тигра стала наклоняться, испытующий взгляд его слился с моим обречённо-отрешённым. Шевельнулись мышцы его груди, и крючья когтей потянулись к моей ноге...

Руки мои медленно опускали рюкзак – призрачную преграду для мощной тигриной лапы...

Безысходность. Всего меня поглотившая безысходность. Минута. Другая. Третья...

Неожиданно взгляд зверя дрогнул. Задрожали над глазами длинные, утолщённые в середине волоски. Узкие ноздри осторожно вдохнули запахи рюкзака. Упругие усы громко зашуршали по грубой поверхности брезента. Воздух наполнился густым кошачьим ароматом, перебиваемым тошнотворным смрадом из тигриной пасти. Шаг назад и... зверь-исполин мирно улёгся у моих ног...

Величавую грудь парадно украшала горностаевая белизна царского воротника, чистоту которого будто высвечивали сбегавшие к середине груди чёрные полосы. Огненным жаром полыхал мех на плечах и боках. Эти цвета подчёркивали необыкновенность роскошного меха. словно сигнальными лампами светила белизна пятен тыльной стороны

ушей. Мощные мускулистые лапы придавили жухлый ковер прошлогодних листьев, поблёскивая сталью смертельных когтей. На широком лбу отпечатался замысловатый иероглиф, он очень чётко выделялся на светлом фоне.

Протяни руку и трогай таёжное чудо. Это высшее совершенство семейства кошачьих отряда хищных. Но тронь попробуй! И попробуй уйди!

Чудо лежало совершенно спокойно, внимая моему голосу, который сменил тему с молитв на современное состояние и перспективы охраны редких животных и, в частности, его – тигра. Как оказалось, очень неблагодарного, бесчувственного, злого. В общем, настоящего узурпатора. Неожиданно померкли краски цветастой шкуры: скрылось солнце. Яркий мех набирал синеву сумерек и на глазах растворялся в густоте вечерних красок, превращая тигра в невидимку.

Ночь в тайге рядом с тигром?! Только не это! Немедля нужно уходить! Потише, аккуратней, без резких движений, с уверенностью в голосе. Только уверенный голос может спасти, защитить от нападения. И отвлекать тигра, откупаться от него всем, что есть в рюкзаке и на мне.

При первом же моём движении красавец встал и с угрозой ко мне потянулся. Стою, говорю – он не двигается, стоит, слушает. Делаю попытку шагнуть – с угрозой обнажаются клыки. Нога шагает от тигра, тигр тянется ко мне, а сумерки спускаются к тигру.

И голос мой зазвучал на полную мощь, неестественный и чуждый в этом сумеречном застывшем мире. Маскируя и заглушая шум моих движений и держа на расстоянии настырного хищника, делающего угрожающий выпад при каждом треске сучьев под моими ногами.

Наконец, шажок, другой, третий. Ухожу! Ухожу с этого проклятого места, хоть и под беспрестанным вражьем наблюдением. Неуклюже пяясь, спотыкаясь и натываясь спиной на кусты и деревья.

Качнулась чернеющая небесная синь. Падаю! Проклятый подтаявший за день склон! Свободная рука отчаянно ухватилась за ближайшую ветку. Поздно! Тупая боль медленно заполнила тело, вошла в голову. Наваливаются со всех сторон тусклые силуэты деревьев. Вдруг из них вырисовывается что-то очень знакомое, ужасно знакомое... Оно плавно приближается, становится всё больше, больше, заслоняет небо... Голова тигра! Рука отмахивается от ужасного видения, из неё почему-то вылетает моток верёвки. Залетает прямо в пасть, сдавливается клыками. Ноги сами оттолкнулись от склона, и я – стою. Одна рука крепко прижимает к груди рюкзак, вторая вцепилась в дерево. Рядом тигриные челюсти увлечённо откусывают по кусочку от прочнейшего капронового фала.

В голове исчезает боль, возвращается нормальное восприятие, а ноги, спасительницы-ноги, потихонечку: шажок, другой, третий. Рука шарит в рюкзаке новую дань. С новой силой заработал язык, заклиная чудовище:

– Прекрати, наконец, издевательство над человеком!

Рука вытаскивает из рюкзака меховую душегрейку-безрукавку. Новая светлая овчина привлекла внимание тигра. Лёгкое движение – и душегрейка вырвана из рук, отнеслась, беспощадно терзаемая в сторону, безвольно трепыхнулась в клыках туда-сюда, роняя вырванные клочки овечьей шерсти. Клыки разжались – и меховушка покорно легла беспомощным ковриком у ног таёжного царя. Занятная штука: пахнет человеком, с виду очень знакомая, шерсть такая мягкая, только уж очень светлая. С таким бы удовольствием располосовал на клочки и разбросал вокруг! Но настоящий живой человек-то уходит: ещё несколько шагов – и скроется за бугром этот шумливый и неуклюжий двуногий.

Сумерки ложатся на землю, обостряя охотничьи инстинкты тигра, подталкивая расправиться со странным незнакомцем. И охота началась!

По всем правилам тигриной науки приземистое тело прижалось к земле, слилось с лесной подстилкой, заструилось фантомом среди деревьев. Выдавая свою материальную суть лишь лёгким потрескиванием сдавливаемых кристаллов старого отмякшего за день снега да осторожным шорохом сухих листьев. Наперерез. Привычный выход наперерез и прыжок из удобного места на спину жертвы. Но жертва почему-то не стремится скрыться, убежать. Она не сводит своего пронзительного взгляда, она не перестаёт забивать уши своими монотонными звуками, которые несут растерянность и беспокорство, отгоняя привычную ярость. Смешными лапами достаёт из своей оболочки-шкурки незнакомые предметы, пахнущие собой, такие занятные и удивительные. И никак не зайти со спины. Скорее бы ночь затушила взгляд человека, наполнила обычной тигриной бесцеремонностью повелителя этих мест. А пока не давать ему сойти с сопки к ключу, за которым дорога ведёт к человеческому жилью. Но слишком неторопливы весенние сумерки...

Крутой склон сопки ещё круче изгибался, заросшим уступистым обрывом спускаясь к ключу. Идеальное место для прыжка сверху. Что делать? Насколько видно, этот обрыв тянется далеко, а медлить нельзя, пока снег отражает слабеющий свет вечернего неба. Пока вижу тигра, надо уходить!

Цепляясь за молодые дубки, соскользнул на ближний уступ, что когда-то образовался на склоне вместо упавшего великана-кедра, поверженного одним из тайфунов и поднявшего своими корнями тонны земли. И сразу же на место, где только что стоял, мягким прыжком опустился тигр, готовый в следующее мгновение прыгнуть в последний раз: напряжённые лапы собраны вместе, спина выгнулась дугой...

Мой отчаянный возглас вывел тигра из равновесия: что-то в нём дрогнуло, лапы скользнули, и громадная кошка беспомощно съехала прямо к моим ногам...

Растерянность и величайший конфуз обозначились на тигриной морде. Он отвернулся и, с видимым облегчением, позволил мне спуститься до самого конца обрыва.

Ровное место, недалеко за деревьями шумит ключ, но темнота как-то неожиданно навалилась со всех сторон, и тигр растворился в ней. Может быть, ушёл? Да нет: слишком решительно он спускался с обрыва следом за мной. Наверняка где-то рядом подкрадывается. Шум воды глушит все шорохи. Глаза до боли всматриваются в тёмный лес. Ничего подозрительного. Только сбоку появился просвет между деревьями. Минуту назад там просвета не было. Рядом медленно возникло призрачное пятно. Тигр ползёт ко мне! Лёгкие мои набрали побольше воздуха, уставшее и охрипшее горло с усилием выпустило очередную молитву, нелепо и неестественно пробивающую густую темень. Молитва, казалось, с усилием пробиралась через ночной лес, так же, как и человек, натываясь на невидимые ветки, норовящие попасть в глаза, на каждом шагу спотыкаясь о корни, валежины, пни, проваливаясь в ямы. Тигр лежал на расстоянии прыжка и не шевелился. Что его удержало, уже в который раз, от последнего движения? Почему, в который раз, он останавливается в самый неудобный момент на грани жизни и смерти своей жертвы?

Делаю полукруг, обходя затаившегося тигра. Он перебежками сокращает расстояние, постоянно исчезая в темноте, всё выбирая удобный момент для нападения. Каким-то неизвестным чутьём угадываю, где он находится, что предпринимает. И, делая круги и петли по ночному лесу, каким-то чудом избегаю встречи с ним.

Вдруг тигр исчез. Чувствую, что нет его поблизости. От этого стало страшнее. Что он замыслил? Где поджидает? Осторожно подхожу к ключу, обходя все подозрительные места, где может затаиться тигр. Уже виден просвет между деревьями, поблёскивает вода. Внезапный прыжок –

и тёмный силуэт возник передо мной. Из последних сил выкрикиваю уже ругательства, вне себя топчу ногами шумливую листву и трескучие сучья большой проталины, руками ломаю ветки и швыряю в сторону замершего зверя. Темнота скрывает подробности тигриного облика, не даёт разглядеть выражение морды, виден только его решительный силуэт. Силуэт удлиняется, становится выше и... тигр уходит в сторону.

Торопясь и спотыкаясь на скользких валунах, перехожу ключ, уговаривая ноги не оступиться, не поскользнуться, чтоб не упасть на глазах стерегущего тигра. Перешёл. Вглядываюсь в противоположный берег: тигр подошёл к воде, нагнулся к ней, шумно полакал. Высоко подняв голову, он внимательно следил, как я, спотыкаясь, преодолевал последние метры до дороги.

Дорога. Ноги торопливо зашагали по ровной поверхности. С каждым шагом спадало внутреннее напряжение и наваливалась нечеловеческая усталость. Только в голове сидело навязчивое: «Тигру молился – тот жить оставил, теперь Богу помолиться, чтоб из прилетевших тучек снег до утра не высыпался, следы все не спрятал, а то ж коллеги не поверят, засмеют...»

Никогда так не каялся, никому так не молился...»

ГРЕШНИК

– Эй, хозяин! Будь добр – позволь переночевать!

Голос мой еле пробивается сквозь шум дождя и лай собаки к мерцающему свечой окошку.

Сильный дождь, рано опустивший сумерки, заставил искать ночлег понадежнее палатки и костра. Да и внутренний голос настойчиво внушал, что где-то поблизости есть жильё.

Нырря в мокрые кусты, быстро пересёк долину ручья поперёк, выясняя наличие следов человека, и наткнулся на лесную, хорошо наезженную дорогу. В тайге, в таких местах, дорога обычно ведёт к пасеке или охотничьему зимовью. Точно! Всего несколько минут ходьбы от ключа, где ловил местную форель-мальму, и на обширной поляне – вот она, добротная пасека с большой избой, омшаником и навесами, крепкой изгородью.

– Кого там принесла нелёгкая? – сердито донеслось из-за приоткрывшейся двери. – Кто такой? Чего надо?

Хозяин готов хлопнуть перед моим носом дверью; не любят пасечники непрошенных гостей. Много по тайге скитается лихого люду, того и жди, что беду с собой принесут.

Вспоминаю кстати рассказы уроженца этих мест и решаюсь выдать себя за земляка: «Да я Можаяев внук. Дождь бы переждать».

Дверь недоверчиво поскрипела, словно советуясь с хозяином, нехотя растворилась.

– Заходи.

В полумраке дверного проёма угадываются просторные сени, белеет вход в избу. Старательно шаркаю сапогами по металлической сетке у крылечка, вхожу. В уголке снимаю рюкзак, достаю запасную одежду и переодеваюсь в сухое.

Вытаскиваю пакеты с продуктами, на ощупь выбираю что повкусней, откладываю для ухи десяток самых крупных форелин и, вежливо постучав, переступаю порог.

Неповторимый пасечный дух. Сухой и тёплый воздух человеческого жилья насыщен запахом мёда, цветов, трав, запахом яркого солнечного дня посреди земляничной поляны, запахом буйного лета. Воздух, густой и медовый, светится янтарным ореолом вокруг трепетного огонька свечи. Чисто выбеленные стены словно дышат теплом. Крашенные половицы застелены домотканными дорожками. Печь, стол, лавка, дверь в другую горницу. На столе свеча, книга.

Выкладываю харчишки на стол, отдельно заветную фляжку. Из горницы вышел пасечник. Молча собирает нехитрый ужин: ещё горячая картошка, шмат сала, луковица, миска духмяного мёда, выдыхающий парок чайник. Кладет одну вилку, одну ложку, ставит одну кружку, давая понять, что ужинать не будет, и, не проронив ни слова, возвращается в свою комнату, плотно прикрыв за собою дверь.

Странный тип! Когда и кто у нас отказывался по русской традиции за стопкой узнать, что в мире творится, поговорить про политику, про урожай, просто за жизнь, познакомиться наконец? А этот не взглянул даже! Ну что ж, спасибо, хоть впустил.

Неторопливо ужинаю, прислушиваюсь к шуму дождя и гадая: что за фрукт этот хозяин. Рассмотреть я его толком не успел: вроде не стар ещё – лет сорок с небольшим, высокий, сутулый. Хозяйственный – в доме чисто и аккуратно. Руки, видать, на месте, вон какой подсвечник смастерил из консервной банки: край жестянки ажурно изрезан, выгнут причудливо, гвоздём по кругу пробит замысловатый орнамент. С выдумкой сделано!

А что за книга лежала на столе? Сразу её захлопнул и унёс. Похожа на Библию. Странно. Сейчас все детективы да приключения читают. А тут тайга, пасека – и Библия!

Это после семидесяти лет советской власти и в крае, где на всю огромную территорию осталось только две-три церкви! Да и то, эти церкви в самых крупных городах. А отсюда до ближайшего города выбираться – о-ё-ёй. Скоро и мне этот путь предстоит: отпуск-то проходит. Скорее бы дождь перестал, чтоб в оставшиеся дни успеть нарыбачиться досыта, надышаться таёжной чистотой допьяна.

Приятная истома растеклась по моему телу. Какая малость нужна иногда для полного счастья! За окном изливает свою душу сентябрь, толкается ветер, а здесь тепло, уютно, спокойно. Да, повезло мне, что не коротаю ночь в палатке под грохот капель, бьющих в брезентовую крышу.

Громко благодарю:

– Спасибо, хозяин! Где бы на ночь расположиться? – убираю со стола, нарочно звякая посудой. В ответ ни звука. Ладно, сам разберусь. Задуваю свечу, выхожу в сени, включаю фонарик и стелю себе в уголке.

Под шум непогоды стараюсь заснуть, но сон не приходит. Мысли толкутся суетливо, перебивают одна другую. А дождь всё льёт и льёт. То затихая, то с новой силой обрушиваясь на отмякшую землю...

Ночью пасечник несколько раз выходил на крылечко, стоял под дождём; тяжело вздыхая, заходил, и неудобно как-то было окликнуть незнакомого человека, перекинуться с ним словом, завести неторопливый разговор, прожидая бессонное время.

Поздний дождливый рассвет подслеповато заглядывает в окошко. Дождь всё шумит. Он мерно звенит каплями по какой-то жестянке. Усыпляюще шуршит по листе покрасневшего клёна, ствол которого виден в окошко, а поникшая ветвь вздрагивает, стряхивая насевшую сырость, тарабанит по крыше.

Лежу и обдумываю: чем же заняться в такую погоду. Здесь бы остаться, переждать, да хозяин уж очень какой-то негостеприимный.

Открывается сенная дверь, и выходит пасечник. Не взглянув даже в мою сторону, сбрасывает щеколду, пихает плечом набухшую наружную дверь. Она распаивается, впусив гул ливня и тяжёлую прохладу отсыревшего воздуха.

Пасечник, стоя в проёме, смотрит вверх на тяжёлые тучи, шумно вздыхает, оглядывает поляну. Внезапно охает и с искажённым лицом, пошатываясь, как пьяный, вбегает в дом.

Что-то случилось! Быстренько выкарабкиваюсь из уютного спального мешка, бросаюсь к выходу и чуть не падаю от толчка выскочившего в сени пасечника. В руках у него ружьё и патронташ. Не обращая на меня внимания, трясущимися непослушными руками вынимает патрон и пытается зарядить двустволку, хрипло шепча:

– Падла! Падла! Я т-те щас!..

Через его плечо пытаюсь сквозь пелену дождя разглядеть хоть что-нибудь. У омшаника под навесом, рядом с собачьей будкой шевельнулось рыжее пятно. Да это же... тигр!

Стоит и спокойно, по-хозяйски обнюхивает дыру под омшаником, куда, очевидно, спряталась собака.

Щёлкнули, закрываясь, стволы. Думать некогда. Хватаюсь за ружьё, яростно шипя:

– Ты что, дядя, сдурел? Тигр в Красной книге!

И давлю, давлю изо всех сил на стволы, направляя их в пол.

Пасечник, лишь на мгновение опешив, рванул ружьё к себе, в бешенстве дёргая

им во все стороны. Я сопротивляюсь что есть сил, отталкиваю чёрные зрачки стволов от себя вверх, вниз, вбок.

– Отцепись, сволота! – клокотало в его горле. – Она... Ромку... племяша... моего... А-ах ты!...

И он резко дёрнулся назад. Мелькнул кулак. Громко клацнули мои зубы. Голова откинулась. В затылок хрустко вбилось что-то остро-твёрдое.

Громыхая гигантским обвалом, обрушилась темень. Зазвенели колокольцы. Ярко вспыхивая, зароились кругами разноцветные светлячки. Завертелись, закружились, слепя. Колокола оглушают, гудят набатом, бьют, бьют в затылок...

Далекое-далекое детство... Сон надвигается, укрывает мягко и заботливо уставшие ноги и руки, подбирается к изголовью. Его отгоняют яркие события дня, что вспыхивают на тёмном экране сомкнутых век. А сон, отступив, подкрадывается опять, неторопливо, незаметно...

За стеной молится бабушка. Её монотонный голос подбирается через пуховую подушку, вытесняет мысли, завораживает, помогает всепобеждающему сну.

Но тот словно чего-то выжидает. Слух напряжённо ловит обрывки фраз, слова и держит на расстоянии медлительный сон.

«Господи, прости мя...»

– Милая бабушка, ну сколько раз можно тебе объяснять: Бога-то нет!

– «Прости и помилуй...»

– Ну за что тебя прощать, такую добрую?

– «Во имя Отца и Сына и Святага Духа...»

– Ну, всё. Завтра спрячу иконку так, что не найдёшь этот Святой Дух. И никакой Бог тебе не поможет.

– «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...»

Странная молитва какая-то: никогда бабушка её не читала.

– «Наипаче омой мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя, яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну...»

Да ведь это не бабушкин, а дедушкин голос!

– «Отврати лице Твое от грех моих и вся беззакония моя очисти...»

Что за чушь: дедушка-то у меня не верующий. Первый комсомолец, ветеран войны, председатель сельсовета. Да и жена его неверующая: колхозница, бригадир-передовик.

– «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей...»

А другой дедушка на войне без вести пропал. Это его жена – моя бабушка, что каждый день молилась.

– «Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего...»

Так кто же это молится? Сквозь веки пробивается тусклый свет. Незнакомые, недетские запахи. И шум, постоянный шум. Как у порожистой реки. Так я и есть у реки. На рыбалке. В отпуске. В тайге.

Ничего не понимаю. Открыв глаза, смотрю на незнакомый потолок, слушаю незнакомый голос, незнакомую молитву. Где я?

Пытаюсь повернуть голову, но боль током блеснула в глазах, вытолкнула из груди стон и вернула память. Пасечник – сволота! Зверь – не человек!

Пробую встать, но в глазах от боли меркнет свет.

– Ты лежи, мил человек, – раздаётся рядом голос, – и прости меня, грешного.

Такое отчаянье послышалось в голосе, что я с удивлением открыл глаза.

Обхватив руками голову, сидит за столом этот уголовник. Обречённым взглядом смотрит в окно. И такая во всём его облике безнадёжность и безысходность!

– Господи! – вдруг вырывается из его груди. – Ну как мне дальше жить, Господи? Ну за что мне такое наказание?

Руки его безвольно упали на стол. Голова низко склонилась. Плечи судорожно передёрнулись.

– Ты чего, дядя? – спрашиваю, с трудом шевеля челюстью. За что ты меня так? А если б убил?

Долгое-долгое молчание.

– Ты прости меня, парень. Прости хоть ты. Я-то ведь себя не прощу. Уж слишком нагрешил. Всю жизнь работал я здесь егерем. С начальством дружбу водил. Сколько зверя я перебил! Сотни кабанов, изюбрей, оленей. Бил зверя зимой и летом, ночью и днём. А кого мне тут бояться? Все друзья, все свои.

Случалось, и тигра стрелял, когда он попадался. Вредный зверь. Мешал он всем. То собаку утащит, то скотину у кого-нибудь задерёт. Десять лет назад тигр тракториста в тайге съел, и начальство стало бояться охотиться там, где живут тигры. Если ж подстрелишь тигра, то в героях целый год ходишь. Убьёшь, покажешь друзьям, похвастаешься, да и оставишь его воронам. А зачем он нужен? Шкуры у себя дома вешать было как-то не модно.

А в позапрошлый год открыли границу, китайцы стали шкуры и туши тигриные покупать. Деньжищи громадные платили: две «Тойоты» можно было купить или дом хороший. Ну, кому везло, стреляли тигров, продавали, богатели.

Завидно мне стало, что столько их перебил, а живу небогато. И, как назло, перестали тигры на моём пути встречаться. Ну не везёт – и всё. Как-то раз даже тигрицу с тремя большими тигрятами видел. Представляешь? С тремя! Вырастила, уберегла, выкормила! От красоты такой стою, не шевелясь, любуюсь. Да рука сама по прикладу скользнула до спускового крючка...

Но стрелять не стал, отпустил: пешком шёл, а их всё ж четверо. Встретил бы где на дороге, думать долго не стал: пострелял бы из машины всех.

Почти год по тайге мотался, тигра не встретил. Следов-то много, но специально за тигром по следу ходить –

шибко рисковое дело. Да и догони попробуй, когда он без остановки пятьдесят километров через хребты прошагать может.

Как-то поехал на грузовике ночью на поля фарой светить да по глазам звериным пострелять. У меня лучше, чем у других, такая стрельба получалась. Глазомер! В темноте только глаза светятся и ничего больше не видно. Тут надо чувствовать, каким боком зверь к тебе повернулся, где у него убойное место.

В ту весну на молодые всходы пшеницы много зверья выходило. Изголодались после бескормной зимы по зелёной травке. Подъехал к полю, светанул фарой – есть! С правого края засветились глаза у табунка косуль, слева несколько изюбров стояло. А между ними зелёными фонарями блеснули глаза тигра.

Ну, наконец-то, думаю, машину японскую куплю да квартиру обустрою. Прицелился, стрельнул. Тот прыг – в кусты. По прыжкам видно, что попал. Обрадовался. На рассвете, решил, я его найду, добыю, если живой будет.

Утром надумал напарника с собой взять: с раненым тигром страховка нужна. А кого пригласить, чтоб надёжный был, не разболтал бы чего лишнего? Да родственника. Племянника Ромку. Недавно из армии пришёл. Стреляет хорошо. С детства к охоте приучен. Но не нравилось ему это дело. Не любил зверей убивать.

Всё же уговорил я его, и поехали. Приехали на это поле. Нашли следы – кровь тигра на траве, листьях – и пошли осторожно. Сразу крови много было, а потом всё меньше. Нашли тигриную лёжку. На ней кровь ещё была, а потом перестала встречаться: зализал рану, значит. Изредка высокая капелька попадетя, и всё. Потеряли след. И вмятены от лап на прошлогоднем листе да на сухой траве долго не держатся: подсыхают на солнце и выправляется смятый лист да трава. Ясно, что тигр пошёл вдоль ключа.

Стали искать у ключа, не теряя друг друга из вида. А ключ в том месте валежинами завален, берега высокие, кусты густые...

На секунду только Ромка скрылся за завалом. Тут тигр на него и набросился. Парень выстрелил, да мимо, вскрикнул только... Не успел я!

Год уже прошёл. Охотиться бросил. Осудили условно: начальство за меня заступилось. А тоска смертная. Ни днём, ни ночью покою нет. Руки на себя наложил бы, да дети у меня в райцентре малые.

Никого видеть не хочу. И тебя бы не впустил, да ведь родственник мне твой дед. Очень я его уважал. Отца моего спас от расстрела. Все мы в этих местах родились, все родственники. А какое здесь было село богатое, но прахом всё пошло: разогнали и расстреляли чуждые советской власти кулацкие элементы. А название-то какое село имело! Звёздочка!

Вот так и маюсь. Работаю да молюсь. Молюсь да работаю...

Затих голос. Снова шумел и лил дождь, бормотал и капал, отпевая и оплакивая не отпетое и не оплаканное этой земли.

«Боже, милостив буди мне, грешному...» – вдруг донеслось из-под закрытых ладоней.

«Упокой, Господи, душу невинно убиенного раба твоего Романа и прости ему все согрешения вольная и невольная, и даруй ему Царствие Небесное...»

Рвалась из души грешника молитва. Выбиралась наружу из этой тёплой уютной пасеки, натыкалась, горячая, на холодные струи дождя, билась и металась неистово, не находя выхода, среди чужих, равнодушных капель. И, ослабевшая, остывшая, струилась тоненько всё выше и выше...

НАХОДКА

Позади день бесплодных скитаний. Бывает же такое: кругом следы, следы, а зверь – как сквозь землю провалился! Вконец измотанные, присев ниже увала в ветровом затишьи, смотрим на уходящее в распадок солнце, слушаем шумные выдохи не уставшего за день ветра. Ноги, словно налитые свинцом, гудят и заглушают всякое желание двигаться. А до деревни ещё несколько километров бездорожья.

Но охота – пуще неволи. И лишь перестали напоминать о себе уставшие мышцы, возникло желание проверить ещё заросшую густым кустарником чащину, уютно расположенную на южном склоне ближней сопки.

Обговорив место встречи, разошлись. Но и в этом месте только иногда доносился треск убежавшего зверья да парили теплом только что оставленные дневные лёжки. Со всех сторон – сплошная стена зарослей лещины да круговерть сильного ветра. Всё равно – ничего! Вот уж если не везёт, то не везёт. Да пошла она, эта охота! И ноги решительно повернули к месту встречи.

Издали вижу довольную физиономию напарника. Неужели что-то есть? Неужели вернёмся домой не с пустыми руками? И ноги быстрее зашагали, «горя нетерпением узнать радостную весть».

– Ну что?

– Зайца подстрелил, – важно сообщил напарник.

– Фи-и... Ну, хоть зайца – и то дело.

– И... И т-и-г-р-а нашёл.

– Как тигра?! Как нашёл? Где?

– Да во-он там. Лез по кустам, зайца поднял. Он отбежал немного и сел на виду. Ну, я «бах» – и он готов. В рюкзак

положил, дальше иду. Метров пятьдесят прошёл, гляжу через кусты: в ложбинке какие-то кости, вроде как рёбра лежат. Дай, думаю, гляну: чьи мослы там? Подхожу, а это... тигр! Дохлый. Лежит на боку. Лапы вытянуты. Шерсть клочками. Голова запрокинута. Глаза застекленевшие. Давно, видать, лежит: промёрзший весь. Может, подстрелил кто, может, сам отравился на свалке. Но вороны не раздолбали. Метров десять до него не дошёл. Что-то жутко стало: я ведь ни разу в жизни его не видел. И я боком-боком от него. Уже давно тебя жду: забрать его надо.

Солнце, блеснув на прощанье из-за тучи, ушло за хребет, и сразу стали подниматься сумерки, отвоёвывая пространство для самой длинной ночи года.

– Ну, куда тут уже идти, – говорю. – Домой потопали – завтра с охотоведом подъедем и заберём.

Вечер прошёл в оживлённых спорах: что делать с такой находкой? А нескончаемая ночь не давала сна уставшим телам. Все никак не могли придумать, где лучше оттаивать такую тушу, как шкуру выделывать, что с остальным делать.

Бывает же в жизни такое! Ничего-ничего, и тут на тебе – целый тигр! Лежит себе готовенький. Вот это находка! Вот это трофей!

Трофей... Результат охотничьего труда. Награда за десятки километров пройденного пути, впитанных всем своим существом просторов, вдыхаемых жизнью. Жизнью такой неиссякаемой и хрупкой, вечной и быстротечной, трагичной и радостной. Радостной тихо и незаметно, как деревья, сменяющие друг друга, растущие и павшие, всегда укрывающие эту землю. И радостной ярко и стремительно цветами, полётом синих махаонов, навсегда уносимой звонкой струёй ручейка. Жизнь – это радость, питающая всех и исходящая от всего живого. Питающая самое светлое и высокое у человека – мечту. Поддерживающая в дни досаднейших неудач и ошибок. В конце концов награждающая частью себя – трофеем. Кто знает его настоящую цену? Как бы ни переливалась и ни искрилась шкурка пушного зверька, как бы ни были велики и тяжелы рога оленя, но настоящую красоту и тяжесть трофеев видит и чувствует только тот, кто это добыл, отыскал. Кому это оказалось подарком за труд, за выносливость и терпеливость, за ум и настойчивость...

Трофей – это подарок. Подарок от жизни. Подарок за жизнь. Подарок за то, что ты Человек. Что ты – Природа, потому что ты её любишь, потому что знаешь, чувствуешь, ты – в ней, ты – частица её.

Но всё громче раздаются голоса за запрет охоты. Против питания человека живым. Что радоваться дыркой в сердце зверя может только злодей, который так же сможет и со своими ближними. Что только тот любит природу, кто не обижает «братьев меньших». Ложь! Нельзя любить то, чего не знаешь, на что смотришь через экран телевизора, окно автомобиля, иллюминатор самолёта, что разглядываешь на фото, до чего не дотрагивался, чем не дышал, что не слышал наяву, чем не мог налюбоваться. А кто знает и любит по-настоящему? Это – охотник. И это тысячу раз доказано самой природой.

Попробуй найди человека, который не губит живое. Крестьянин? Он своей рукой кормит, холит животных, а потом этой же рукой их и убивает. Который всю жизнь борется с «вредными» сорняками, окультуривает, то есть осушает, орошает, перепахивает, удобряет каждый мало-мальски удобный клочок земли. Но земля почему-то от этого скудеет, природа вокруг преобразается, гибнет.

Горожанин? Который травит живое вокруг, вместе с собой, заводами и фабриками. А попав на природу, норовит урвать от неё побольше. Который завоёвывает оставшееся пространство, прокладывая новые дороги, линии электропередач, кабели, газопроводы.

Может быть, вегетарианец? Но кто докажет, что растения не живые? Дотронься до мимозы, и от прикосновения она складывает листья, никнет, а ведь её родственники вырастают в громадные деревья. Семена без тепла и влаги не могут долго храниться. И, чуть побольше тепла, влаги, только чуть станет светлее, как из «неживого» семени появляется жизнь.

Человек – злодей. И, как это ни прискорбно, в обозримом будущем им останется. Сам себе сотворил злодейские условия жизни и изменить их пока не в состоянии, несмотря на всё своё могущество.

А может, всё-таки не злодей – ведь всё на земле живёт за счёт другого, что естественно. Значит, естественен и человек. Естественен в использовании живого, пока зависим от природы этой планеты. Только бы не переходить ту грань равновесия, где человеку сытно и природа благоденствует. Но, увы, эта грань давно переступлена, почти везде, где живёт человек. И невозможно уже зачастую вернуть утерянное. И когда уже человек опомнится, когда ума наберётся?

Под утро только и заснули. Чуть свет вскочили. Нашли топоры – в кустах дорогу прорубать. Приготовили верёвки – тигра тянуть. Побежали к охотоведу – уже нет дома: день

воскресный, сезон охотничий. Та же картина и с другими ответственными лицами – никого нет дома, как специально. Как-то даже энтузиазм схлынул. И не на чем подъехать, и не с кем. Вот невезение, а там тигр лежит – вдруг кто-то ещё найдёт. К обеду только подвернулась попутная машина: до места хоть подбросит – и то ладно. С сопки тигра вниз стащим, а там видно будет.

На сопку лезли наперегонки. Издалека привлекли внимание крики ворон: вроде кричат на том месте, где должен быть тигр. Повернули прямиком на крики. Немного усилий, отнятых крутым склоном с густым кустарником, – и фейерверк отчаянно хлопающих крыльев поднялся из зарослей. Вот заразы! Небось, испортили всего тигра! Ничего от них не спрячешь! Но вместо тигра... остатки оленя. И следы, следы владыки вокруг. Да, хорошо он вчера пообедал: зараз съел почти всего оленя. Долго, видать, голодал. А где же наш тигр?

Я первый нашёл вчерашний след напарника. Он пыхтел сзади. Ага, вот здесь он вчера на месте потоптался: стрелял. Дальше заячьи следы и пятнышко крови. Тут положил зайца в рюкзак. Вот пошёл крадучись. Опять потоптался на месте. Где-то рядом – тигр. Но следы обрываются и идут в обратном направлении. Ниже в ложбинке большая тигрина лёжка и уходящие прочь следы гигантской кошки...

– Где же твой тигр? – оглянулся я на напарника.

Схватившись за дерево, тот стоял с серым лицом.

– Как хорошо, что я к нему не подошёл ближе, – только и смог сказать он.

КОНФУЗ

– Ну скажи ты мне, Иваныч: почему мне так не везёт? Вот ты чуть не каждый месяц тигра встречаешь. А я десять лет уже прожил в районе, но всё не удаётся на него посмотреть. Только следы.

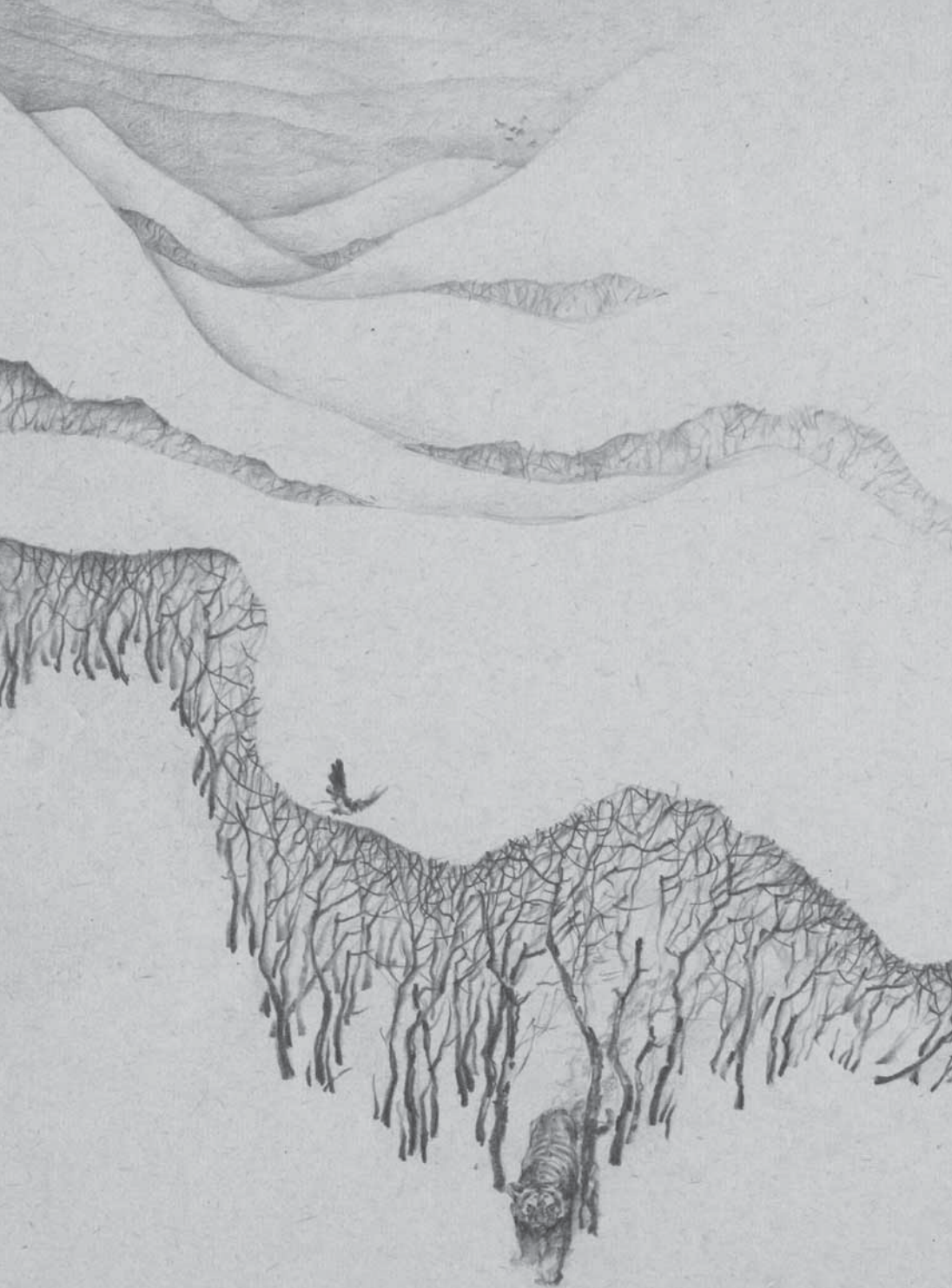
Вдруг, ни с того, ни с сего, прервал вой двигателя директор лесхоза. Сидел же, дремал.

– Тебе что, Петрович, сон дурной приснился? Ну, не видел – и чёрт с ним. Хоть зверюга интересный и красивый, но я как увижу тигра, будто душу кто перевернёт. Неприятно. Вот и удэгейцы говорят, что встреча с амбой приносит несчастье.

Заснеженная колея лесовозной дороги крутилась вокруг валежин и скал узкой долины горного ручья, сползала с обрывов и карабкалась на склоны. Лесовоз осторожно пробирался колеей, звеня максимальными оборотами на подъёмах: нагрузили сегодня как никогда. Небось, кубов четырнадцать. Да. Никак не меньше.

– Ну, Петрович: спал же всегда, когда со мной на лесосеки ездил. А тут посреди пути – как кто толкнул: «Ну скажи ты мне, Иваныч, почему тигра не встречу?» Оно, конечно, интересно хоть разок взглянуть на такого зверюгу. Но это как повезёт.

– Отец вот мой всю жизнь лесником в заповеднике работает, но тигра так ни разу и не встретил. Много раз и рёв его слышал, и следом ходил. Но вот не видел – и всё тут. Не судьба. А в позапрошлый год, помнишь? Из Москвы на день ко мне проездом родственница заезжала дальняя. Тайги никогда не видела! Так не успел автобус с перевала спуститься, нате вам – через дорогу тигрица с двумя

годовальными тигрятами переходит. Сама перешла, а тигрята автобус увидели, посреди дороги легли, как в засаде. Прижались, говорит, съёжились, и ни с места.

Стоит автобус. Перед ним в пятнадцати метрах два тигрёнка, а неподалеку в кювете мамка их нервничает, хвостом по снегу бьёт. Картина!

Рыкнула тигрица два раза, тогда только тигрята, друг за друга прячась, в кювет попятились. К мамке прижались, а тигрица давай их лизать-целовать. Картина!

Отошли потом от дороги метров за сто да давай играть!

Водитель двери открыл, пассажиры все из автобуса выпрыгивали, стоят, руками машут, ахают, себе не верят. А тигрица-то прыг к автобусу: идёт. Веришь, нет, Петрович, за секунду двадцать человек через дверь прощепилось! Во – рекорд! Тако...

– Петрович, тигр!

Вывернув из пихтовой рощи, лесовоз по пологому спуску полегоньку скатывался, тихо бормоча двигателем. Навстречу, по-хозяйски ступая, вышагивал крупный самец. Не меняя шага, свернул за молодые кедрушки.

Петрович ожесточённо скребёт замёрзшее стекло, но ничего не увидел.

Торможу напротив места, где свернул тигр. Опускаю боковое стекло и, поискав взглядом среди зарослей, вижу тигриный бок у валежины.

– Петрович, вот он! Вот! Да вот же!

Петрович старательно сверлит взглядом заросли, но ничего не замечает.

Тигр шевельнулся и стал обходить лесовоз слева.

Отчаянно крикнув, директор открыл дверцу, крадучись прошёл вокруг кабины, выглянул через капот двигателя.

Ничегошеньки не видит!

Тычу в сторону тигриного бока, пальцами рисую в воздухе три кедрушки, за которыми притаился тигр.

Не видит!

– Да вот же он!– шиплю, высунувшись в окно, и тыкаю рукой многократно в тигриный силуэт.

Петрович, выглядывая, старательно таращится, ищет, ищет – не находит! Тигр не двигается, и Петрович не видит!

Ну, Петрович! Смотрю на тигра, на его танцующий хвост. Нога нащупала пятак акселератора.

Па-а-а-а! Ахнул эхом сигнал.

Огромными крыльями взмахнули полы овчинного тулупа взлетевшего на капот директора. Громыхнула над головой жесь кабины.

Бух! Хлопнулась дверца.

Ш-ш-ш-ш-ш! Тугая струя воздуха от мелькавших у моего носа кулаков била в ноздри.

Кулаки рвали воздух у моих глаз, подбородка. Потрескивали швы прищемлённого дверцей тулупа. Тише, тише. Слабеют рывки.

Уф! Пронесло! Газу!

НАУКА

– Э-э, парень, притормози. Я тоже думал, что наука – это баловство: не нужна она мне, простому человеку. Что птичек считать да мышек потрошить – только деньги зря тратить да дармоедов разводить. Другое дело кабана изучать, медведя, изюбря – с них хоть мясо, желчь, панты. Да и то – чего на них деньги тратить: не тревожь – они сами разведутся. А потом – не стреляй маток да тигров поразгони, чтоб не мешали, и будет не тайга, а рай.

Пока Васька-друг меня не поучил, так думал. Вернее, тигр Ваську, или нет: я – тигра. Тьфу-ты. Кто кого учил? Ну, в общем-то, я виноват.

Было это в позапрошлый год. На бензовозе я тогда работал. С Васькой охотились вместе, участок у нас был – ключ Берёзовый. Соболей ловили да мясо стреляли. По выходным вместе, а в будние дни Васька один капканы проверял. Я его попутно довозил до участка, а вечером забирал.

Так и в тот раз. Утром доехали до Берёзового. Договорились, что жду его на обратном пути до шести вечера. Если к этому времени он не выйдет, значит, перевалил в другой ключ да на попутках домой сам возвращается. Как всегда. Обычное дело.

Ну, вот. Подъехал я в пять и жду. Гадаю, поймался ли соболю, что на «Урале» живет. Это скала такая – «Урал» – издалека её видно, большая очень, с осыпью. Василий второй сезон не мог его поймать: профессор какой-то, а не соболю. Второй раз по своему следу почти не бегаёт, даже на приваде – под след, «на подрезку», капкан ставить бесполезно. На переходах – по валежинам, капканы и петли или перепрыгивает, или обходит понизу – «очень крупный котяр»

– его так и зовём. В ловушки – вообще не заглядывает. Вот что ты с ним сделаешь? Васька и умные книжки читал, и по свежему следу за ним с собакой гонялся – ни в какую.

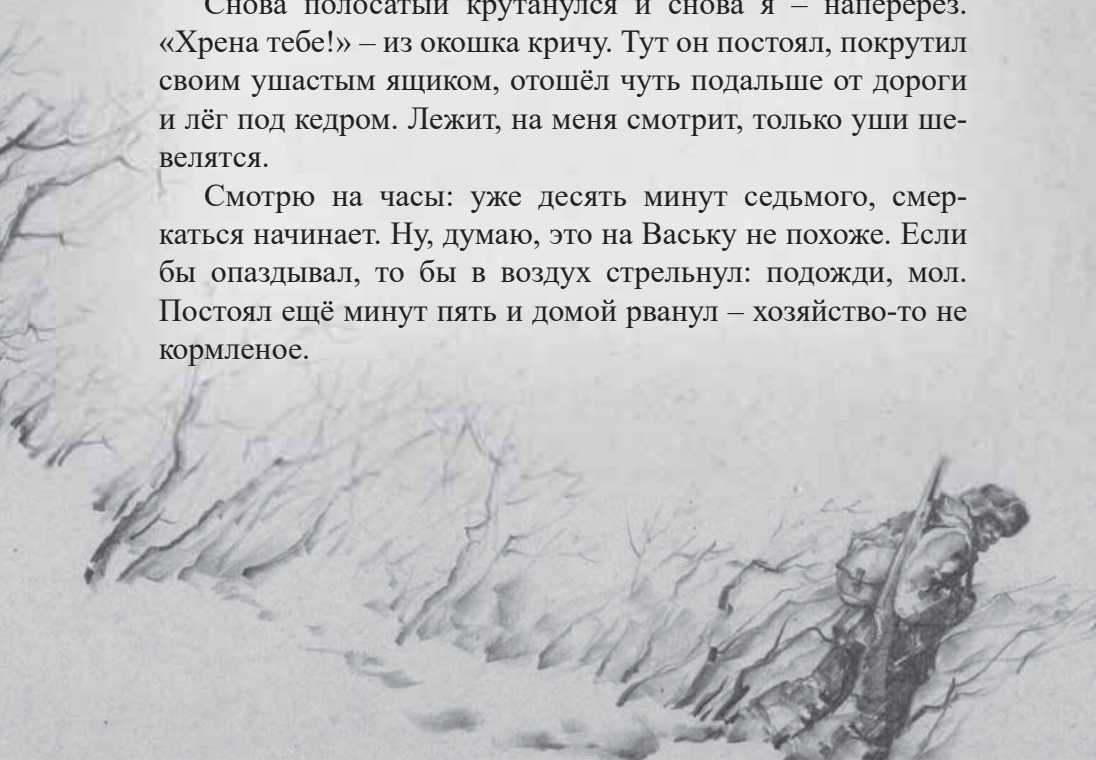
Да, жду я друга, скучаю. Глядь: впереди между деревьями тигр пробирается – прямиком к трассе, перейти её норовит. Я завожу – и к тигру. Стал напротив него, газую. Он здоровый такой, что лошадь, – хвостом постегал по кустам, клыки поскалил, да назад.

Смотрю, он за леском крутанулся, да опять к дороге – в другом месте перейти. Я опять подъезжаю, останавливаюсь напротив, газую. Тигр посиховал и опять назад. Сделал дугу и далеко за спину заходит.

Ага, думаю: неграмотный тигр – не знает, что машины и задним ходом умеют. Даю задний ход. Останавливаюсь, газую. Тигр психует, а мне-то весело. Кабина у МАЗа железная, высоко над землёй. Я те покажу, думаю, кто на трассе хозяин!

Снова полосатый крутанулся и снова я – наперерез. «Хрена тебе!» – из окошка кричу. Тут он постоял, покрутил своим ушастым ящиком, отошёл чуть подалее от дороги и лёг под кедром. Лежит, на меня смотрит, только уши шевелятся.

Смотрю на часы: уже десять минут седьмого, смеркаться начинает. Ну, думаю, это на Ваську не похоже. Если бы опаздывал, то бы в воздух стрельнул: подожди, мол. Постоял ещё минут пять и домой рванул – хозяйство-то не кормленное.

А потом что было!

Васька-то опоздал! Часы остановились у него – забыл накануне завести.

Говорит, даже слышал, как я отъезжал.

Ну вот, подходит он – уже дорогу видно, а навстречу – тигр! Встал на пути, рычит, не даёт пройти. Ну, Васек зарорал на него матерно всяко-разно и задом-задом отступил. Как всегда. Обычное дело.

Круг, говорит, с полкилометра сделал, обошёл то место – и опять к дороге. Только выходить, а тигр как сиганёт из кустов навстречу! Ревёт, хвостом бьёт. Васёк в ружьё вцепился, орёт. На мушке держит, стрелять боится: вдруг картечь такого слона не остановит?

Опять задом отходить, но тигр совсем озверел, кидается к самым ногам, лапищей с когтищами воздух загребаёт, грохочет рыком...

Да, натерпелся Василий! Кто же знал, что такое может случиться? Что тигр мстить так будет?

Стоит Васёк, не шевелится – полосатый тоже стоит, рычит только. Как шевельнётся – сразу же кидается.

Сколько времени прошло – Вася не знает. Уже стемнело давно. Хорошо, что в десяти метрах от дороги. Грузовик спас. Издалека загрохотал пустым кузовом, осветил фарами деревья. Тут тигр не выдержал, пригнул голову и шмыгнул в сторону. А ноги Васькины как ватные. Ни на одну сопку, говорит, с таким трудом не поднимался, как на это дорожное полотно высотой полтора метра. Но успел, смог перед машиной встать. Довезли до дому.

Вот. А ты говоришь: нау-у-ка, нау-у-ка. Вишь, как природа мстит человеку. А сколько болезней те же мыши переносят? А речки мелеют? А леса сохнут? Нет, брат, без науки – нельзя!

ДИК

– Вот как вы считаете – может ли безоружный человек тигра напугать?– прищурился хитрые глаза, спросил старый пасечник. Вокруг, сомкнутые ночной чернотой, стояли тесно великаны-деревья. Морщинистая кора тускло отсвечивала бликами костра. Оглушающую тишину лишь изредка вспугивали далёкие вскрики филина. Даже пламя беззвучно съедало сухие сучья, раздвигая ночную свежесть мягким теплом. Неожиданный вопрос пасечника отбросил подступающую дремоту. Нет, никто из сидевших у костра на вопрос ответить не мог.

– Ну, слушайте, коли так,– задымил папиромой старик. – Была у меня собака. Дик. На вид так себе: дворняга. Но на охоте – других таких поискать. Ещё восьмимесячным щенком пошёл на кабана в своре с другими собаками. Но неудачно. Сильно поранил ему секач заднюю ногу и, видно, нерв задел: болталась нога, как тряпка. Пришлось на руках нести домой. Думал – всё, лапа действовать уже не будет. Но со временем отошла. И наступила для Дика тяжёлая, но азартная жизнь: зимой на охоте верный помощник, летом на пасеке надёжный сторож. Когда спас меня от медведицы, что забрела на пасеку с медвежонком, понял: цены ему нет. И на охоте Дик останавливал любого секача и держал, пока я не подспею. Да, всякое бывало. Один раз попался Дик в капкан и чуть не месяц в нём сидел. Хорошо, что морозов тогда не было. Охотник же – хозяин капкана – боялся к нему подойти и освободить, пока Дик совсем не ослаб. Домой приполз из последних сил. Страшно смотреть на него было: скелет, обросший шерстью. Но ничего, бульончиком отпоили. Думал, такому опытному псу обеспечена долгая жизнь. Но не тут-то было.

Пошёл как-то я на рыбалку и взял Дика с собой. Он сильно просился побегать: долго уже сидел на цепи. Пока в ключе набирал ручейников, Дик бегал рядом, потом, кого-то почуяв, убежал на сопку и скрылся за увалом. Час прошёл, а его всё нет и нет. На душе у меня беспокойно стало. Полез я на сопку, направился следом. Свистел, кричал – ни звука. Стало темнеть. Повернул домой один. Ночью не мог заснуть, выходил несколько раз: проверял, не прибежал ли. Утром пошёл на поиски. Нашёл то место, где видел Дика в последний раз, определил направление и двигаюсь, приглядываясь: не взрыт ли где лист, не оставлен ли где след или клочок шерсти? Шёл, шёл, поднялся на другую сопку. Посмотрел сверху: чистый склон – ни следов, ничего и никого. Посреди, на открытом месте – кедр. Спускаюсь к кедру. Когда уже проходил мимо, из-под него выскочил тигр и с рыком кинулся на меня! И как я его на чистом месте не увидел?! Он лежал, затаившись, – точно как куча старой листвы. От неожиданности я закричал, расставил руки и... прыгнул тигру навстречу. Тигр... увернулся и, продолжая реветь... убежал. Состояние мое было спокойное, даже героическое. Огляделся вокруг, увидел кучку листьев, разгрёб... Тигриный помёт и лапа Дика – всё, что от него осталось...

А через полчаса стало меня так лихорадить! Часа два трясло, как осиновый лист. Долго в себя приходил...

Рассказ старика, так поразивший наше воображение, вызвал горячие споры. О человеческих возможностях, о месте человека на земле, о его предназначении, о жизни, о судьбе. Долго говорили. Только старик сидел безучастно, не слыша никого, с тихой улыбкой смотрел на огонь и всё гладил и гладил дремавшего рядом молодого пса.

РУКА

– На тигра я не обижаюсь. Нисколько. Хотя вот и рука не действует. Так уж случилось. Мог ведь убить шутя – сильно я его разозлил.

Ситуация, говорят, классическая. Шёл по гребню сопки, остановился. Передо мной крутой неглубокий распадок. На противоположном склоне показались изюбри. Посмотрел в оптический прицел – заросли, но стрелять можно. Лег поудобнее, выбрал рогача покрупнее. Ну и выпалил всю обойму. Нет чтобы зарядить сразу. А я на трофей в оптику засмотрелся. Опомился, когда тигр уже рядом был. Вскочил, а он ударил меня лапой в плечо и руку из сустава выбил. Я упал лицом вниз, а выбитая рука за спину завернулась. Тигр куснул её в локтевом суставе и убежал. А ведь мог и за шею куснуть.

Оказалось, тигр на давленке был на дне распадка прямо ниже меня. Представляю, какой гром гремел у него над головой, когда я стрелял по изюбрю! Вот он разъярился и атаковал.

А то, что говорили, будто это тот тигр, который за три дня перед этим рыбака покусал да поцарапал, – неправда: тот тигр другой. Мой здоровый был, а тот небольшой. Да и пострадал рыбак по своей глупости. Шёл по ручью и личинок на рыбалку собирал. Ветер сильный был. И тут как будто громыхает неподалёку что-то. Ну, громыхает и громыхает: как шёл, так и шёл. Прямо на тигра, который только что оленя задавил и рычал-громыхал, предупреждая идущего человека. Атаковал, когда человек слишком близко подошёл. Кто виноват? Вот так-то.

Был тигр хозяином тайги – им и останется. А человек – гость. Только забывает про это. Но на тигра я не обижаюсь, нет. Хотя вот руку мне покалечил. А ведь мог и вовсе убить.

СИРЕНЕВАЯ

– Когда я пью, то контролирую количество выпитого с помощью... слова. Пока могу произнести – пью, как только язык споткнётся – хорош – норма. Слово это: «сиреневенькая». Кстати: жива наша Сиреневая!

– ?

– Да-да, жива.

– Да я же своими глазами видел её шкуру! Три года назад шкуру изьяли во время антибраконьерского рейда у китайского перекупщика – как раз в селе Бенеvском, где Сиреневая иногда собак таскала. И после этого её никто не видел!

– А я видел! Тринадцатого февраля возвращались из Преображения с военкомом и редактором газеты «Синегорье». Не доезжая двух километров до села Свободного, водитель говорит: «Вон тигр дорогу переходит». И точно: на повороте через дорогу мелькнул длинный силуэт.

Подъезжаем к этому месту, а в кювете лежит... молодая тигрица. К снегу прижалась, а глаза от любопытства аж горят. И страшно ей, и интересно. Ну, девчонка девчонкой. Сидим в уазике, любимся – до неё всего метров семь, рассматриваем в подробностях, обсуждаем красоту дикую. Редактор за голову хватается: всегда с собой фотоаппарат брал, а тут – как специально – не взял!

Тут вдруг вспомнили, что недавно рыбаков-мотоциклистов обогнали – вот-вот подъедут, а ещё неделю назад на Сергеевском перевале тигрица терроризировала проезжающие машины. Автомобили на крутом подъёме медленно едут, так она выскакивала из чащобника, гналась, или норовила на капот запрыгнуть, или лапой била куда придётся. Многие тогда страху натерпелись. Говорили, что тигрят её убили из машины, поэтому она и мстила.

Вот и вспомнили: вдруг эта красавица рыбаков испугает. Стали сигналить, кричать, дверцами хлопать – никакой реакции, только плотнее сжалась. Завели двигатель, автомобиль взад-вперёд подёргали, ближе к ней подъехали. Тогда только красавица нехотя встала, потянулась, повернулась, и так её шкура запереливалась в лучах заходящего солнца! Ну, всеми цветами радуги! Словно начали нагревать на огне кусок чистой меди, и медь от нежно-розового, сиреневого и фиолетового заиграла цветными оттенками. Жар-зверь! Сразу я Сиреневую вспомнил. Да и полосы на голове очень похожи. Не иначе внучка Сиреневой?

Покрасовалась тигрица, отошла чуть дальше за кустики, остановилась и опять на нас глазееет. А глаза-то, ну, прямо лимонного цвета!

Тут и рыбаки подъехали. Увидели тигрицу, газанули, ажно шапка с головы слетела. А мы ещё постояли, подобрали шапку, посигналили напоследок да и поехали рыбаков догонять.

Жива Сиреневая!

ПЛЕН

– Ох, и влип я однажды в историю! В плен попал... к тигру. В плену у тигра. М-да-а. Красиво звучит! Вот и голова такая красивая стала. Белая. Седой как лунь. Ведь сорока ещё нет! Врагу не пожелаешь. А ты спрашиваешь: «Почему седой?»

– М-да-а. Вот потому и седой. Думал, что только во времена великого путешественника Пржевальского тигры среди бела дня собак таскали, лошадей-коров давили да людей не боялись. Ан – нет. Тигр есть тигр и тигром останется. Всегда так было и будет. Точно!

– Да не-е. Не на дерево загнал. Не-е. Это слишком просто. Тут извращение в высшей степени и-зы-скан-ней-ше-е. Можно так сказать? Во-от. И-зы-скан-ней-ше-е из-вра-ще-ни-е. Поиздевался-а!

– Да как? А вот так. Послушай, может, пригодится.

Приехал к своему охотничьему зимовью. Часа в четыре – ещё солнце светило. На ЗИЛ-157. Знаешь такую машину? Во-от. Колуном его называют за простоту, надёжность, проходимость и неповоротливость. Выгрузил продукты, капканы. На неделю же приехал. Растопил печь, завел мотопилу, напил дров. Альта – собачка моя – лаечка восточносибирская, соболятница, кабанятница; убежала от шума да дыма проверить свои владения. Да, напил-накол дров на неделю, приготовил ужин. Нарезал хлеба, заварил чаю, налил в миску супа, разделся, сел за стол, взял ложку и... тут-то все и началось.

В дверь ударило что-то мягкое, зацарапало, заскулило.

– Альта, ты чего?

Только приоткрыл двери – как мышь – шмыг, и под нары забила. Поня-ятно: тигр в гости пожаловал. Это ж ника-

кой охоты не станет – так и будет то сзади, то спереди, то сбоку над душой, пока собаку не выцапает.

Взял карабин, вышел на крыльцо да разрядил всю обойму в кусты вокруг. Ну вот, говорю, Альта, иди в свою конуру – ушло твоё пугало. Выгнал собаку, налил ей супца в мисочку. Зарядил и поставил карабин возле двери. Только сел за стол и в руку ложку взял – опять в дверь стук, скулёж, царапанье.

Вот гад! В зимовьё её запустить? Не годится в тепле промысловой собаке томиться. Да и будет всю ночь тигр об углы тереться да снегом скрипеть. Стрельбы не боится. Так уже было у моего друга. Не выспишься.

А посажу-ка я её в кабину! Взял собаку на руки – брыкается, рвётся: никогда на руках не бывала. И понёс к машине. Машина в 20 метрах от зимовья.

Ты понимаешь, какой тигр наглый?! Только дверцу машины открыл, а он – вот он – идёт напрямик из-за зимовья. Здоровенный! Ещё не стемнело, силуэт хорошо видно.

Куда деваться? В машину. Хлопнул дверцей, сижу и матерюсь. На себя, на собаку, на тигра. Матерюсь, а он... идет! Подошёл к машине, обошёл вокруг и под кабину заглядывает, щель ищет, паскуда! Собака ни жива, ни мертва и, вроде, не дышит. К ногам прижалась, только вздрагивает иногда при шорохе. А он, падлюка, прыг – на капот, когтями скребёт – капот-то скользкий. Мордой в стекло потыкался: хорошо, что стёкла покрыты изморозью, ничего ему сквозь них не видно – и на крышу кабины полез. Как крыша жестяная хрустнула и прогнулась, так мне нехорошо стало.

Всё, конец, думаю. Щас стекло вывалится и крючки когтей подцепят намертво. Не сорвёшься. Это же надо так влипнуть?! Карабин в зимовьё, аккумуляторы оба с машины снял да под нары поставил, чтоб за неделю на морозе не разрядились. Ты понимаешь?! Над головой громыхает-гнётся жестянка кабины. Да-а...

Стал в себя приходиться, когда замёрз. Тигр давно уже с кабины спрыгнул да улегся меж машиной и зимовьём, а я всё в оцепенении под впечатлением, как крыша, прогнувшись, головы коснулась. Словно тигриная лапа вдавила по самую макушку в землю-матушку. Со всех сторон давит: ни вдохнуть, ни шевельнуться. А земля холодная, холод просачивается сквозь кожу, стынут мышцы, тянет сухожилия, крутит кости, сердце холодеет, замирает... Б-р-р-р!

Может, и замёрз бы, если б собака не шевельнулась. Очнулся, чувствую, что рук и ног не ощущаю. Стал шевелиться, дёргаться, растираться. Отскрёб лёд на стекле, глянул – стоит, стервец, перед машиной, слушает внимательно, как лучшую музыку. Луна полная, снег. Книгу можно читать, а тигра почти не видно: только тень его, да над тенью что-то призрачное, полупрозрачное чуть светится, словно оболочка души дьявольской. Вот он какой, лунный зверь!

Я ногами топаю, на сиденье прыгаю, ору-ругаюсь, а тот стоит, наслаждается. Сел потом тигр, завалился на бок, посутил лапами, перевернулся на спину, ёрзает на снегу. Весело ему, завывает, урчит, только смеха демонского не хватает.

Собаку к себе прижал, руки грею – нормально, а ногами топаю – ноги мёрзнут. Выскочил-то без портянок – носки только на ногах, под курткой только одна рубаша, хорошо, что шапку надел.

Повезло мне, что мороза сильного не было. На крики тигр внимания не обращает. Нашёл спички в бардачке, стал зажигать, швырять из приоткрытой дверцы – стекло опускать боялся: поймёт тигр, что это не одно целое с дверцей, да и вдруг лапой попробует на прочность. Но тигр только голову опускает к упавшим спичкам да следит, как они потухают в снегу. Надёргал из сиденья ветоши какой-то, обмотал гайки, поджигаю да швыряю в зверя. Но тот отошёл подальше, улёгся, вроде как заснул даже. Я и волком выл, и орал, и железяками стучал, и дверцей хлопал: не уходит!

Стал песни петь, себя подбадривать: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»!» А ночь всё тянется. Что ты тут сделаешь? Остаётся одно: ждать до утра. Жду, ногами стучу – мёрзнут! Что делать? В кабине костёр не разведёшь: машину спалишь. Да и из чего костёр? Из сиденья, что ли?

Боком меж сиденьем и панелью приспособился присесть. То на одной ноге, то на другой. Теплее. А пальцы на ногах всё равно мёрзнут. Нашупал под сиденьем железяку-монтажку, пропорол дерматин, разодрал сиденье, нащипал ваты, разулся, растёр пальцы, обернул ватой, натянул носки, обмотал куском тряпки, сверху полиэтиленом: в сапоги уже не засунешь. Сначала одну ногу, потом другую. Ноги спасены. Засунул их в голенища – всё теплее. А ночь-то вся ещё впереди – луна только до половины добралась. Тигр всё стережёт, не уходит. Как его прогнать?.. М-да...

Что-то изменилось. С трудом выпрямляю затёкшее тело. Ноги? Да не-е – живые ноги. Луна перебралась на другую сторону, светит через стекло правой дверцы. Светит другим светом. В кабине изнутри выросла белая шерсть – иней. Иней белеет. Не желтеет от света луны, а белеет. Рассвет? Точно!

Процарапал на стекле глазок, глянул. С другой стороны. Тигра нет! Открыл дверцу, осторожно выглянул. Нету!

В утреннем свете пестрит снег, истоптанный тигром. Ушёл? Внимательно всё вокруг оглядываю. Ушёл! Распахиваю дверцу, встаю на подножку, готовый прыгнуть и бежать в зимовьё, но... громыхнувший рык толкнул обратно в кабину. Подперев дверь зимовья спиной, на крылечке развалился полосатый.

Чтоб тебе ни дна, ни покрывки! Золотые угли глаз на расстоянии обжигают. Вот же нашёл себе развлечение, подлюга! Не хочет лежать на снегу, увалился на сухое крылечко!

Солнечный луч дотронулся до уголка обросшего ледяной шерстью ветрового стекла, ощупывая хрупкие волоски, словно пересчитывая их, сравнивая друг с другом, переползает справа налево. Наверное, уже полдень. Альта всё так же подрагивает от каждого звука, обеспокоено заглядывает в мои глаза.

Что, подруга? Дёрнула тебя нелёгкая пересечь тигриный путь! Долго ещё этот аспид будет держать нас в заложниках? Вон как разлёгся на крылечке: словно хан. Настроен заполучить тебя во что бы то ни стало. Вот уж дудки! Всю жизнь не везло с собаками: то украли, то секач распорол, то под машину попала, то отравилась. И только соболятница-умница выросла – на тебе: непременно возжелал её царь таёжный. Нет уж, дудки! Мы ещё посмотрим, кто кого.

Сколько может тигр ждать? Говорят, неделю. Два дня, считая вчерашний вечер, уже прошло. Остаётся пять? Солнце клонится всё ниже, словно всматриваясь в седловину сопки, где оно собирается уютно устроиться на ночь, и жёлтым светом льёт и льёт напоследок на голубой холод шершавого снега. Тигр, словно сфинкс, ровно положив перед собою лапы, выпятив грудь и гордо подняв голову, щурится на солнце. Глаза его слезятся от света, он часто моргает, но смотрит и смотрит на солнце, словно измученный жаждой, приник к прохладной живой струе и упивается с великим наслаждением. Так вот он какой, солнечный зверь! Так вот почему его шкура имеет все оттенки солнечного диска!

Солнце скрылось, лучи торопливо побежали по склону сопки наверх и, задержавшись на вершине, бесследно пропали, словно спрыгнули в темнеющую бездну. Как всё-таки хорошо сочетается цвет тигриной шкуры с цветом бревенчатой стены избушки! Прищуришься, и непонятно: то ли это кучу сухих листьев ветром намело, то ли мусор какой-то. Солнца давно уже нет, а глаза тигра всё светят, словно два оконца, за которыми сгусток света, укрытый

от мира и облачённый в толстую шкуру. Так же и у людей: у кого душа светлая, у того и глаза сияют. Ну и сравнение! Душа этого издевателя и душа хорошего человека? Но всё равно: красивый зверь. Очень красивый!

Вторая ночь на исходе. Под утро тигр обошёл вокруг машины, подлез под кабину, фыркнул недовольно. Наверное, неосторожно вдохнул едкий запах автомобиля. Потоптался рядом и крадучись пошёл по колее. Кого-то почуял? Бегом в зимовьё! Выждав минуту, тихо открываю дверцу и... быстро заскакиваю обратно: длинная тень мелькнула на тропинке, ведущей к ручью. Вот гадство! Не успел!

Сколько времени мне надо, чтобы пробежать 20 метров. Надо посчитать. Лучшие спортсмены пробегают 100 метров за 10 секунд. Я не очень быстро бегаю, беговой дорожки здесь нет – снег, плюс «обувь» да одежда. Получается, что не быстрее, чем 100 метров за 20 секунд. Это скорость. Дистанция 20 метров в пять раз меньше. 20 секунд разделить на 5, получается, что мне надо никак не меньше 4 секунд, чтобы добежать от машины до зимовья. Всего 4 секунды.

Так, теперь подумаем, как бегают тигр. Много раз видел по следам, когда тигр атакует, первые его прыжки никак не меньше 7 метров. То есть 20 метров для него – это всего три прыжка. Три прыжка для тигра – это не больше 1 секунды. Получается, что можно было успеть добежать, когда тигр отошёл метров на 80. Это вон до того кедра. Если по дороге. Или вон до того бугра, если по тропе. И всё. С других сторон заросли почти вплотную подступают к зимовью. Непроглядные заросли. Жаль! Был же шанс! Почему был не готов, когда тигр отошёл по колее? Ведь на 100 метров отходил! Даже мысли не возникло, что успею добежать! Как под гипнозом!

Ну, всё! Теперь надо быть готовым. Как только тигр отойдёт на безопасное расстояние – старт!

Зимний рассвет с усилием поворачивает к себе Землю. Земля нехотя поддаётся, словно накрепко приклеилась к звёздам, и те, отрываясь по одной, сразу же гаснут. Тигр лежит на крыльчке. Опустил тяжёлую голову на лапы, глаза закрыл, но уши стоят торчком, нацелены на машину, ловят каждый звук. Голод даёт о себе знать: тянущий желудок притягивает только одни мысли – о еде. В избушке накрыт стол... Неужели тигр не проголодался? Или пришёл закусить собачатиной, наевшись на неделю вперёд? Что-то не верится. Что же придумать, чтоб он ушёл? Как прогнать? Чем отвлечь?

Кинуть в него... монтировкой! Монтировка попадает ему прямо в лоб, тигр ревёт от страха и боли, пугается и... убегает! А если разозлится, прыгнет на машину, ударит лапой по хрупкому стеклу? Скорее всего, так и произойдёт. Что же придумать?

Собака покорно терпит. Словно так и должно быть: греть хозяина, не шевелиться и терпеть, бесконечно терпеть.

Мороз крепчает. Всё чаще приходится греться, приседая боком в тесной кабине или отжимаясь на руках, лёжа на сидении. Кабина изнутри покрылась толстым слоем инея. Время от времени очищаю от льда глазок на стекле и поглядываю на тигра – тот с удовольствием прислушивается к моей возне и всё лежит, лишь изредка меняя позы. А что ему: небось, запаса жиром на зиму, откормившись на кабанах, которых в этом году много.

Всё чаще наступает апатия. Холод проникает в тело, но нет желания пошевелиться – вот так и замерзают. Всё труднее себя заставлять приседать и отжиматься. Всё слабее становятся руки и ноги.

Третий рассвет. Невыносимый утренний холод громко треснул стволем дерева и с шорохом стал рассыпаться от прикосновения жёлтого света. Словно опомнившись, солнце распустило все свои лучи и сыпет по ним, как по лот-

кам, корпускулами призрачного тепла. День расплывается, мякнет. Оттепель. Иней на стекле потемнел, потяжелел, медленно пополз вниз.

Через чистое стекло смотрю, как синееет снег на склоне сопки, процарапанный белизной берёз. Среди белого и синего, словно старые трещины, – чёрные стволы кряжистых дубов, позолоченные не улетевшими листьями. Красиво. Нет ничего особенного: синий снег, белые берёзы, чёрные дубы, жёлтые листья, зелёные кедры. Но очень красиво.

Тигр, лежа на боку, по очереди вытягивает лапы. Лапы, подрагивая, тянутся достать что-то недостижимое, словно вслепую шарят, ощупывая границу снега и воздуха, неожиданно распускаясь когтистым цветком. Четыре цветка смерти. Так вот они какие, цветы смерти!

Вволю повытягиваясь, тигр сел, скучая, поглядывался и устался на сопку. Созерцает. Неужели и ему нравится пейзаж?

Вдруг он насторожился. Глядит прямо на склон сопки. Подавшись вперёд, слушает и слушает зимнюю картину. Морда словно прикила к источнику звука. А звук не слабеет. Он всё сильнее льёт. Его струя всё шире, и глубже тигр к ней прикикает.

Что там может быть? Тигр резко привстал, напрягся. Медленно сел опять. Хвост забеспокоился, засуетился вокруг полосатой спины. Неожиданно передние лапы подломились, тигр пригнулся и сжался. Увидел!

Что же он увидел? Вглядываюсь в склон и замечаю среди зарослей тёмный промельк. Потом ещё один. Потом ещё. Разного размера. Кабаны!

Неторопливо, останавливаясь и прислушиваясь, впереди табуна идёт крупная свинья. За ней подсвинки, поросята. Все настороженные, внимательные. Кто-то их спугнул с уютного солнцепека, где в мелком дубняке и орешнике они лежат весь день. Но почему они не бегут? Обычно

перебегают на другую сопку, в другие заросли. Неужели пересекли тигриные следы трёхдневной давности и так сразу насторожились? Неужели тигр не пойдёт за ними?

Никакой реакции! Смотрит на кабанов и даже с места не сдвинулся! Один за другим кабаны ушли. Надежда на спасение, так ярко вспыхнувшая, потухла. Слезы отчаяния затуманили взгляд. Комок обиды застрял в горле и никак не проглатывается.

Тигр всё сидит. Уши скучающе вертятся в разные стороны. Зевнув, изогнул шею и стал лизать несмываемые полосы на груди, словно выглаживая, вылепливая, ваяя душу, владычествующую над Землёй, над тайгой, над временем...

– М-да... Поросёнок меня спас. Больной, хромой поросёнок. Отстал от табуна и прыгал на трёх ногах, изо всех сил пытаюсь догнать сородичей. Попрыгает и встанет, отдышается, попрыгает и встанет. Вот тут-то тигр и не выдержал. Пошёл к нему наперерез. Даже ни разу не оглянулся, словно и не было трёхсуточной осады.

А я выждал время – и бегом в зимовьё. Но бежать не могу! Ноги свело от долгого сидения. Так на полусогнутых и доплёлся. 20 метров за 20 секунд. А ты спрашиваешь: «Почему седой?» Вот он какой – тигр.

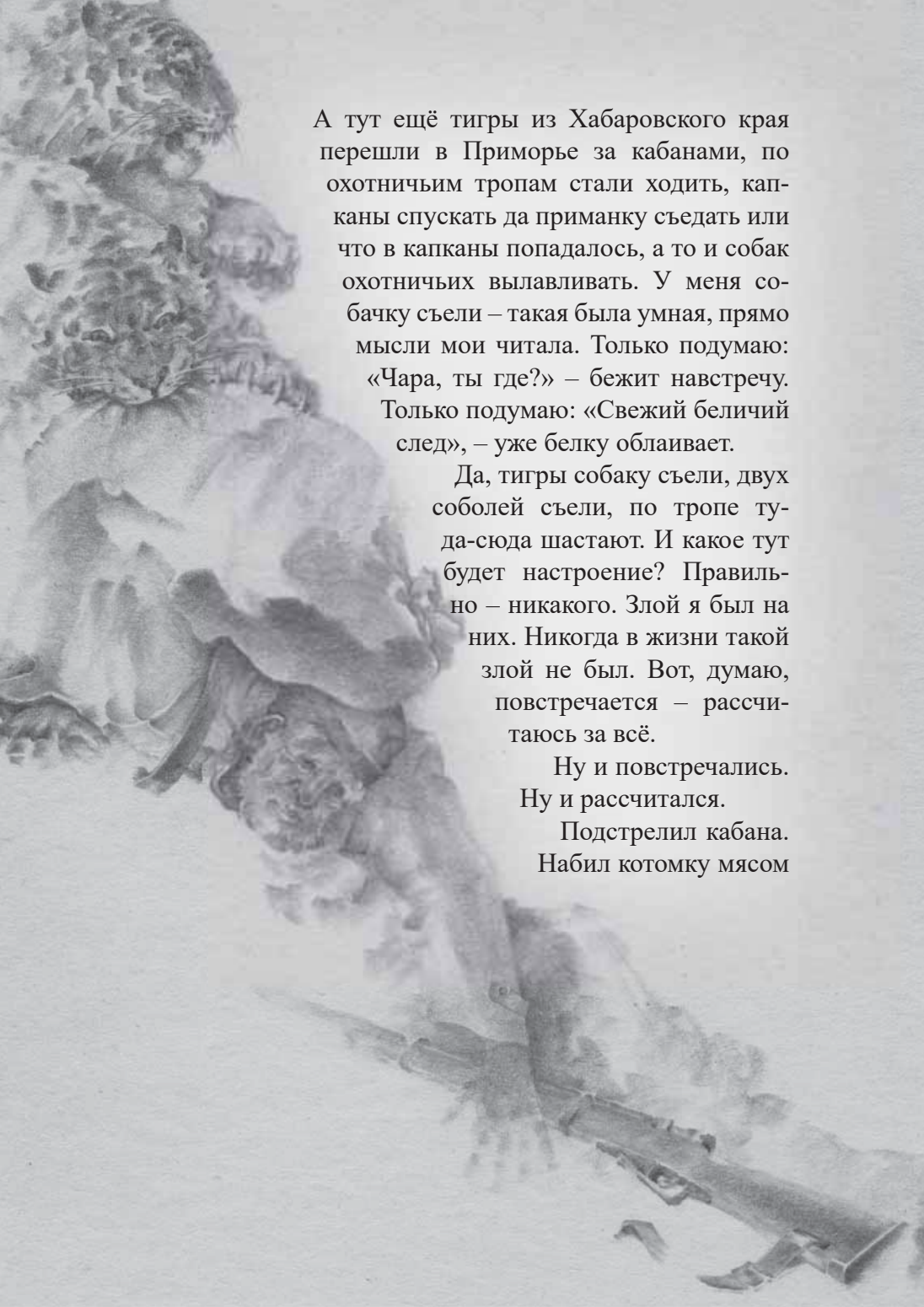

КОРМИЛЕЦ

Никогда не думал, что стану не только защищать тигров, но даже их спасать. А вообще, я всю жизнь их люто ненавижу. Ещё с детства, когда увидел соседскую корову с разодранными боками и истекающую кровью, она сама дошла до дома, а потом околела. И все соседские бабы голосили по ней, как по покойнику. А мужики скрипели зубами и, глухо матюкаясь, клялись «порешить тигру». А мы, пацаны, больше всего не свете любившие читать про тигроловов, охотно верили, что «все беды охотников от тигры», что спокойного «выпаса скота нет из-за тигры», что «зверьё в тайге шугает тигра», что «лучшего друга человека – собаку – изводит тигра». Ну и клялись друг перед другом, что, когда вырастем, «всех тигров перестреляем». Кто обещал 10 тигров застрелить, кто 20, а кто и 50. Больше пятидесяти было просто фантастическое число – никакая бригада охотников за сезон не добывала больше 50 кабанов или изюбрей. А куча из 20-30 изюбрей (их иногда замороженных целиком привозили в госпромхоз для сдачи государству) была просто величайшей горой мяса.

Вырос, отслужил в армии, вернулся в родную тайгу, стал штатным охотником-промысловиком. Так и жил бесхитростно: ловил соболей, стрелял белок, добывал кабанов, изюбрей, косуль. При случае и в тигра стрелял, чтоб не было «конкурента». Как и многие другие охотники. Женился, детишки пошли. План выполнял, премии, грамоты давали. Всё как у людей.

Так и шла моя охотничья жизнь до 19... года. А тот год был тяжёлый для охоты: много снега, мало кедрового ореха и желудей. Всем в тайге было трудно, не только охотникам.

А тут ещё тигры из Хабаровского края перешли в Приморье за кабанями, по охотничьим тропам стали ходить, капканы спускать да приманку съедать или что в капканы попадалось, а то и собак охотничьих вылавливать. У меня собачку съели – такая была умная, прямо мысли мои читала. Только подумаю: «Чара, ты где?» – бежит навстречу. Только подумаю: «Свежий беличий след», – уже белку облаивает.

Да, тигры собаку съели, двух соболей съели, по тропе туда-сюда шастают. И какое тут будет настроение? Правильно – никакого. Злой я был на них. Никогда в жизни такой злой не был. Вот, думаю, повстречается – рассчитаюсь за всё.

Ну и повстречались.
Ну и рассчитался.

Подстрелил кабана.
Набил котомку мясом

– килограммов тридцать – и иду по тропе к зимовью. Иду и матерюсь на себя: мешок полиэтиленовый забыл. И прямо чувствую, как котомка намокает, пропитывается кровью одежда, спина становится мокрой. И оставить мясо, чтоб замёрзло, нельзя – за этим табуном чушек два тигрёнка шли. Сразу мясо найдут и сожрут.

Вот иду, натурально в полный голос матерюсь. Этому искусству в армии хорошо нас старшина научил – матерщинник был талантливейший. Так умел завернуть заковыристо, что слушались его беспрекословно, в основном, от удивления.

Иду, матерюсь – так, вроде, быстрее и легче идти. А тропа проложена по руслу ручья, а русло узкое и глубокое, берега заросшие выше головы. И вдруг падаю ничком, сбитый ударом сверху. Падая, краем глаза увидел тигриный полосатый бок. Упал в снег лицом, грудью на карабин – карабин висел на груди, котомка придавила плечи и шею. Всё, конец, думаю. Над головой тигриный рокот, в спину всаживаются и вынимаются лезвия когтей, рёбра хрустят, одежда трещит...

Хорошо, лицом в снег упал – быстро в себя пришёл, соображать стал. Почувствовал, что едят не меня, а котомку, то есть кабанье мясо из котомки. Что тигр не тяжёлый, что их два. Потом сообразил, что это два тигрёнка. Потом стал копать рукой в снегу, пытаюсь добраться до предохранителя. Добрался, карабин выстрелил. Прямо возле левого уха. Когда в голове звон от выстрела прошёл, осознал, что по мне уже давно никто не топчется. Приподнял голову – никого. Встал на четвереньки – никого. Поднялся в полный рост – никого.

И так мне после этого ужаса радостно стало! Ну в жизни никогда так не радовался! Вид у меня был, конечно, страшный: весь в крови, одежда на спине изодрана в клочья. Но сам счастли-ивы-ый!

Бреду по тропе потихонечку, что-то детское напеваю, вроде того: «Только просыпаюсь – улыбаюсь я. Мама дорогая, милая моя. Я смотрю на солнце – улыбаюсь я. Мама дорогая, милая моя». Ну, в детском саду такое с детьми учат. И действительно, смотрю на мир, словно впервые его вижу. На солнце – тусклое и дряблкое, дрожащее и остывшее, словно выброшенная медуза на берегу моря. Смотрю на это зимнее солнце, и оно, словно спущенный мяч, начинает втягивать в себя воздух, становится упругим, звонким, ярким до боли. Вот-вот лопнет, и разлетится по миру жёлтый тёплый свет новой весны.

Смотрю на кедры и ели, которые словно из замёрзшей зелёной воды, и чудится, что не изо льда они, а из зелёного весёлого огня, который вот-вот взметнёт свои языки до синего небесного льда, и небо растает и потечёт над Землёй, играя солнечными бликами и радостно отражая благодать земную.

Смотрю на бесцветный холодный и скрипучий снег и вижу, что вовсе он не бесцветный, а переливается и играет красными, оранжевыми, жёлтыми, зелёными, голубыми, синими, фиолетовыми искрами, и эти искры вовсе не искры, а разноцветные ноты, которые чисто и торжественно выводят и выписывают, как на картине, симфонию Жизни...

Подкармливать стал я этих тигрят. Видать, мамку кто-то убил, а они ещё малые, сами охотиться толком не научились. За кабанами ходили, ходили, да всё без толку и до того оголодали, что, не боясь человека, прыгнули на пахнущую парной кабанятиной котомку и глотали мясо, пока не выстрелил карабин.

Сначала я забирал мясо, а кости, голову, ноги, требуху тащил за собой пару километров, прокладывая пахучий след, который тигрята находили и по нему добирались до пищи. А потом они уже по звуку выстрела приходили и ждали, пока я уйду, чтобы получить свою долю. Так до весны они и выжили.

БЕЗ ЧЁРНОЙ ДЮЖИНЫ ПОЛОСОК

Дарю вам каскадёрский трюк. Все эти огненные страсти в боевиках и триллерах с разбиванием автомобилей – это ерунда. Наигранное, ненастоящее. В жизни такого не бывает, и зритель это чувствует, как бы ни старались трюкачи. А вот со мною случай был – это да. Никакие режиссёры до такого не додумаются. Потому как – случай, а случай, говорят, – муж судьбы. А судьба – это два слова: суд и бог. Судит бог, значит.

Ехал как-то раз на мотоцикле по лесной дороге. На охоту. Вдруг через дорогу перескакивает кабан, за ним второй, третий. Целый табун. Я, как только увидел первого кабана, автоматически сразу затормозил, повалил мотоцикл на бок, смахнул со спины карабин и уже лежу наготове. Как в тире. Знаю: ещё кабаны выбегут – всегда отстающие бывают. И тут, вместо кабана, выскакивает тигр, перепрыгивает через меня с мотоциклом и... был таков.

Долго я лежал на дороге, как в тире, приготовившись к стрельбе. Перед глазами вновь и вновь прокручивалось увиденное. Как при замедленной съёмке небо закрывает туча не туча, а тигриный силуэт. Силуэт вырастает до огромных размеров, заслоняет солнце, на нём до мельчайших подробностей вырисовываются на белом брюхе поперечные узкие чёрные полоски – одна, две, три... тринадцать. Вытянутые вперёд лапы продавливают синеву, подрагивают от сопротивления воздуха блестящие усы, змеёй извивается полосатый хвост... А от моего подбородка уходит вдаль лесная дорога куда-то выше и выше...

И вовсе не дорога это, а сначала неясные, но потом всё более громкие и громкие слова, соединяющиеся в предложения, в звонкие до небесной сини строки:

Ответь мне, птица,
для чего имеешь крылья?
Для высоты
или просто пропитанья?
А может, как и я,
ты ищешь счастье?
Поэтому
ты каждый день в полёте
и всё стремишься
заглянуть за солнце,
надеясь увидеть,
хоть ненадолго,
какое же оно
такое – счастье?...
И я, как ты,
хотя и не летаю,
но всё равно
стремлюсь достигнуть солнца
и посмотреть за ним –
а больше нигде
скрываться счастьем
в этом мире света,
ведь я везде искал,
и на планете
нет счастья моего,
и это правда –
сегодняшняя правда.
Но надеюсь,
что завтра
я увижу своё счастье,
летающее птицей надо мною
без чёрной дюжины полосок...

НА-НА, ПОКУРИ

– Слышь, браток, а что это нашего комбата «на-на, покури» обзывают? Он же вроде как и не курящий вовсе. Да и мужик солидный – все уважают. Много слышал кличек разных чудных, но эта совсем комбату не подходит. Вот и в нашем селе есть Тява, Суся, Зуля, Мальвон, Глэк – странные клички, конечно, но в чём-то они всё-таки соответствуют своим хозяевам. А тут: «на-на, покури» – совсем не подходит.

– Так ведь клички-то неожиданно, бывает, к человеку липнут. Так и с комбатом. Ведь до твоего появления в нашем гарнизоне комбат курил. Ещё как! Много раз бросал и – ни в какую. Всё шутил, как Марк Твен, что «курить бросить легче всего: я это делал сто раз».

А потом бросил в один момент на охоте. Да, вышла такая казусная история. Охота тогда получилась неудачная: кабаны ушли от загонщиков по открытому месту – никогда так не бывало, они всегда по самой чаще старались идти. Никто даже выстрелить не успел.

Вот собрались все, сидят расстроенные на гребне сопки, молчат, курят. Комбат прошёл ниже и засел по нужде. И тут

– тигр! Вышел сзади комбата – и к нему! И-за спины идёт
прямоком! Подошёл метров на пять, а все сидят, замерли,
рты раскрыли. Хоть бы кто крикнул!

Тут комбат услышал шорох, обернулся... вытянул в сто-
рону тигра руку, что-то сказал, и тигр... ушел.

Охотнички, как сидели остолбеневшие, так и сидели,
пока комбат к ним не подошёл. Стали ахать, охать, хихи-
кать, обступили комбата, по плечам хлопают. А он спокой-
ный, как танк, только красный, сигарета в зубах.

– Товарищ подполковник, – спрашивают, – что вы ти-
гру-то сказали?

Комбат аккуратно затушил сигарету, закопал её в землю
и ответил: «На-на, покури».

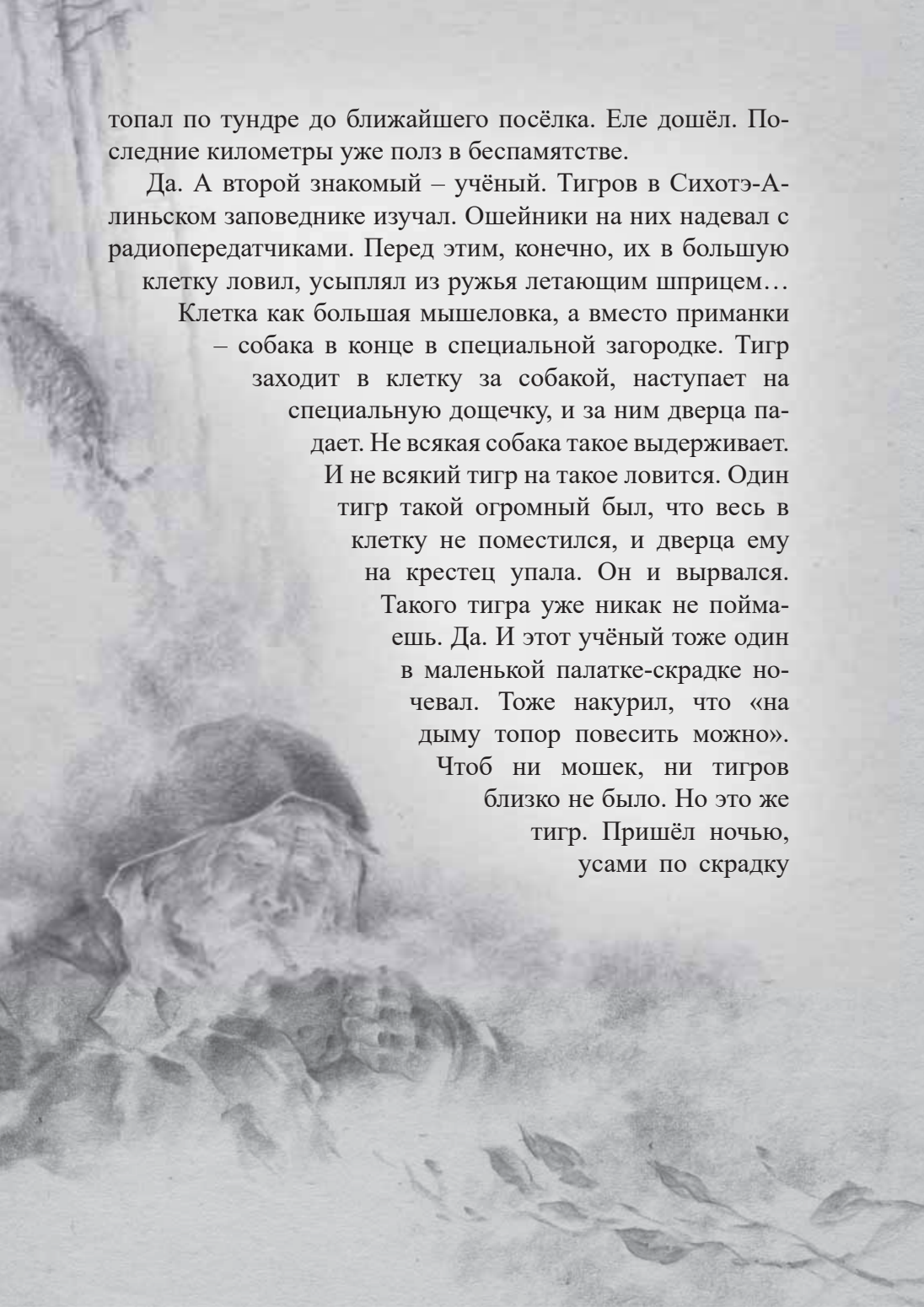

ПАГУБА

– Слыхали? Наконец-то в России запретили курение в общественных местах. Хорошее дело. Правильно это. Я-то сам с детства не курю и курение считаю бедой человечества. Отношусь к этому крайне отрицательно. Хотя, должен признаться, в детстве одно время увлёкся серьёзно этим. После 7 класса с двоюродным братцем курили по-чёрному. На летних каникулах каждый день бегали на пограничную заставу. Помогали пограничникам то картошку почистить, то лошадей покормить, то ещё что-нибудь. За это и автомат незаряженный разрешали подержать, а то и разобрать-собрать его. Что может быть для пацанов интересней? Ну и курили с пограничниками как черти. По две пачки «Опала» в день скуривали. Каникулы пролетели как поезд скорый. Завтра уже домой ехать, и что-то меня к зеркалу подвело. Поглядел я на себя и... испугался. Показался себе худющим и зелёным. От курева. Вот с этого момента и не курю.

Но есть у меня двое знакомых, которые клянутся, что курение им жизнь спасло.

Один геолог. На Севере работал. Что-то там летом в тундре по берегам рек изучал-собирал. В одиночку почему-то. Вечером в палатку-одноместку забрался, застегнул её наглухо. Выкурил пару папирос, чтоб комары близко не подлетали, спать не мешали. А тут бурый медведь. Подошёл к палатке, ухватил через брезент клыками за плечо и рванул, чтоб человека вытащить. Рванул и бросил. Ушёл. Как знакомый сказал: «Потому что в ноздри ему из палатки табачный дым шибанул». Уверяет, что именно это его от смерти и спасло. 70 километров он потом с разорванным плечом

топал по тундре до ближайшего посёлка. Еле дошёл. Последние километры уже полз в беспамятстве.

Да. А второй знакомый – учёный. Тигров в Сихотэ-Алиньском заповеднике изучал. Ошейники на них надевал с радиопередатчиками. Перед этим, конечно, их в большую клетку ловил, усыплял из ружья летающим шприцем...

Клетка как большая мышеловка, а вместо приманки – собака в конце в специальной загородке. Тигр заходит в клетку за собакой, наступает на специальную дощечку, и за ним дверца падает. Не всякая собака такое выдерживает.

И не всякий тигр на такое ловится. Один тигр такой огромный был, что весь в клетку не поместился, и дверца ему на крестец упала. Он и вырвался.

Такого тигра уже никак не поймать. Да. И этот учёный тоже один в маленькой палатке-скрадке ночевал. Тоже накурил, что «на дыму топор повесить можно».

Чтоб ни мошек, ни тигров близко не было. Но это же тигр. Пришёл ночью, усами по скрадку

пошуршал, а товарищ ни жив ни мёртв лежит. Пятками разобранное ружьё шупает. Но кто ж пятками ружьё собрать сможет? Ткнулся тигр носом, но из-за дыма не стал рвать скрадок. Да, рвать скрадок не стал, но весь его обмочил – пометил. Знакомый говорит, что струя была что из пожарного ствола – брандсбойта, когда пожар тушат. Уникальный случай! Повезло знакомому. Правда, скрадок потом никакие современные стиральные порошки не могли отстирать. Уж очень стойкий запах у тигра, оказывается.

Так что минимум двоих хороших людей курение спасло от гибели. Хотя это радует. А то ж прямо эпидемия какая-то. С курения-то всё и начинается. Потом пиво, водка, наркотики. И всё это пагуба человеческая. Эх!

СОВЕСТЬ

(Л. И. Х. посвящается)

– Никогда в жизни меня совесть не мучила. Мать – царствие ей Небесное – за меня сильно боялась. Думала, что по тюрьмам пойду. Но обошлось. До крайностей не доходило. Жил, конечно, как попало. Сто мест поменял, сто работ перепробовал. И с геологами ходил, и с археологами копал, и морячил, и рыбачил, и строил, и скважины бурил, и золото мыл, и охотился – много перепробовал, много где побывал, много чего повидал. Много и водки выпил – а что? – здоровье позволяло. Это сейчас уже старею, остепенился. Пятый год на одном месте – когда такое было? Тайга, тайга-матушка всё сильнее тянет. Хорошо в лесу, покойно. Люди давно надоели, шум, суета – это не для меня. Лес валю. Интересно. Попробуй свали дерево, чтоб оно упало не туда, куда упадёт, а куда мне надо. Тут и глазомер, и сила нужны. Правильно запил сделать. И пилить, чтоб пилу не зажало. Всё оно просто только со стороны. А сам поди попробуй. Да когда дерево падать начнёт, уйти надо успеть на безопасное расстояние. А то, бывало, мужики не успевали и гибли. Опасное дело. Зато как ухнет лесина в снег – прямо салют победы, аж сопки загудят.

Нравится мне это дело. Хотя, конечно, леса всё меньше остаётся, всё труднее его брать. Но на мой век хватит. А там, глядишь, люди вообще перестанут пилить дикий лес и будут пилить только посаженный. Хотя здесь, в Приморье, лес сам быстро восстанавливается. Главное, чтобы пожаров не было.

Так вот, насчёт совести. Появилась она у меня! От... тигрицы. И тигрёнка. Вот как на человека зверюга влияет!

Потому что – непростой это зверь. И красоты необыкновенной, и ума. Это я как бывший охотник-профессионал говорю.

В позапрошлый год валил я лес в Можайском ключе. А там кедрачи, кабана много. Охотился частенько. Вот и нарвался как-то раз на тигрицу с тигрятами. Нос к носу столкнулся. Ветер был сильный. А какая работа при ветре? При ветре валить деревья нельзя. Вот и получился выходной день. Иду по волоку, по сторонам приглядываюсь. Двустволка наготове: вдруг кабан выскочит. Выскочил. Тигрёнок. Я сразу и не понял, кто это. Показалось – барсучок на меня бежит. Потом смотрю, что барсучок какой-то не такой. Ёлы-палы! Тигрёнок! А я чуть уже не выстрелил – барсучатина о-очень полезная, особенно барсучий жир. Вот бежит на меня тигрёнок, уже метров двадцать до него, деревья вокруг шумят, качаются, а я стою, держу его на мушке и думаю: а где тигрица? Только подумал, а она ка-ак выпрыгнет на волок, встала перед тигрёнком да ка-ак рывкнет!

Испугался я очень. Не помню, как на дереве оказался. И ружьё в руках. Порычала тигрица, постояла, повернулась уже уходить. И что на меня нашло?! Взял да и стрельнул в тигрицу. И страха уже не было. Остервенение какое-то вышло: раз ты меня, человека, напугала, на дерево загнала, то – на тебе, получай.

Попал прямо в сердце. Лежит тигрица, дёргается в конвульсиях, а рядом два тигрёнка друг к дружке жмутся – перед выстрелом второй тигрёнок подбежал. Слез с дерева, пошёл к бараку, товарищам рассказал. Решили закопать, как говорится, от греха подальше. Закопали. А куда её? Шкуру продать очень непросто: перед этим милиционера поймали со шкурой тигрёнка, судили. Охотинспекции туда-сюда шастают. Да и попробуй выделай её, шкуру, до товарного вида, чтобы никто не узнал. Нет, очень сейчас это не просто и рискованно.

Через пару дней утром выхожу из барака – собачка залаяла, глядь – сидят два тигрёнка возле трелёвщика. Глаза голодные. И тут у меня в сердце что-то ворохнулось. Как цыплёнок зашевелился и клювом изнутри в скорлупу упёрся. Так жалко стало тигрят. Пошёл в барак, достал из ведра мясо, что для борща приготовили, разрезал на куски и пошёл к тигрятам. Сидят, друг к дружке жмутся, на меня голодными глазами смотрят. Бросил кусок. Сразу насторожились, закрутили носами. Но сидят – боятся. Побросал остальное мясо, отошёл подальше и наблюдаю, как они урчат, толкаются и давятся от жадности. Оголодали.

Ну вот, стали тигрят подкармливать. Товарищи сразу злились на меня: мол, самим мяса мало. А потом смирились.

Так всю осень и кормили. Иногда тигрята по несколько дней не показывались. Может, сами что-то ловили. Потом стал приходиться один тигрёнок. Второй погиб, наверное.

В начале марта бригада переезжала на другую лесосеку. Загрузились и выехали. И тут на дороге перед машиной выскочил наш тигрёнок и побежал впереди машины.

Красивая картина такая. Солнце, белая дорога и по ней скачет золотой тигрёнок. На всю жизнь в памяти. Потом соскочил он с дороги, сел и внимательно так смотрел на нас, пока машина мимо проезжала. Прощался, что ли?

Следующей осенью заехали поохотиться к тому бараку. Остановились возле. Смотрим и ничего понять не можем: вокруг барака разбросаны кости разных животных. Потом догадались: наш тигрёнок теперь здесь живёт. Повернулись мы и уехали, чтоб не тревожить зверя.

Теперь вот и деревья жалеть стал. Если есть возможность, обязательно сначала валю подкладочное дерево, а потом остальные деревья так, чтобы стволы ложились на него и не ломали подрост. И так бывает вдруг неловко, когда падающее дерево вдруг застонет. Тигрицу вспоминаю. СОВЕСТЬ ЭТО.

ВЗГЛЯД

– Много люди говорят о силе взгляда. Вот даже младенцев стараются незнакомым людям не показывать, чтобы не «сглазили». Женские глаза – это вообще сила. Идёт вдалеке женщина, и лица толком не видать, не то что глаз. А всем телом своим чувствуешь, что она на тебя смотрит. А любимая женщина? Глянет ненароком, мимоходом, вскользь, а уже сам не свой, себе не принадлежишь. А посмотрит ласково, так вообще кроме глаз этих ничего в мире не существует, время останавливается.

Но не только люди так могут смотреть, но и звери, и птицы, и даже... растения. Об этом охотники хорошо знают и искатели женьшеня. Сотни примеров могут привести, как издали чувствовали взгляд зверя, не видя его, не подозревая о его присутствии. А корнёвщики на полном серьёзе утверждают, что «женьшень на человека смотрит», только не всякий этот взгляд чувствует, бывает, и перешагивает через женьшень, не замечая. Но иногда человек взгляд этот чувствует и идёт по тайге точно к корню или, пройдя мимо, оглядывается вдруг, почувствовав «что-то». Вот какая сила выводит человека точно к корню жизни? Потом хоть квадратный километр вокруг прочёсывай – нет больше нигде ни одного корня. Только один-единственный, на который он напрямик и шёл.

Вот и я этой зимой испытал силу взгляда. Охотился как обычно, капканы ставил, как всегда, в тех же угодьях. Ходил их проверять одной и той же тропой. В одном месте тропа мимо скалы в 20 метрах проложена.

Шёл, как обычно, по сторонам глядел, под ноги поглядывал. И, только со скалой поравнялся, как пустота вдруг

охватила желудок и беспокойными мурашками забегала по телу, покалывая кожу. Всё выше, выше, проникли под шапку, и шапка приподнялась и поползла на затылок. Ужас! Никогда ничего подобного не испытывал. Может, поэтому древние люди верили, что жизнь и живот – одно и то же? Стою, воздух глотаю – так просто дышать не получается, в карабин вцепился, по сторонам оглядываюсь.

Ничего подозрительного! Деревья, снег, скала, тишина. Всё вокруг метров на 50 проглядывается. Только верх скалы зарос ёлочками да кедрушками. И чувствую – со скалы это идёт, с этой заросшей вершинки. Боком-боком – ушёл подальше. Дух перевёл, снегом умылся. Ничего понять не могу. Что это было?

Обратно через час возвращаюсь – та же история! Опять в карабин вцепился и боком-боком мимо скалы. В зимовьё пришёл – руки дрожат, сердце колотится. Мысли всякие в голову лезут. Может, и вправду леший в тайге объявился? Ночь спал – не спал, решил: утром пойду, на скалу залезу. Что я, не современный человек, что ли? Надо всё выяснить.

Утром пошёл. Залез на скалу. Всё ясно: вчера тигр лежал, на меня смотрел. С какой силой смотрел! Вот такой у этого зверя взгляд.

ТО ЛИ СОН, ТО ЛИ ЯВЬ?

Ночевал как-то я один в палатке после трудного перехода. Заплутал малость – перевалил не в тот ключ. Пока разобрался, куда идти, пока вышел на старую военную дорогу – а дойти до неё хотел во что бы то ни стало, – наступил поздний вечер. Я ходил по этой дороге когда-то. Местами она хорошо сохранилась, хоть и строили её во время Великой Отечественной войны сначала зэки, а потом и японские военнопленные. Тогда вдоль всего побережья Приморского края были дороги. Да и деревень, посёлков, хуторов тогда было не в пример сегодняшнему – в каждой бухте жили люди. Рыбу ловили, лес пилили, охотились. Военных везде было много. Жизнь кипела.

Так вот, весь в клещах, обессиленный вышел я на дорогу тёплым сентябрьским вечером при полной луне. Конечно же, дорога давным-давно заросла деревьями и кустарником, но хорошо угадывалась в лунном свете по когда-то нарезанным кюветам. Олени десятилетиями пользовались ровным и твёрдым дорожным полотном и набили среди зарослей удобную даже для человека тропу, переходя из долины Вангоу в бухту Успения, когда выходили на побережье полакомиться морской капустой.

Дошёл по тропе-дороге до первой попавшейся полянки, поставил палатку и, совершенно без сил, завалился спать.

И приснился мне сон.словно стою на крутом и высоком берегу бурной реки, гляжу на несущийся поток и вдруг падаю вниз вместе с куском берега. Поток сразу же меня подхватил и закружил-завертел в водовороте, затягивая всё глубже и глубже. Вот уже нечем дышать, вода достигла глаз. Чувствую – погибаю. И я отчаянно забил

руками-ногами, забарахтался, пытаюсь вырваться из кружащей и рокочущей бездны. И... проснулся. Оглушительный рокот раздался совсем близко, и на стенку палатки навалился силуэт... тигра!

Я его сразу узнал, хоть и не представлял даже, какой у тигра силуэт. Лежу посреди палатки, раскинув руки. Под правой рукой свисток: я его специально взял по совету бывалых охотников – мол, свист очень хорошо отпугивает тигра. Под левой рукой фонарик, под ногами топорик, но шевельнуться не могу. Вообще тела своего не ощущаю, словно нет его у меня. Лоб, глаза, уши и всё!

А тигр рычит и ходит вокруг палатки. Один раз, второй, третий. Я очень хорошо чувствую, как огромные злые звуки его голоса великой тяжестью раздавили мою плоть. Даже голову повернуть не могу! Походил тигр вокруг палатки, порычал и ушёл.

Очнулся я тогда, когда совсем рассвело. Схватил свисток и давай дуть изо всех сил. До темноты в глазах, до потери слуха. Пока свисток слюной не забился, не зашипел, не забулькал.

В себя пришёл, когда вышел на берег моря. Совершенно не помню, как палатку свернул, как шёл почти десять километров до берега. И до сих пор не знаю: то ли сон это был, то ли явь?

ЭТИ ГЛАЗА НАПРОТИВ

(по рисунку Рыдванского)

– Как услышу песню «Эти глаза напротив», так, веришь, нет, чуть сознание не теряю, дрожь бьёт, волосы дыбом встают...

– Ха-ха... Нет, не от любви. Хотя, есть любовь, присутствует...

– Да, большая. Да, настоящая. Но это другая история...

– Нет, со мной это не от любви – от ОХОТЫ. Да, от ОХОТЫ всё приключилось, от ОХОТЫ. Всю жизнь мечтал поохотиться по-настоящему, по-таежному, по-дальневосточному: чтоб забросили меня в глухие уголья на месяц-другой. Пожить совсем одному в зимовьё, чтоб вокруг ни одной человеческой души. Прочувствовать каждой клеточкой, что МАТЬ она мне родная – ПРИРОДА, что СЫН я её, СЫН. Не знаю, откуда такое, но МЕЧТАЛ, книжки запоем читал-перечитывал не только про охоту, но и про геологов, лесорубов – про всё, что с тайгой связано. С детства. Может, что предки – кубанские казаки, может, в другой жизни индейцем был. Кто знает?

И вот сбылась моя мечта! Предложил знакомый председатель охотничьего клуба и зимовьё, и уголья, и лицензии. Да и места самые знатные: на юге Приморья, в глуши, среди гор. Есть там ещё уголки укромные, есть. И зверья хватает, и тайга девственная. Поехал! Всё бросил и поехал, когда ещё жизнь такой подарок преподнесёт? Зимовьё добротное, а рядом на берегу ключа ещё и банька ладная. А? То-то!

Живу, люблюсь – не налюбуюсь, дышу – не надышусь, слушаю – не наслушаюсь. Стихи стал писать. А что тут

удивительного, если душа через край? «Бытие определяет сознание», и ещё как определяет! Вот оно, СЧАСТЬЕ!

Проснулся как-то ночью. Лежу, радостный, и удивляюсь: и чего проснулся? Свежий, отдохнувший – хоть сейчас в сопки беги. Не иначе таёжный воздух в юношу превращает?! И тут что-то мягкое в угол зимовья толкнуло. Мягко, но сильно. Как раз возле моей головы. Тихие шаги, лёгкое шуршание – и всё. Показалось? Потихоньку обулся, вышел на крылечко – тишина, луна полная, видно хорошо, снега ещё нет. Обошёл вокруг зимовья. Показалось? Да не спал же, всё явно ощутилось – словно огромной пуховой подушкой стукнуло. И не слабо стукнуло. Чудеса! Что это было? Никакого подходящего объяснения на ум не приходит.

Стою перед зимовьём на полянке, на луну любуюсь, вглядываюсь в лунные пятна: на что похоже? Вроде на женщину в платье, танцующую с двумя букетами. Да не улыбайся! А тут ещё метеорит красный медленно так над сопкой летит, за ним белый светящийся след, и этот метеорит делится надвое! Одна часть ниже луны, другая выше пролетает, гаснут одновременно, следы тихо растворяются... Чудеса! Не иначе старичок-лесовичок разбудил, чтоб я это волшебство осознал и запомнил!

Гляжу на луну, чувствую: строчки из меня рвутся – в зимовьё быстрей, свечу зажжёт – и быстрее записывать. Да не улыбайся! Сам же говорил, что ценишь восточную поэзию. Вот и получилось:

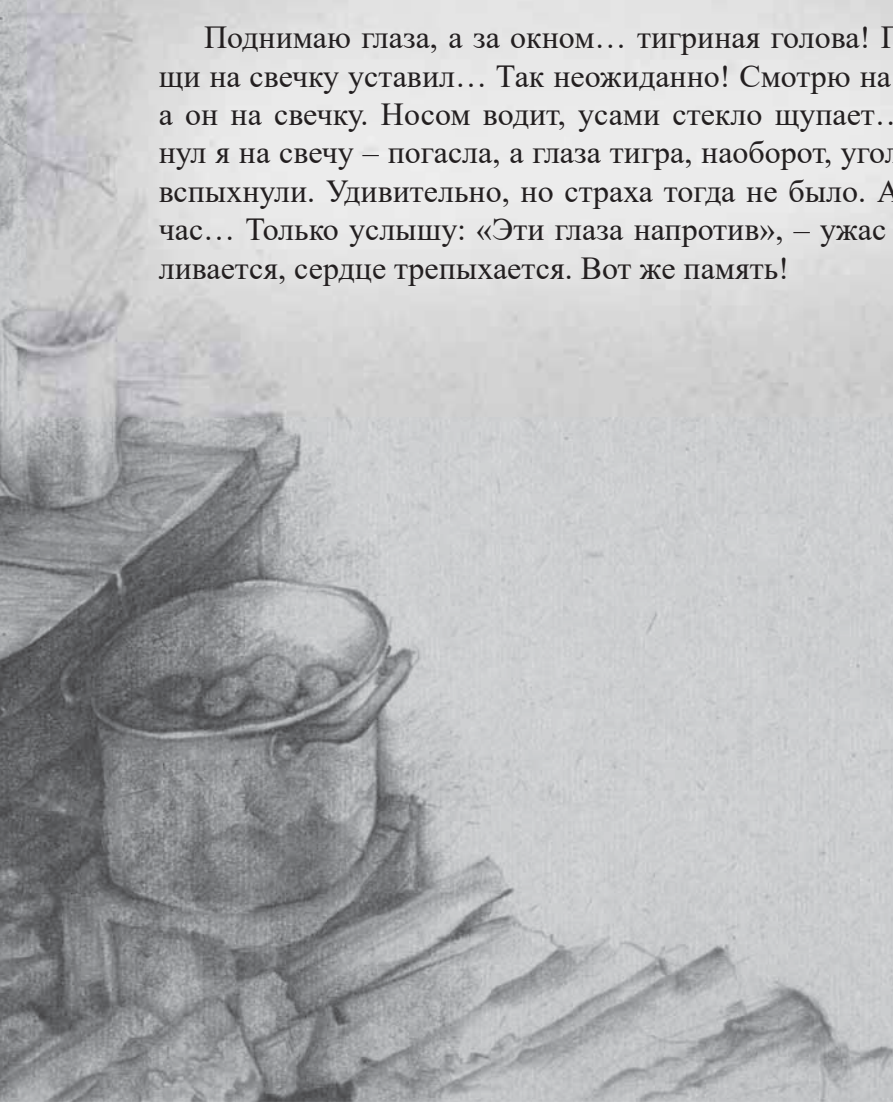
От зависти розы краснеют – ты красивее их.
От зависти зори бледнеют – ты красивее их.
От зависти звёзды мерцают – ты красивее их.
От зависти птицы летают – ты красивее их.

Чувствуешь? И сразу же ещё пишу:

Я вращаю созвездья стихами,
словно ветер вращает крыльчатку
из последней страницы тетрадки,
зарисованной сплошь парусами.
Весь из детской мечты этот ветер
Из-под крыльев моих вдаль стремится.
Я... всегда забывал, что не птица,
что созвездья пугаются света.

Поднимаю глаза, а за окном... тигриная голова! Глази-
щи на свечку уставил... Так неожиданно! Смотрю на него,
а он на свечку. Носом водит, усами стекло щупает... Ду-
нул я на свечу – погасла, а глаза тигра, наоборот, угольями
вспыхнули. Удивительно, но страха тогда не было. А сей-
час... Только услышу: «Эти глаза напротив», – ужас нава-
ливается, сердце трепыхается. Вот же память!

ТОК

– ...А меня током два раза било. Первый раз в детстве. Лет восемь мне тогда было. Перегорела в холодильнике лампочка, и отец её выкрутил, чтобы купить такую же. А я открыл холодильник, чтобы взять молоко, – а там темно. Всегда светло было, а тут – темнота. Стал я вглядываться и увидел блестящий кружок там, где лампочка была. Рука сама потянулась потрогать. Ударило, трясёт, а пальцы прилипли – не оторвать. В глазах искры сверкают. Упал я тогда и долго не мог издать ни звука, и шевельнуться сил не было. Заплакал потом, но говорить не могу – язык отнялся. Мычу, на холодильник показываю. Никто ничего понять не может. Вот переполох был!..

А второй раз в прошлом году. Пошёл отводить лесосеку на гору Календарь...

Апрельское марево разлилось между сопок. Ароматное тепло струится вверх. Отмякшее солнце в истоме замерло и не дышит, развалившись на белой перине небесной софы, словно наслаждаясь малиновым звоном весны. Всё вокруг шуршит, шевелится, ползёт, летит, тянется. Прошлогодний скрученный лист от тепла краснеет, набирается вечной меди и, похрустывая, туго заворачивает вовнутрь строчки былой летописи. Травинка, выбеленная снегом и крепкая как кость, прямо и гордо стоит на своём посту и ждёт не дожждётся, когда же шевельнутся корни и на белый свет явятся тоненькие зелёные лица дочерей. Деревья довольно гудят. Соки в стволах пульсируют, упруго давят кору, и кора, поскрипывая, раздвигается,

раздаётся, морщась и улыбаясь от сладкой боли. Ветви дрожат от нетерпения, тужатся: ну вот ещё немного, ну вот ещё чуть-чуть и лопнет скорлупа почек...

Дышать тяжело. Пьяный воздух толкает в лицо, виснет на плечах, и ватные ноги с трудом шагают по лесной дороге. Сейчас бы завалиться на солнцепёке, завернуть на лицо рубаху и прочувствовать, как тело насквозь просвечивается неистовым Ярилом!

– О-о-о-оу! – вдруг ударило в голову оглушительным рыком и ушло сквозь окаменевшие ноги в землю.

– О-о-о-оу! – ещё сильнее ударило и затрясло, заколотило крупной дрожью всё тело.

Руки судорожно стягивают с плеча казённую одностволку, направляя её в сторону затрещавшего кустарника.

– О-о-о-оухх! – прилипшие сапоги дёргаются, и никакая сила не может их оторвать...

...Как вернулся с того места? Не знаю. Пока шёл, тигр трещал рядом за кустами, не показываясь на глаза, и ревел. Не ревел, а словно током бил – меня судорогой передёргивало, и звук этот сотрясал небо. Вот такой голос. Настоящий электрический ток.

ХОЧЕШЬ БЕЖАТЬ БЫСТРЕЕ?

Раннее детское утро. Лето. Солнце. Я бегу через лес по тропинке к реке. Мне непременно надо догнать соседских мальчишек, которые высвистали меня купаться и, не дожидаясь, пока я допью парное молоко бабушкиной коровы Зорьки, звонко гомоня, побежали вперёд. Я бегу очень быстро. Азарт несёт меня над гладкой тропинкой, сандалии громко хлопают по земле, локти толкают назад пространство...

«Хочешь бежать быстрее?» – ударил вдруг сверху громовой голос. От неожиданности я остановился. «Хочешь бежать быстрее?» – ещё громче повторил голос сверху. Я испуганно поозирался вокруг: трава, деревья, беззвучно дышат солнечные зайцы, голубые лучи стоят в полумраке. «Нет!» – крикнул изо всех сил и в страхе побежал дальше...

«Если тебе сорок лет и у тебя ничего не болит, то, скорее всего, ты труп», – вдруг всплыло в голове когда-то услышанное. В глазах сумерки, суставы болят, спину нестерпимо ломит, плечи режут лямки тяжеленного рюкзака с кедровыми шишками. Хорошо, что кедры растут сразу за посёлком. Хорошо, что китайцы платят приличные деньги за орехи. Хорошо, что на этом можно зарабатывать любому безработному. Только не ленись, пока зима не засыпала снегом. Пора бы перекурить, да домой быстрее надо: по телевизору «Убойная сила» – пропускать серию не хочется. Что там Вася Рогов в Америке ещё учудит?.. Огненные колёса вдруг покатались перед глазами, и всё потемнело...

Затылок холодит стылая земля. Кто-то дышит прямо в лицо. Фу-у! Ну и вонь! Кто-то большой заслоняет медленно светлеющее небо. Вонючий силуэт становится яснее, присовывается полосатая морда... Тигр!!!

«Хочешь бежать быстрее?» – придавили к земле грохочущие слова. Каждая клеточка тела задрожала, завибрировала, тело поплыло во все стороны, как масло на сковороде, и... пропало. Только одна голова и ничего больше!

«Хочешь бежать быстрее?» – огромными валунами звуки посыпались прямо в лицо, сталкиваясь, высекая искры. Бежать от тигра? Нет!!!

Необычайно остро и отчётливо, словно в далёком детстве, воспринимаются звуки и запахи. Изо всех сил сжимаются веки, но звуки легко проникают через кожу лица. Тигр всё так же стоит надо мной и по-прежнему осторожно меня обнюхивает – сопение ноздрей и шуршание усов то ближе, то дальше, то справа, то слева. Обнюхивает то ладони, то карманы, то ноги, то живот. Стучат камушки, осыпаясь с лап, хрустят сухие листья.

– Эй! Эге-гей! Улю-лю! – вдруг загомонили в отдалении людские голоса. Упал и покатился неподалёку камень. Зашелестели уходящие тигриные шаги. Отогнали. А в голове вдруг закружилась цветастая музыка, лёгкий красивый голос по-оперному чётко выпевает каждое слово: «Хо-очешь бе-ежать бы-ыстре-е-е-е?» «Да-а, да-а, да-а!» – мысленно пою в такт музыке.

БОГАТЫРЬ

– Кулаки у Игорька – что надо. Ладно, ломы гнул, лопаты ломал: есть силёнка. Но чтобы кулаком тигра победить?! Такого ещё не бывало. Ты видел тигриный череп? Видел. Похож на броневик? Похож. А чем броневик возьмёшь? Правильно: авиабомбой или миной противотанковой. То есть, нокаут или снизу, или сверху. Игорёк сверху вдарил. Молчит об этом. Да он всегда молчит. И что орден Красной Звезды в Афгане получил, и что снайпером был, и что соболей, бывает, больше всех ловит. Богатырь.

Посмотри как-нибудь летом на его шрамы. На левой руке. Весь локоть разодран. Тигр это. Добычу охранял. Думал, Игорёк на его кабана претендует. А Игорь-то сам чушку подстрелил. Большую. Очень большую. Свежевал часа два. Слышал невдалеке шум, визг, треск. Думал – гон у кабанов. Декабрь же.

Освежевал. Потроха шкурой накрыл – замёрзнут, соболя долго будут грызть под шкурой, а вороны не достанут. В котомку ноги свиньи запихал – больше не возьмёшь: и так килограммов под пятьдесят. И двинул к зимовью. А тут – тигр! Кинулся с рыком. Не предупреждал. Метров с пятидесяти понёсся прямо на охотника.

А Игорь-то что? Думал – отпугивает. Подбежит метров на десять – и в сторону. Как обычно бывает. Но этот что-то рассвирепел чересчур. Прямо на Игоря бросился. Тот успел левый локоть вперёд выставить: карабин сразу и не думал снимать. Думал же – отпугивает.

Тигр здоровый был. Самец. За локоть хватил клычищами. А Игорёк ка-ак саданул кулаком тигра между глаз. Говорит, разжал клыки тигр и лёг на месте.

Пошёл Игорь к зимовью. Правой рукой раны зажал – аккуратно, говорит, пальцы в дыры вошли, заткнул плотно. Говорит, боли не чувствовал. Поэтому мясо донёс и крови не потерял. В зимовьё аптечка была. Залил йодом, перебинтовал и всё. Богатырь же.

Всю ночь не спал – переживал, что тигр чушку найдёт и сожрёт. Утром... пошёл за остальным мясом. Рука болит, но двигается, пальцы шевелятся. Был уже наготове. Решил: если тигр опять бросится, то будет стрелять. Пришёл – вокруг всё тигром истоптано, но чушка не тронута. Неподалёку как-то странно ворона взлетела. Пошёл посмотреть! Богатырь.

Оказывается, рядом кабан полусъеденный. И следы тигра ещё горячие – только что был и ворону спугнул. Услышал, что Игорь идёт, и... отошёл.

Нагрузил Игорь половину оставшегося мяса и понёс в зимовьё. Принёс, попил чайку – и в обратную за мясом. Опять, говорит, тигр вокруг мяса топтался, но не посмел тронуть. Силу даже тигр уважает. С медведем или секачом только в крайнем случае бьётся.

Опять тигр был неподалёку, ушёл только когда Игорь близко подошёл. Говорит, видел, как за кедрушкой бок тигриный мелькнул. Забрал всё мясо и пошёл. Чувствовал, что тигр его до зимовья проводил, всю ночь вокруг зимовья ходил, под утро ушёл и больше Игорю на глаза не показывался и собак его не трогал. Запомнил накрепко кулак богатырский.

НОКДАУН

– А нос у тигра слабый: с первого же удара юшка побежала. И боли боится – никогда себе вреда не сделает. Сдыхать будет, но боль сам себе не причинит.

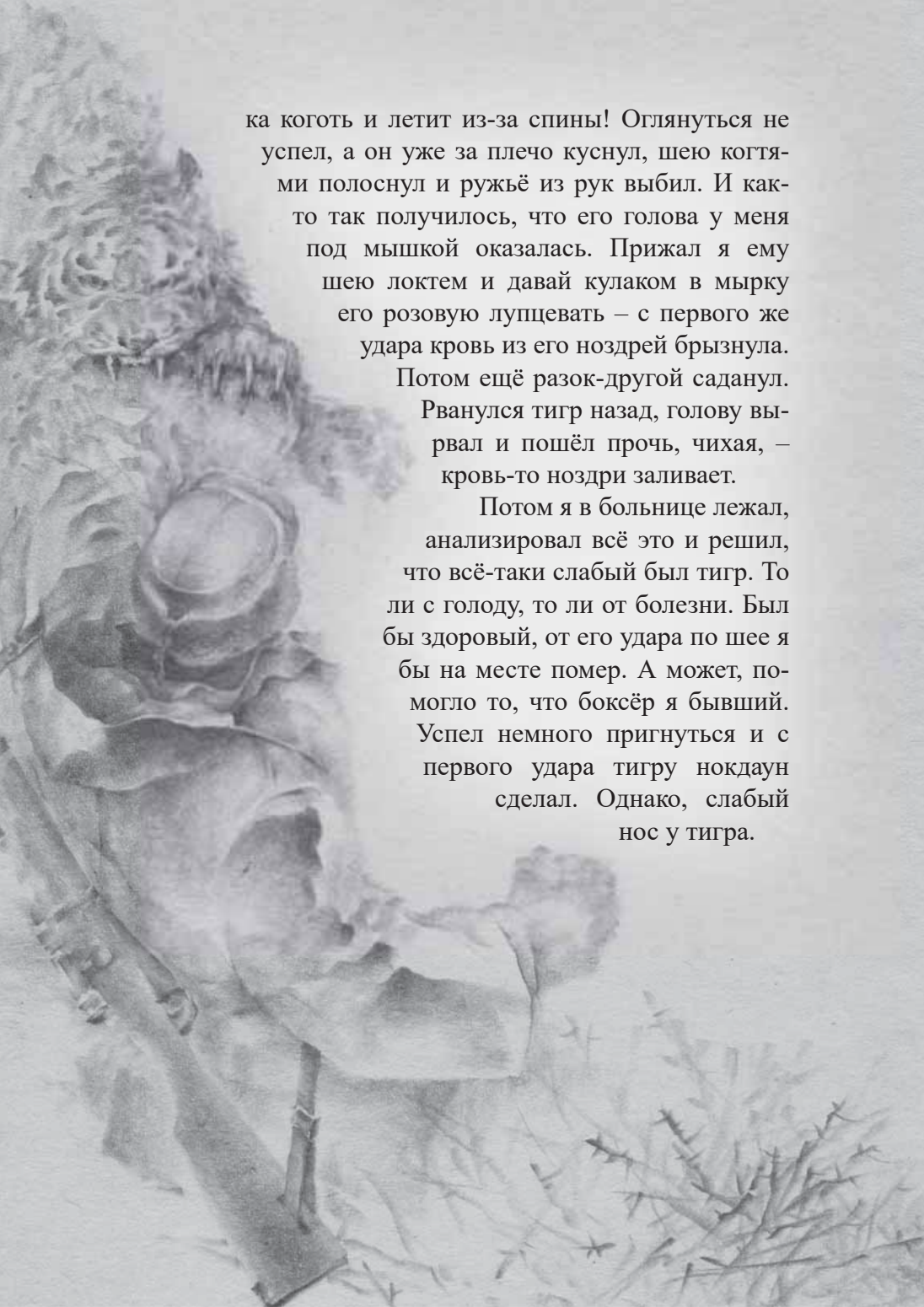
– Доказательства? Да как тут докажешь? Только если сам повторишь то, что со мной было. А дело было так.

Попался тигр в капкан, что на соболя был поставлен: позарился на приманку из рябчика. Может, такой голодный был, может, просто рябчиков любит. Некоторые тигры мимо ночующих в снегу рябчиков проходят, а некоторые непременно одного, двух словят: кошка же, хоть и большая.

Вот попался тигр в капканчик – в самый маленький, нулевого размера, зацепился самым коготком: на снегу хорошо отпечаталось, что кончиком пальца попался. Дёрнул лапой, но капканчик, хоть и маленький, но крепкий – удержал. Да и был прикручен цепочкой за палку – потаск. Не смог полосатый стряхнуть с лапы самолетов.

За год перед этим так же попался, но потрянул лапой так, что я капкан случайно нашёл: на берёзе висел, на пятиметровой высоте в двадцати метрах от места вместе с палкой. Вот с какой силой лапой дёрнул!

А в этот раз не смог капкан сбросить и потащил его за собой. Таскал, таскал, и в кустах путался, и по сугробам. Это всё по следам хорошо было видно. Ну, думаю: неделя прошла, неужели будет сидеть и помирать с голоду? Должен же освободиться – коготком ведь только попался. Надо ж капканчик найти, пока снегом не засыпало. И пошёл по следам дальше искать. А тигр зацепился палкой в орешнике и лежал! А кусты густые – не разглядел я его. Когда близко подошёл, он на меня и бросился. Оторвал в момент прыж-

ка коготь и летит из-за спины! Оглянуться не успел, а он уже за плечо куснул, шею когтями полоснул и ружьё из рук выбил. И как-то так получилось, что его голова у меня под мышкой оказалась. Прижал я ему шею локтем и давай кулаком в мырку его розовую лупцевать – с первого же удара кровь из его ноздрей брызнула.

Потом ещё разок-другой саданул. Рванулся тигр назад, голову вырвал и пошёл прочь, чихая, – кровь-то ноздри заливает.

Потом я в больнице лежал, анализировал всё это и решил, что всё-таки слабый был тигр. То ли с голоду, то ли от болезни. Был бы здоровый, от его удара по шее я бы на месте помер. А может, могло то, что боксёр я бывший. Успел немного пригнуться и с первого удара тигру нокдаун сделал. Однако, слабый нос у тигра.

УБЕЙ МЕНЯ ЧЕРВОНЦЕМ!

– Ну, убей меня червонцем! Ну, на пиво, понимаешь, не хватает... На опохмел... Ну, сорвался... Ну, ты же меня знаешь... Да из-за тигры это всё!

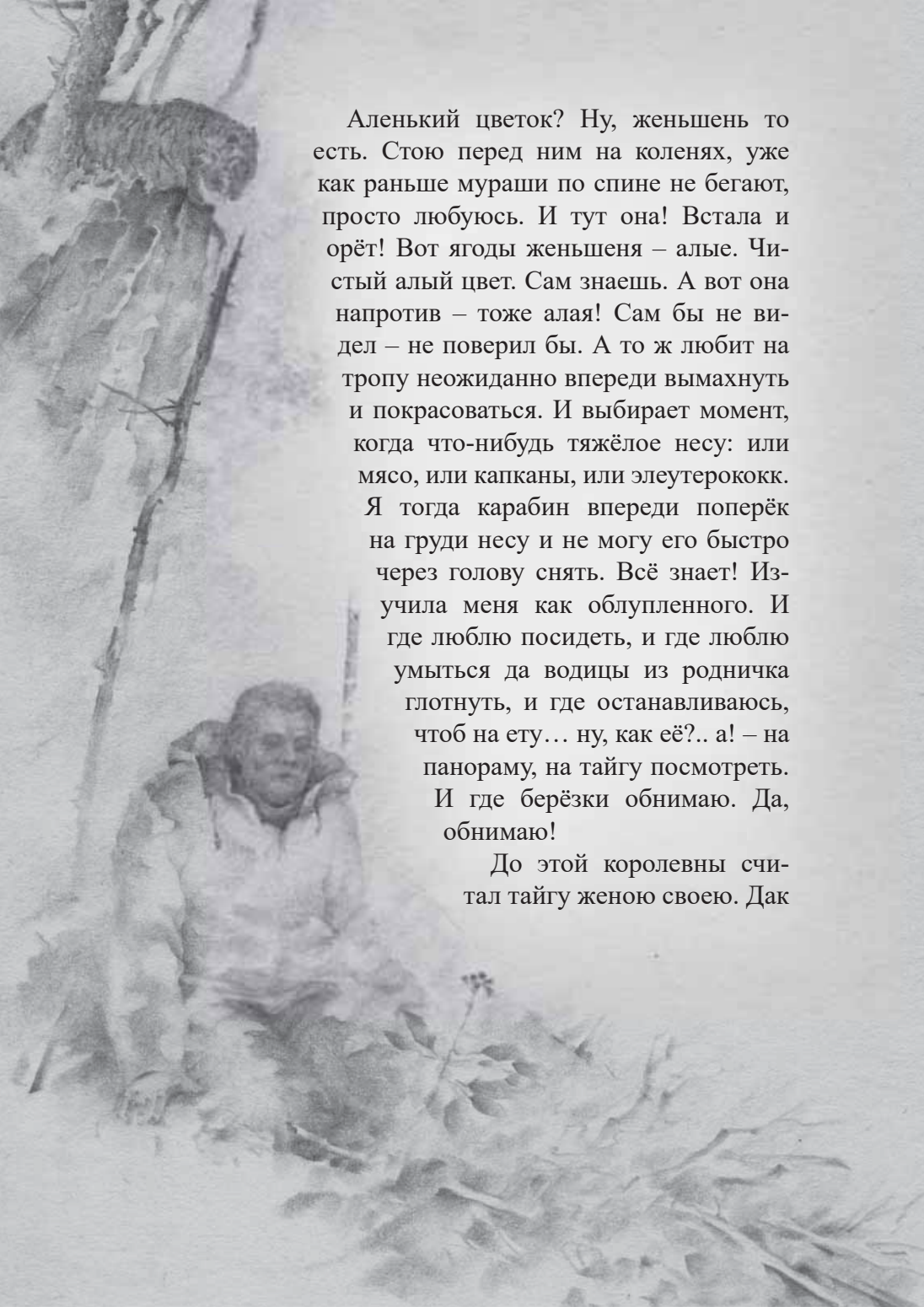
Передо мной, понутив огромную голову с кудрявой седой шевелюрой, стоит известный охотник, когда-то гремевший по всему краю как промысловик-передовик.

– На, Семёныч. А что тигра-то?

– Да, понимаешь, нервы не выдержали. Надо от тайги передышку, а то убью я её. Проходу не даёт. Собак всех передала, капканы ходит спускает, соболей съедает, кабанов и изюбрей из долины гоняет на сопки. А у меня уже ноги не те, чтоб за ними туда лазать. Сам понимаешь – годы. И пугает меня постоянно. Ревёт неожиданно. А если кого подстрелю – сколько зараз мяса заберу, то и моё. Можно больше не ходить – с тигрятами в момент всё съедает. Вот какая тут охота? Мужики издеваются: мол, влюбилась она в меня. А я молчу, что мстит она мне за то, что забрал я у неё кабана, да выстрелами напугал её и её тигрят...

Влюбилась... Как же, влюбится такая! Съела бы уже давно, если б карабина не боялась. Злющая – ужас! А всё потому, что королевна она. Ей-богу! Королевна – не меньше!

Да сам бы на неё глянул – сразу бы понял. Цвету она редкого. Алая! Не кирпичная, а – алая! Ей-бо! Я как раз аленький цветок нашёл. Опустился перед ним на колени, люблюсь, тихо радуюсь. Это раньше, когда находил, то громко радовался – молился по-своему. Богине что-нибудь вкусенькое оставлял – тут же под листьями прятал. Чтобы в следующий раз не забыла, опять к цветочку вывела.

Аленький цветок? Ну, женьшень то есть. Стою перед ним на коленях, уже как раньше мураши по спине не бегают, просто люблюсь. И тут она! Встала и орёт! Вот ягоды женьшеня – алые. Чистый алый цвет. Сам знаешь. А вот она напротив – тоже алая! Сам бы не видел – не поверил бы. А то ж любит на тропу неожиданно впереди вымахнуть и покрасоваться. И выбирает момент, когда что-нибудь тяжёлое несущу: или мясо, или капканы, или элеутерококк. Я тогда карабин впереди поперёк на груди несущу и не могу его быстро через голову снять. Всё знает! Изучила меня как облупленного. И где люблю посидеть, и где люблю умыться да водицы из родничка глотнуть, и где останавливаюсь, чтоб на ету... ну, как её?... а! – на панораму, на тайгу посмотреть. И где берёзки обнимаю. Да, обнимаю!

До этой королевы считал тайгу женою своею. Дак

сызмальства её люблю – знаю. Вот и считал. С деревьями разговаривал, с сопками. Ну да – как Дерсу Узала. Дак, поживи в тайге с моё, и ты будешь не то что с деревьями – с травинкой каждой за милу душу разговор держать. Каждое дерево будешь, как я, с закрытыми глазами определять. А что? И помогает, особливо когда в потёмках идёшь. Потрогаешь кору – ага, орех или бархат попался, знать до зимовья самое большое километр топать.

А сейчас – нет. Не жена уже – невеста. Опять невестой мне тайга. Потому... Потому что не пользуюсь. Тигрица не даёт. Любуюсь. Что будущая тёща блюдёт дочку. Так и тигрица тайгу. Говорю же – берёзки обнимаю. По молодости некогда было обниматься – обнимаюсь теперь. А сам попробуй – понравится! Да ещё щекой прижмись. Какая у неё кожа! Родина!

Так и тигрята у неё особые. Оранжевые! Не соломенного цвета, не медного, не золотого – оранжевого. Точно говорю – как апельсины на снегу. Ну, я-то цвета различаю. Когда-то чуть художником не стал. Было дело, было...

Ну, убил меня червонцем: сотенную отвалил! Благодарствую. Когда верну – не знаю. Говорю: передышку надо. Пойду срубы рубить, да, может, наличники резные повыпиливаю. В тайге ведь тоже настроение особое нужно – сам понимаешь. Чтоб не только любоваться, но и пользоваться. А как тут попользуешься, когда сама царица... Ну, убил меня червонцем!.. Ну, убил!..

СТОРОЖ

Спустились на ночёвку к ручью. Солнце мигнуло и спряталось за Сихотэ-Алинь, сумерки ощутимо синеют, густеют. Хохотнул, радуясь началу охоты, филин. Уже слышен гул горного ручья, отражаемый крутыми склонами узкого распадка. И тут впереди раздался рык тигра. Всё ясно: тигр нас услышал и предупреждает, что место занято. Пошли вбок, вдоль склона, в поисках какого-нибудь родничка или мочажинки – без воды ночёвка совсем никудышняя. Вскоре нашли маленький родничок, рядом «купалка» диких кабанов. Место не ахти какое, но палатку поставить можно. Расположились, обустроились, сварганили незаменимую кашу с тушёной, поужинали. Сидели у костра, смотрели на огонь, на звёзды, обменялись впечатлениями дня, обговаривали завтрашние планы, и вдруг опять донёсся тигриный рык.

В сонную тишину вкрались какие-то неясные звуки, которые всё ближе и ближе подбирались к нашему становищу. Вскоре явно обозначились тяжёлые шумливые шаги приближающегося владыки. Всё ближе и ближе! В оглушающей тишине эти шаги гремели, словно тигр шагал не по сухим листьям, а по гремучим фанфарам. Приблизившись метров на двадцать, тигр завздыхал и шумно улёгся. Всё стихло, только время от времени тигриный хвост, словно проверяя безопасность хозяина, шуршаще шевелился, ощупывая окружающее хозяина пространство. То справа, то слева.

Что делать? А что делать – спать! Намеренно шумно поубирали вещи в палатку, светанули фонарём в сторону тигра и сразу же получили в ответ два зелёно-ледянящих отражения круглых глаз бывшего начеку таёжного сторожа.

Сторожишь? Ну и сторожи! А мы будем спать!

Улеглись, положив рядом топор, фальшвеер и ножи. Всё тихо, спокойно. Усталость подступает, наваливается, окутывает, лелея зарождающийся сон. Но сквозь стенку палатки всё ясней и ясней стал проникать чей-то тяжёлый стон.

– Слышишь?

– Слышу.

– Что это?

– Не знаю...

Долго прислушиваемся. Стон исходит со стороны тигра.

– А! Так это тигр спит! Вот гад!

– И не слышит, что мы разговариваем?

– Не слышит! А ну, погромче!

– Эй, ты! Не мешай людям отдыхать! Ну-ка, перестань стонать!

Раздались шумные вздохи, потом минутное молчание, и стоны начались снова.

– Ну что с ним делать?

– Да ничего! Пусть спит, лишь бы нас не трогал.

– Действительно! Ладно, пусть спит! Только как тут нам уснуть при таком «храпе»?

– Бог с ним. Недавно читал, что если при бессоннице человек спокойно лежит, он всё равно отдыхает.

– Ладно, лежим.

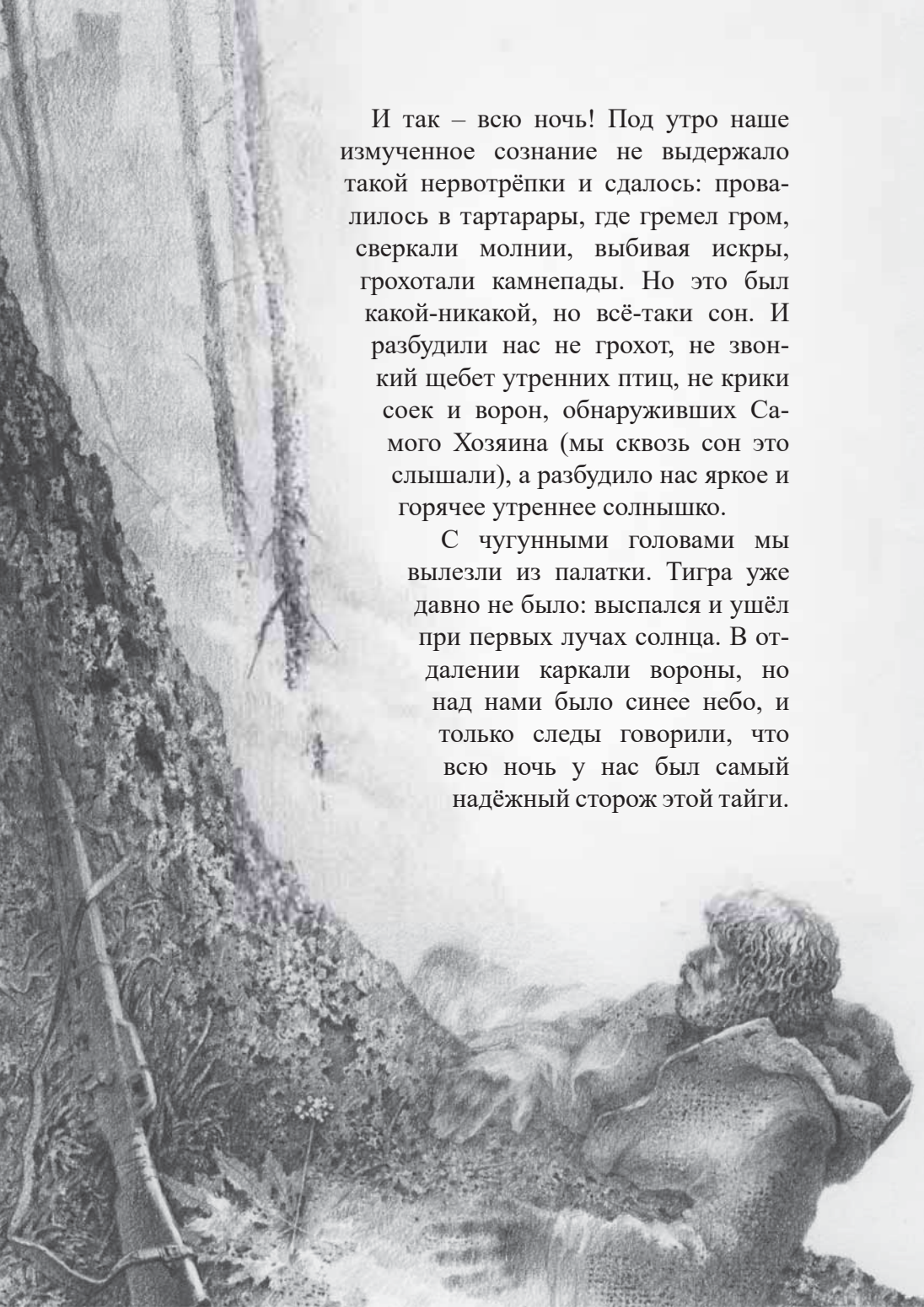
– Лежим.

А тигру что-то снится. Стон то затихает, то усиливается, в него влетаются завывания, которые перерастают в рокот – точь-в-точь, как в отдалении гудит автомобиль или трактор. И этот негромкий рокот заставляет вибрировать сначала стенки палатки, потом землю, потом наши тела.

– Вот гад!

– Да ладно, пусть спит!

– Чёрт с ним – пусть спит!

И так – всю ночь! Под утро наше измученное сознание не выдержало такой нервогрёпки и сдалось: провалилось в тартарары, где гремел гром, сверкали молнии, выбивая искры, грохотали камнепады. Но это был какой-никакой, но всё-таки сон. И разбудили нас не грохот, не звонкий щебет утренних птиц, не крики соек и ворон, обнаруживших Самого Хозяина (мы сквозь сон это слышали), а разбудило нас яркое и горячее утреннее солнышко.

С чугунными головами мы вылезли из палатки. Тигра уже давно не было: выспался и ушёл при первых лучах солнца. В отдалении каркали вороны, но над нами было синее небо, и только следы говорили, что всю ночь у нас был самый надёжный сторож этой тайги.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

То, что человек способен простоять, не двигаясь, несколько часов, – это само собой разумеется. С детства: то митинги, то праздники, а то и церковная служба – все люди долго стоят время от времени. Особо стойкие ухитряются стоя спать и ставят рекорды своей стойкости, попадая даже в Книгу рекордов Гиннеса. Но чтобы вместе с человеком долго стояло дикое животное?! Тем более такое, как тигр?! Оказывается, бывает.

– На охоте я был. Полдня ходил за кабанами, даже стрелял, но всё – впустую! Шёл по тропе, и тут навстречу... тигр! Мы увидели друг друга и остановились одновременно. Я как раз успел перед этим посмотреть на часы: было без пяти два. Это до наступления темноты успеваю пройти по соседнему кедрачу. Увидел я тигра и про всё забыл! Помнил только, что нельзя убегать, что надо кричать, ругаться, забыл даже, что ружьё на плече висит.

И вот стоим мы, не шевелясь, друг напротив друга, друг другу в глаза смотрим. Между нами всего пять метров. Я что-то говорю: кричать не получается – горло перехватывает. О чём говорил вначале – не помню. Скорее всего, просил уйти. Да, ещё помню, что хотел потихоньку пятиться, но не смог – ноги как в землю вросли. Говорил я, говорил что-то и замолчал – выдохся. И тут тигр, стоявший совершенно неподвижно и глядящий мне в глаза, стал нервно хлестать хвостом по кустам то слева, то справа. Заговорил – перестал хлестать хвостом. Тут уж я стал просто рассказывать о себе, о своей жизни. Где родился, как учился, на ком женился, где ошибался. Всё рассказал, как на духу. Так, наверное, исповедуются перед священниками. Долго говорил и замолчал:

просто горло перехватило. Тигр сразу же опять стал хлестать хвостом. Пришлось уже запеть. Хорошо, много песен знаю, когда-то у костра в походе мог ночь напролёт петь под гитару, не повторяясь. Пел, пел, сначала потихоньку, вполголоса, потом вообще тихо – сообразил, что тигр и так хорошо слышит, а голос надо экономить. А когда запел почти шёпотом, тигр... зевнул, повернулся и... ушёл!

После этого я испытал огромную слабость: ноги двигались, но сам был такой, как будто только что разгрузил железнодорожный вагон с гвоздями в ящиках, – помню это состояние, приходилось подрабатывать, когда студентом был. Но более всего было плохо от того, что напрочь забыл, что на плече ружьё, что мог бы выстрелить вверх, отпугнуть и не чувствовал бы себя таким слабаком. И не было бы трёхчасового противостояния. Правда, потом я себя за это хвалил: неизвестно, как бы ещё среагировал тигр на выстрел. А так – выдержал настоящее противостояние с самим тигром!

КИНО

– Вот у нас на Камчатке было «кино» так «кино»: убили здорового медведя, кое-как затащили вдесятером в вертолёт, взлетели, набрали высоту, и тут медведь... ожил! Хорошо, был полумрак – бросился «буряк» на ближайший иллюминатор, а не на людей. Успел за пару секунд растерзать не только кресло, но и всю внутреннюю обшивку вокруг располосовал в клочья. Хорошо, никакие провода не задел. Да хорошо, что оружие под рукой оказалось у человека, который не растерялся. А то, по признанию участников, все уже с жизнью успели попрощаться. Разъярённый медведище всё крушит и ломает в летящем, полном людей вертолёте!!! Вот это «КИНО»!

– Да и у нас, в Приморье, было «кино» не хуже. Решили впервые снять настоящий фильм про дикую природу, о том, как дикий тигр охотится на косулю и убивает её. Отловили молодого тигра-самца в «мышеловку» – это большая клетка из дубовых плах. Клетку ставят в месте, где регулярно проходит тигр. Внутри за специальную отгородочку садят собаку. Тигр обнаруживает собаку, заходит в «мышеловку», наступает на дощечку, открытая стенка падает на своё место, и всё – тигр пойман. Перегрызть клетку он не успевает, сам остаётся невредимым – вокруг только дерево.

Вот так поймали молодого самца, ввели ему снотворное, отвезли в специально подготовленную вольеру – отгороженный высокой металлической сеткой участок тайги. Приготовили пару заранее пойманных косуль, приготовились операторы на специально выстроенном помосте высотой более трёх метров и стали ждать, когда тигр проснётся, увидит косулю и начнёт её ловить.

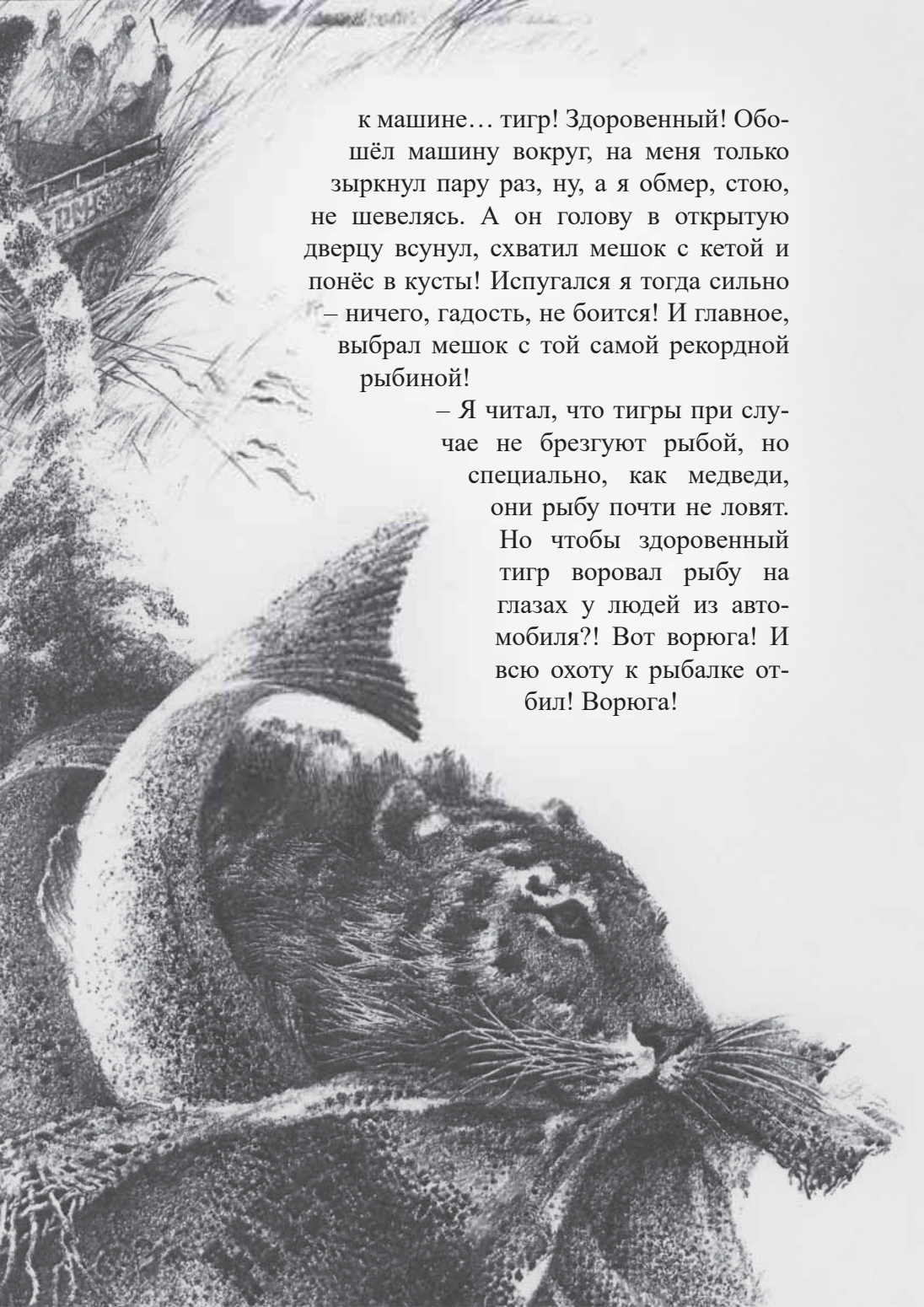
Тигр проснулся, пошатываясь от снотворного, пошёл к косуле и тут увидел людей на помосте. Мгновенно сонливость у тигра исчезла, он заревел и... бросился прямо на помост с кинооператорами! Чуть-чуть не достал... Не успел. Пуля остановила. Такое вот «КИНО».

ВОРЮГА

(С. Я. Леонову)

- Как клюёт? Да никак! Не езжу на рыбалку. Уже давно.
- Почему? Да не хочу!
- Не веришь? Тебя бы так напугали – и ты бы перестал.
- Нет, не рыбоохрана. Чего её бояться? Уже пуганый-перепуганный.
- Кто, кто? Тигр!
- Вот представь себе: тигр!
- Да в тех местах, где люди часто толкуются, тигр, конечно, редко появляется. Так и рыба там не такая: или пуганая, или мало, или маленькая. И вообще не люблю где народ, где все. А где народа нет, там и зверь, и рыба, и тигр часто ходит. Вот и пуганул.
- Нет, не ревел. В том-то и дело, что всё тихо и спокойно, «на глазах», так сказать, «у публики».
- Ну, ладно, расскажу. В общем, поехал со своими за кетой. На свои места. Всё там в лучшем виде: и место удобное, и рыбы всегда полно. Одно плохо: до машины больше тридцати метров рыбу носить. С другой стороны, это и безопасней, если рыбоинспекция нагрянет. Вот поставили сеть, посидели, «чай» попили. А тут и рыбы набилось. Стали снимать урожай, в мешки складывать. И попался один самец-зубак килограммов на пятнадцать! В жизни такого не видел! Ну, посмотрели, пофотографировались все с ним, в мешок и в машину. Потом ещё несколько мешков поймали и перенесли в машину. Потом ещё. И такая тут картина: стоит раскрытая машина, я несу к ней ещё мешок рыбы, осталось дойти метров десять всего, и тут выходит прямо

к машине... тигр! Здоровенный! Обо-
шёл машину вокруг, на меня только
зыркнул пару раз, ну, а я обмер, стою,
не шевелясь. А он голову в открытую
дверцу всунул, схватил мешок с кетой и
понёс в кусты! Испугался я тогда сильно
– ничего, гадость, не боится! И главное,
выбрал мешок с той самой рекордной
рыбиной!

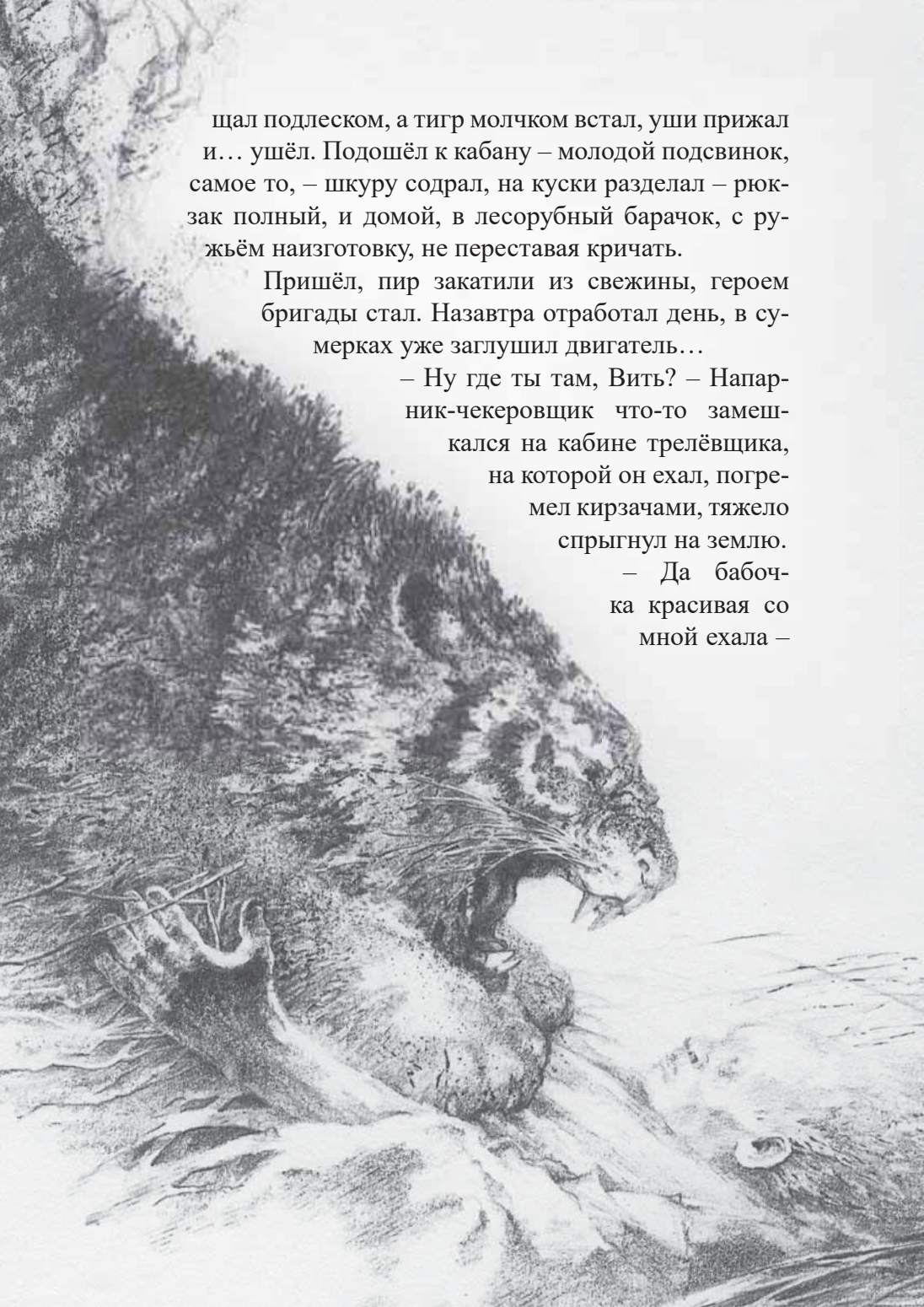
– Я читал, что тигры при слу-
чае не брезгуют рыбой, но
специально, как медведи,
они рыбу почти не ловят.
Но чтобы здоровенный
тигр воровал рыбу на
глазах у людей из авто-
мобиля?! Вот ворюга! И
всю охоту к рыбалке от-
бил! Ворюга!

РЫЦАРЬ

– Представь себе, что такой, казалось бы, злобный и кровожадный тигр на самом деле благороден. А такие с виду миролюбивые животные, как голуби и олени, оказываются, очень жестокие и бессердечные. Они часто во время брачных турниров калечат и убивают соперников. А тигры – никогда. И это научный факт. А в подтверждение тигриного благородства есть у меня пример из жизни приморских лесорубов.

– Гуцулом меня прозвали сразу. Я ведь с Западной Украины. Не молдаванин. Обычно земляков тут кличут бендеровцами. Хотя, наверное, Гуцул оттого, что Карпаты рядом с моей родной Мардаровкой. Леса там тоже есть, хотя и не такие большие, как в Приморье. В общем, помыкался после армии на Родине. Женился, детей породил, а места своё всё найти не могу. Всё не мог забыть свою службу в Приморском крае. Написал однополчанам, расспросил, что и как. Ну и поехал на заработки в один из леспромхозов. Работа хорошая: и денежная, и интересная. По выходным всегда охота-рыбалка. Подумывать даже стал, как сюда семью перевезти, к домам стал прицениваться. Но, как говорится, жадность фраера сгубила, отогнала от мечты.

На охоте нашёл орущих благим матом ворон, подкрался, и вот он тигр на свежей давлении. Кабана только что задалвил, потроха ему выпустил – тигр это ловко делает: когтями задних ног распарывает брюхо, внутренности вываливаются, остаётся чуток тушу по кустам протащить, и всё – кабан без кишок. Лежит тигр, заднюю ногу кабана ест. А я знаю, что его можно отпугнуть, кабана забрать: некоторые охотники так делали. Вот закричал я, зашумел листвой, затре-

щал подлеском, а тигр молчком встал, уши прижал и... ушёл. Подошёл к кабану – молодой подсевинок, самое то, – шкуру содрал, на куски разделал – рюкзак полный, и домой, в лесорубный барачок, с ружьём наизготовку, не переставая кричать.

Пришёл, пир закатили из свежины, героем бригады стал. Назавтра отработал день, в сумерках уже заглушил двигатель...

– Ну где ты там, Вить? – Напарник-чекеровщик что-то замешкался на кабине трелёвщика, на которой он ехал, погремел кирзачами, тяжело спрыгнул на землю.

– Да бабочка красивая со мной ехала –

сегодня день тёплый, ожили насекомые. Хотел засушить да дочке подарить – она у меня бабочек собирает. Но улетела неожиданно. Почувствовала, что я её поймать захотел. Ехали – сидела, хоть бы хны. А приехали – сразу вспорхнула.

– Да это я двигатель заглушил, вибрация закончилась, насекомому стало неинтересно. – Рассуждая про бабочку, идём к бараку.

– Бау! – ошарашило громом из-за спины, удар в плечо, и я – кувырк – упал! Ничего не понимая, чувствую в боку острую силу, поворачивающую меня на спину, великую тяжесть на груди и гром, гром, гром, прямо в лицо. Придавленное сердце всё большее и медленнее вздрагивает, сознание темнеет...

Поревев, тигр убрал лапы с груди, повернулся и пошёл. Сдавленная грудь больно расправилась, горло откашлялось, сердце перестало царапать рёбра, мягко, упруго и плавно завальсировало – всё в норме, живой. Витёк, колотясь крупной дрожью и всхлипывая, стоял рядом.

– Да не трясись. – Откуда-то появившееся спокойствие пружинисто подняло на ноги. – Это тот тигр, у которого я вчера кабана забрал. Отомстил мне. Показал, кто в тайге хозяин.

Прошла трудовая неделя. Опять выходной, опять охота. И понесла меня нелёгкая снова в этот распадок! Как по заказу, на соседней сопке снова орут вороны. Да что я – не человек? Никогда трусливым не был!

Осторожно крадусь вдоль склона, выглядываю из-за скалы. На задавленном кабане снова тот же тигр! Он сразу же почувствовал мой взгляд, коротко рыкнул и прыгнул в кусты.

Бух! Бух! Тр-р-р, тр-р, – сыпанула ему вослед картечь. Тресь-тресь-тресь, – хрустели сучья от убежавшего зверя.

– Геть отсель! В другой раз убью! – кричу ему вослед. На этот раз свинья и наполовину съедена. И то дело!

Передние ноги и шея не тронуты, свинья большая, опять получился полный рюкзак мяса.

Как удивились лесорубы! На торжественном ужине провозгласили: «Ты теперь, Остап, дважды герой российской тайги! Тебе теперь тигры, как коты мышей, должны носить кабанов! Да, а тигрицы зад лизать!»

Ох и повеселились! В жизни столько не смеялся! Аж до коликов, аж до тошнотиков...

Наутро бригадир, разъяснив планы на день, изрёк: «По одному в кусты не ходить, оружие держать наготове. Сдаётся мне: не к добру мы вчера так веселились. Как бы этот полосатый опять мстить не вздумал».

Но день прошёл спокойно. Люди были настороже, вальщики мотопилы старались без нужды не глушить, бензин не экономили, не выпускали из рук эти всё разящие бензопилы. Так же прошёл и второй день, и третий, и четвёртый.

В сумерках подъехал на площадку лесосклада, притащил последние хлысты, заглушил двигатель, полез под трелёвщик, слил воду – уже стало подмораживать, утром лужицы устали вдруг на светлеющее небо остекленелым взглядом, закинул за плечо двустволку, шагнул к барaku.

«Бау!» – бухнуло по голове. Удар в спину, раскалённая молния опалила затылок, прожгла руку, с треском разодрала бедро...

– Пятьдесят два шва. Все вокруг жалеют-сочувствуют-переживают, а я радостный и счастливый: легко отделался. Благородно тигр со мной обошёлся, по-рыцарски.

ИЗДИВОК

(невиданная вещь, диво дивное)

– Удивительный это зверь! Непредсказуемый! Сто лет его изучают-изучают, а он иногда такое выдаёт, что готов перед ним на колени – и молиться, молиться. Может, от благодарности, может, оттого, что в нём вдруг почувешь материализацию Самого Господа Бога. Такой вот он красоты необыкновенной зверь. Вот, казалось бы, всё: изучен учёными, описан, инструкции, как себя вести при встрече с ним, составлены. Но, оказывается, не выполняет он инструкции. Но, оказывается, может сделать всё наоборот.

Давно это было. Тогда в госпромхозе запросто можно было лицензию на добычу изюбриных пантов взять. Эх, времечко золотое! Хочешь – травы-дикоросы суши-готовь, хочешь – орех кедровый, хочешь – женьшень ищи, хочешь – панты добывай. На чём угодно человек мог зарабатывать неплохие деньги. Сейчас – не то. Пушнина никому не нужна, панты – никому не нужны. Эх-ма! Кабы денег тьма, да баб деревеньку – любил бы всех помаленьку.

Ну вот, взял лицензию, в рюкзак продуктов на неделю – и в тайгу, на пантовку. Знаю сказочный солонец и в полукилометре от него – зимовьё. Солонец настоящий, природный. Глина там очень вкусная: сам пробовал. На других солонцах – не то. Или содой отдаёт, или горьковатая, или как мел. А это ж – вкуснятина: кисленькая и даже как сладковатая. Возьмёшь кусочек глины в рот – наслаждение, как чай с лимоном. Ну да: как высушенный сладкий чай с лимоном. Поэтому зверь на этот солонец и прёт за сотню километров: где ещё такой вкуснятины найдёшь?

С ранней весны, как первые проталины, и до поздней осени, пока снегом не накроет. За сотни лет такие тропы протоптали – по пояс. И глины съели: карьер с футбольное поле. В общем, сказочно богатый солонец. Конечно, добираться до него трудновато и далековато, но зато впустую ни разу не ходил: если не вечером, то утром, в любую погоду, зверя, какого надо, добывал.

Молодой я тогда был, охотиться недавно начал. Пугливый ещё. Всё казалось, особенно если ночью один по тайге шёл, что за каждым кустом или медведь, или тигр. Потом пообвык.

В общем, добыл изюбря, разделал тушу, в ручей мясо положил. Сходил в зимовьё, отнёс панты, часть мяса и заленился за остальным мясом с карабином идти: кого бояться, если было два выстрела, всё вокруг поразбежалось. Пошёл к солонцу, загрузился – и к зимовью. И тут... тигр! Как говорится, нос к носу. Я вначале обмер, а потом... побежал! Знаю, что бежать нельзя: бег спровоцирует нападение, – а ничего поделаться не могу! Ноги сами несут! За собой слышу погоню: всё ближе и ближе, от ужаса в глазах темнеет – вот-вот смерть! А ноги бегут!

Вот тигр уже за спиной, хорошо слышу его хаканье-фырканье, сердце заледенело и этой звонкой красной льдяхой колотится в рёбра, горло, живот: вот-вот смерть! А ноги бегут!

В глазах одно: тропа к зимовью. И тут чувствую... обгоняет меня тигр!

Обогнал и... бежит сбоку! Я изо всех сил бегу по тропе, а он по кустам сбоку! И так ловко это у него получается! То пригнётся, то вправо-влево, то сиганёт повыше. А я не могу остановиться!

А тут он вперёд забежал! Бежит впереди меня! Восходящее солнце острыми пиками швыряет лучи мне прямо в лицо. А я не могу остановиться!

И так радостно тигр бежит! Хвост трубой, крутится полосатым смерчем. Прыжок – круть-верть. Прыжок – круть-верть. А я не могу остановиться!

Тигр то левее бежит, то правее, то рядом со мной, то сзади, то опять впереди! А я не могу остановиться!

Добежал до зимовья, захлопнул двери, на лежак бухнул рюкзак. И как я с ним бежал?! Распахнул двери и давай палить в белый свет, как в копеечку! Пока все десять патронов не выпалил. Упал на четвереньки, подполз к ведру, голову в воду макаю, пузырями булькаю. Насилу отдышался...

Вот и загадка. Почему остановиться не мог? А? Ну, ладно, можно объяснить, что испугался очень. А почему тигр меня обгонял? А? Поигратся захотел? Развлекался? А почему мне на спину не запрыгнул? А? Нет объяснения? Вот такой издивок.

ПРЕЗИРАТЕЛЬ

Никому не советую задерживаться на тропе тигра, особенно возле его «верстовых столбов» или сигнальных царпин, отмечающих границы тигриной территории, особенно если это взрослый самец. Но мы-то этого не знали...

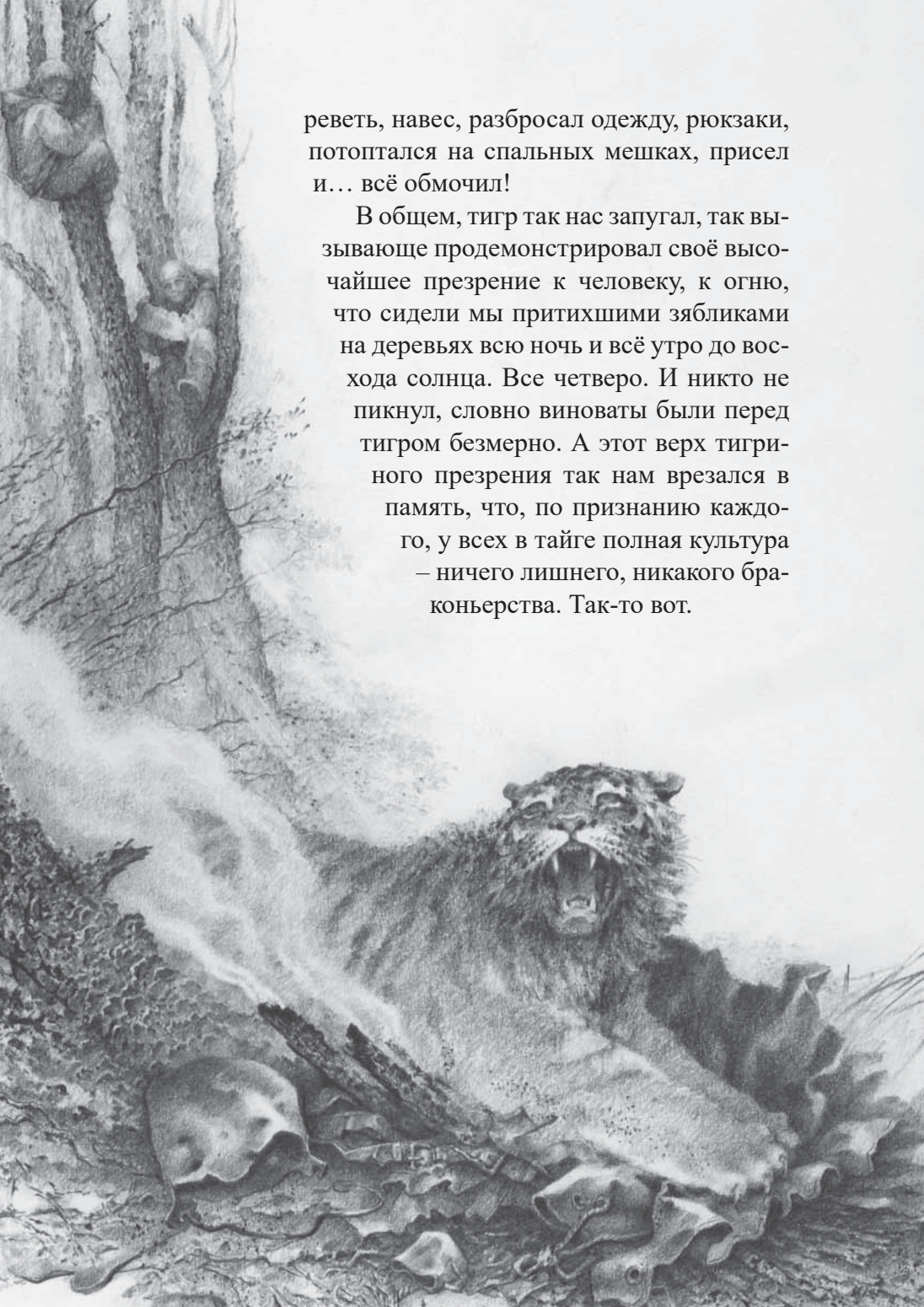
Не знали, а даже, наоборот, увидев на наклонённой берёзе исцарапанную кору на двухметровой высоте, а рядом ручей и удобную полянку, единодушно решили обосноваться на ночь именно здесь.

Обосновались. Доботно и основательно. Оборудовали кострище, наготовили впрок сушняка, соорудили из папоротника толстую «пуховую перину», изготовили из молодых кленков и лещины широкий навес на случай дождя. Приготовили всё: и ужин, и спальные мешки расстелили, и так хорошо у костра расположились, предвкушая приятный отдых после долгого перехода по долине реки Ванчин, но тут зарычал тигр.

Сначала в отдалении, затем всё ближе и ближе – он точно шёл по нашим следам. Вот уже рычит совсем неподалёку. Не выдержали мы, стали кричать, стучать, дров в костёр подбрасывать, но тигр заревел ещё оглушительней и злей и стал всё ближе и ближе подходить.

Делать нечего, пришлось второпях всем четверым лезть на деревья. Едва взобрались, как тигр вышел к становищу, не переставая реветь, направился напрямиком к костру! Подошёл и давай лапой расшвыривать всё вокруг!

Стоял у костра котелок с кипятком – отлетел котелок в сторону, зашипел паром, загремел на камнях. А тигру и этого мало: ударил его лапой, смял в лепёшку, да ещё прокусил вдобавок. Завалил, не переставая оглушительно

реветь, навес, разбросал одежду, рюкзаки, потоптался на спальных мешках, присел и... всё обмочил!

В общем, тигр так нас запугал, так вызывающе продемонстрировал своё высочайшее презрение к человеку, к огню, что сидели мы притихшими зябликами на деревьях всю ночь и всё утро до восхода солнца. Все четверо. И никто не пикнул, словно виноваты были перед тигром безмерно. А этот верх тигриного презрения так нам врезался в память, что, по признанию каждого, у всех в тайге полная культура – ничего лишнего, никакого браконьерства. Так-то вот.

ЭКВИЛИБРИСТИКА

– Сам не пойму, отчего позволил страху собой овладеть. Ведь тигра увидел, оглянувшись на шорох, когда тот повернулся уходить. Да и видел тигра не в первый раз, а вот, поди ж ты: испугался. И страх такой... какой-то весёлый и азартный был: а вот и не поймаешь, а вот и удеру. Хотя, повторяю, никто за мной не гнался, никто не нападал: просто, оглянувшись на шорох, увидел уходящего тигра. И знал же, что убежать категорически нельзя!

Раз-два, и я уже на дереве. Даже не на дереве, а на высокоом пне – упавший старый кедр сломал берёзу. Гладкий берёзовый ствол, обломанный на высоте метра четыре. Раз-два, и я уже наверху. И не просто наверху, а балансирую на изломе, на этих острых щепках, и даже не балансирую, а устойчиво стою, хотя машинально ступни ощупывают эти щепки, находя наиболее прочные и не такие острые. Хорошо, что подошвы сапог оказались крепкими, не проткнули их берёзовые остряки.

Стою на этих остриях, песню горланю: «Опять стою на краешке земли, опять плывут куда-то корабли». Говорю же: страх весёлый был, озорной. Даже тигр остановился. Постоял, покрутил головой удивлённо и... ушёл. Исчез тигр из виду, и мне сразу нехорошо стало, ноги дрожат, подгибаются. А спуститься-то боязно!

Вот тогда-то я и прочувствовал, что значит держать равновесие. В детстве-то легко мог по остриям забора ходить и даже по канату немного получалось. Догадался присесть и руками за щепки держаться. Но всё равно, голова кружится до тошноты. Чувствую, что скоро упаду. Кое-как спустился. Уже как-то безразлично было – совсем ушёл тигр или неподалёку затаился.

С той поры стал бояться высоты.

А с чего всё началось, почему тигр близко подошёл? Получается, что подманил я его. Шёл по лесу, решил отдохнуть. Посидел так хорошо на поваленном кедре. Когда сидишь на таком огромном дереве, особые ощущения появляются. Кажется, что корни схватились намертво за небо, а вершина уходит куда-то вниз, под землю, словно с падением этого гиганта мир перевернулся, время вспять пошло, и всё начнётся теперь заново: проклюнется по весне из орешка росток, потянется к солнцу и будет понемногу крепнуть, обнимая всё шире и шире родной ветер, родные запахи. И так долгих лет 500! Целая вечность! И всего одно дерево! Дерево-вечность. Много интересных мыслей появляется, когда сидишь на таком гиганте.

И тут подлетела кедровка. Символично? Да, символично. Погиб кедр, и тут как тут сеятель: новые кедровки рассаживать. Заметила меня и давай шуметь на всю тайгу: какой-то нарост необыкновенный на валёжине появился – я ж неподвижно сижу. Покрякала кедровка, попищала – я сижу. Попрыгала по веткам вокруг, полетала – я сижу. Тогда она стала звуки всякие странные издавать – чуть не разговаривать. Ну и я, продолжая сидеть неподвижно, стал посвистывать, попискивать, а-а-а – что-то напевать. Что тут началось! Дразниться стала – повторять за мной! И так иногда похоже получалось! Во талант-самородок!

Поразвлекался я от души, устал даже. Шея затекла, зашевелился. Обидел я этим кедровку – вспорхнула, отлетела подальше и села, не теряя меня из виду. Всё – концерт окончен. И тут шорох из-за спины! Хозяин тайги! Оказывается, очень внимательно нас слушал!

Но вот почему кедровка на него внимания не обращала? Неужели так увлеклась, что никого, кроме меня, не замечала? Или тигр ей уже просто надоел? Такая вот эквилибристика.

ТАНК

– И чего это вы, мужички, такие побитые? – поздоровавшись, сразу же спрашиваю бригаду шишкарей, окружившую костёр плотным кольцом. Все как один тянут руки к огню, хотя день тихий и очень тёплый, а шишкарки тепло одетые.

Молчание.

– Не иначе бревном по кедру промазали? – продолжаю, вспомнив известную всему Приморью историю с бригадой заготовителей орехов, когда мужики стали бить с разгону по кедром бревном-тараном, стряхивая, таким образом, не упавшие шишки, а будучи в подпитии, не рассчитали, промахнулись мимо ствола и, по инерции, понеслись вниз по склону через заросли колючих элеутерококка и аралии, почему-то не бросив бревна и остановившись только на дороге, исцарапанные, в разодранной одежде, где их обнаружил, сидевших на злосчастном бревне, корреспондент одной из газет, решивший в отпуск немного подзаработать на орехах и огласивший на весь мир этот курьёз.

Молчат.

Чувствую – не просто молчат. Что-то случилось. Иначе отчего все они в свежих синяках и царапинах? Вроде не пьяные.

– Земляки, а можно на вашем костре чайку заварить, а то спички бракованные попались – не загораются, язвы их, тить-теревить. Дома, не глядя, сунул в рюкзак, а теперь хоть плачь! – как можно искренней постарался выразить своё отчаянье, словно заставляя себя забыть, что есть ещё в запасе коробок нормальных спичек.

– Да, чего там – садись с нами, мы сейчас всё одно обедать будем, – поднял ко мне своё испарпанное лицо седой бородач.

– Садись, садись, – загудели наперебой вдруг очнувшись от оцепенения шишкари. Засуетились, собирая домашнюю ещё снедь на таёжный «стол» – кусок брезента. Над костром повис на натянутом тросике большущий чайник, который сразу же тихонько запищал, словно от щекотки: и приятно, и терпежа не хватает. А огонь полыхает, старается, щекочет огненными пальцами круглые чайничьи бока, пока тот не задрожал мелкой дрожью от едва сдерживаемого смеха, а потом вдруг расхохотался от всей души, вскипев.

Эх-ма! Благодать-то какая вокруг! Таёжная! Низкое и неяркое октябрьское солнце льёт такой блестящий свет, что блестит вокруг всё: красно-коричневый, цвета старой меди, блеск у кедровой коры, стальной блеск дамасской узорчатой стали у дубовых стволов, россыпными золотинками блестя павшие листья, вперемешку с рубиновым блеском кленовых красных звёзд. Всё сухое, а блестит!

А есть ли где ещё такие опьяняющие запахи? Человек, давным-давно подышав такой пьянящей осенней сладкой терпкостью, стал экспериментировать и придумывать и специи для еды и... благоволия для женщин.

– Будешь с нами? А что так? Только чай? Ну, смотри.

– Ну, слава Богу, живые! – поднял свою кружку бородач. Вразной чокаясь, шишкари вдохновенно гудели: «Живы! Живые!» Потом минутное затишье, сопровождаемое стуком ложек, шумом жующих мужчин. Снова призыв: «За нас!» Кружки уже разом сдвинулись, напряжение ушло, раздались смешки.

– А чего ты, Петруха, своей Настюхе скажешь, когда домой с расцарапанной «репой» нарисуешься? Не иначе, оправдаешься: мол, шишки собирал?

– Ха-ха-ха! – всколыхнулся огонь от дружного хохота.

– Не, он скажет, что тигрица страстная попалась.

– Хо-хо-хо! – отшатнулся от кострища терпкий дымок и, словно смеясь, сизо и весело закружился ввысь, пританцовывая.

– Да не, он честно признается, что не знал, что в тайге доярки дикие.

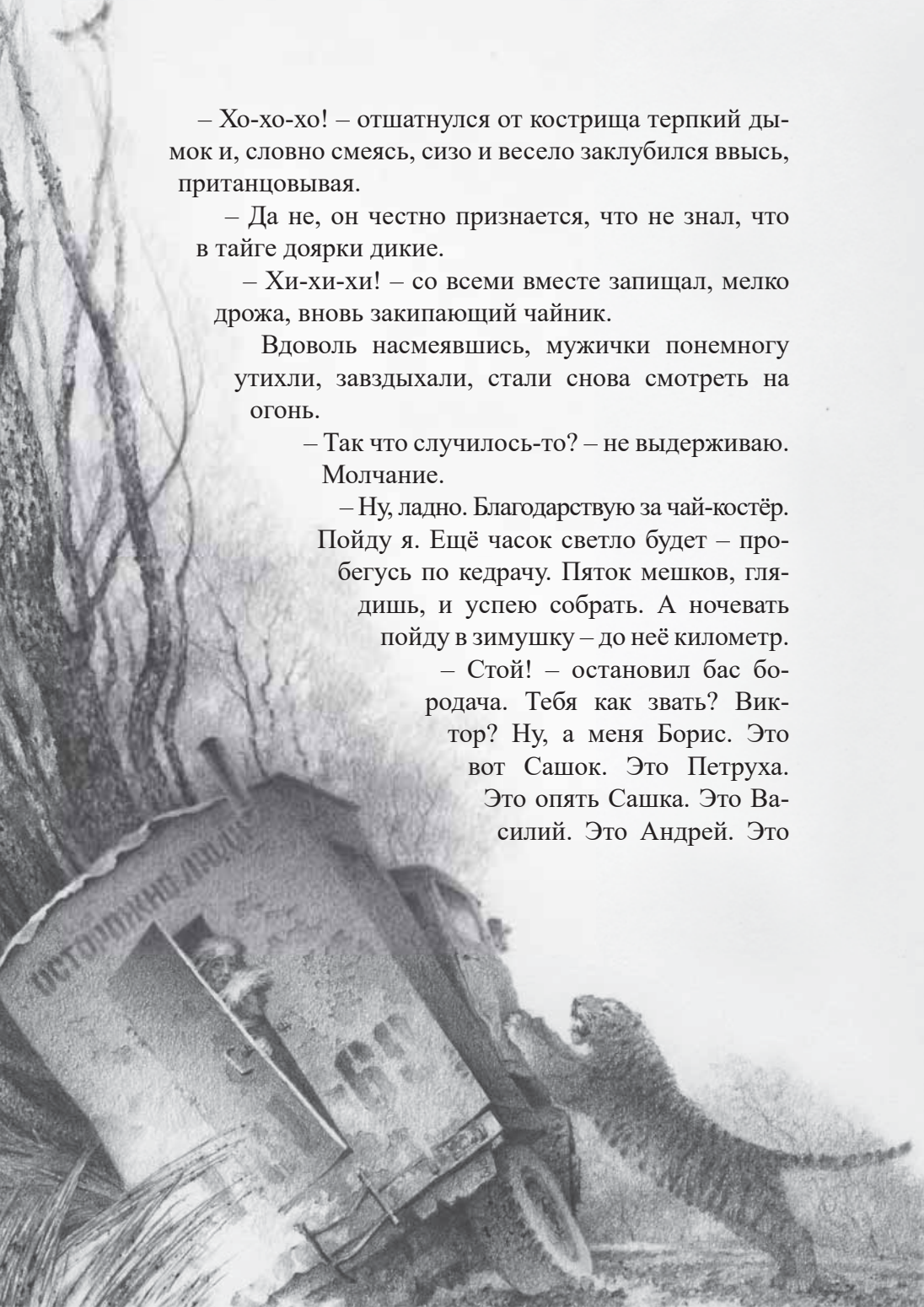
– Хи-хи-хи! – со всеми вместе запищал, мелко дрожа, вновь закипающий чайник.

Вдоволь насмеявшись, мужички понемногу утихли, завздохали, стали снова смотреть на огонь.

– Так что случилось-то? – не выдерживаю. Молчание.

– Ну, ладно. Благодарствую за чай-костёр. Пойду я. Ещё часок светло будет – пробегусь по кедрачу. Пяток мешков, глядишь, и успею собрать. А ночевать пойду в зимушку – до неё километр.

– Стой! – остановил бас бо-родача. Тебя как звать? Виктор? Ну, а меня Борис. Это вот Сашок. Это Петруха. Это опять Сашка. Это Василий. Это Андрей. Это

Пашка. Все семеро. Сродственники мы. Сокольчанские. А ты откуда? А-а, тоже местный. Ты это... ну, в общем, не ходи никуда. Тут тигр рядом. Здоровенный. Видишь, как нас всех семерых уделал? Как-как? Да вот так. Ещё вон машину помял. Иди глянь. С той стороны.

Иду к автомобилю, обхожу и вижу, что новый ещё внедорожник ГАЗ-66 с будкой-вахтовкой, или «кунгом», – весь в свежих вмятинах, стёкла с левой стороны выбиты. Ничего себе!

– Поглядел? Вот так-то. Хорошо, шею никто себе не свернул, а то бы было горе.

Видя моё полное недоумение, Борис красочно и подробно рассказал о случившемся.

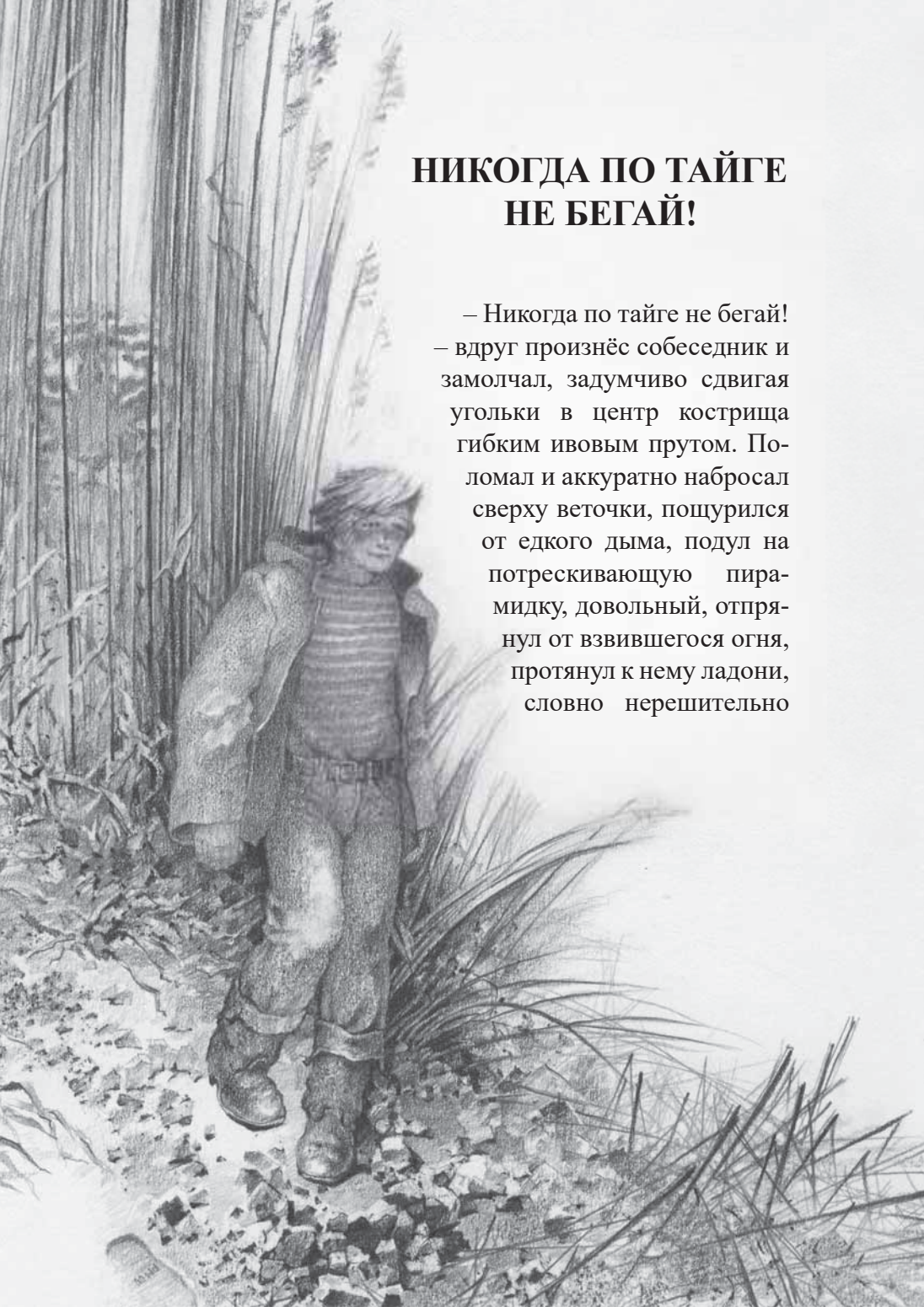
– Едем. Петруха, самый глазастый, вдруг кричит: «Тигр!» Глядим – точно! Стоит красавец. За рулём Сашка. Как закричали, он от неожиданности оглянулся, а машину – раз! – и стянуло боком под откос. Забуксовал – грязь же после дождя, и машина встала с большим креном. А все-то на тигра глядят. А тот, как машина остановилась, прёт прямо к нам! Мы-то все справа сидим, возле двери...

И вот прёт этот танк прямо на нас, всё быстрее и быстрее! Сначала шёл враскачку. Потом пасть нацелил и понёсся! Десять метров! Пять! И тут мы не выдержали! Что случилось – понять не можем. Вроде охотники все. Шарахнулись одновременно с правой стороны на левую, и машина... завалилась на бок! Мало того, что сами попадали на разбитые стекла, так ещё на нас сверху посыпались и гайки, и болты, и запчасти – их в ящиках под сиденьем много возим...

Пока из-под железяк и шмоток вылезли, пока из машины выбрались. Да! Как там у Лермонтова? «Смешались в кучу кони, то есть вещи, люди, и залпы тысячи орудий слились... в тигриный рёв». Поревел тигр и ушёл. А мы давай машину поднимать, на колёса ставить. И домкратили, и верёвки скручивали. Вот приехали! Так что извиняй: из-под танка мы.

НИКОГДА ПО ТАЙГЕ НЕ БЕГАЙ!

– Никогда по тайге не бегай!
– вдруг произнёс собеседник и замолчал, задумчиво сдвигая угольки в центр кострища гибким ивовым прутом. Поломал и аккуратно набросал сверху веточки, пошурился от едкого дыма, подул на потрескивающую пирамидку, довольный, отпрянул от взвившегося огня, протянул к нему ладони, словно нерешительно

прикасаясь к талии жгучей красавицы, и неторопко, словно прислушиваясь к самому себе, продолжил.

– Пацаном я ещё был, на пасеке помогал мёд качать. А тут закончилась вощина, и посылают меня на соседнюю пасеку вощины в долг взять. Аккурат, говорят, до темноты успеешь на тракторе. А что мальчишке лишний раз на тракторе по тайге проехать? Счастье! Тем более, дочка пасечника – Галя. Такая разэтакая. Косы! Брови! А глаза! Эх, на всю жизнь! Раз из-за неё упал с полными мёдом рамками прямо возле медогонки – загляделся. Смеялась. Так звонко и чисто, словно жаворонок под солнцем. Мечта! До сих пор...

– Ну вот, ехал-ехал по колее, да застрял – не рассчитал, не переключил вовремя передачу, хотел с разгону лужу проехать, но трактор завяз и заглох. Заводить – не заводится. Оказалось, в пусковом двигателе бензина нет. А ехать-то всего с километр осталось, да обратно три. От силы сорок минут времени на всё пешком, но начало уже смеркаться. Успею, думаю бегом. Побежал. Бегу и не могу понять: то ли рычит кто, то ли трактор где-то работает. Остановился, покрутил головой – непонятно, и дальше бегу. И тут зарычало совсем громко и близко, над травой неожиданной экзотической папуасской маской возникла тигриная личина...

А красавица горит-полыхает от страсти, обжигает ладони, бьётся в уладе, дрожит нетерпеливой дивной дрожью, и ладони то отпускают, то сжимают горячую талию...

– Помню: очень хотел убежать. Но, слава Богу, от страха колени подгибались, бежать просто не мог, а только пятился. Страху натерпелся! Никогда по тайге не бегай!

РАВНОВЕСИЕ

Шумела уссурийская тайга, беспокоилась. Впереди суровая зима и ледяные арктические ветры всё смелее и смелее летали между сопок, выдувая земное тепло из самых потаённых распадков. Ещё неделя-другая, и под слой листвы проникнет тяжёлый холод.

Ветер всегда расширяет сознание. Нет ветра – мысли в основном о том, что вокруг. Дует ветер, и поневоле думаешь и о Сибири, через которую ветер проносится, и об Арктике, откуда ветер родом. Ну, а если ветер с юга, то вспоминаешь и про Вьетнам, и про Индонезию, и про Австралию.

Я иду по охотничьей тропе и думаю о ветре.

Ветер раскрыть хочет быстрее
все лепестки розы бордовой,
жаждет набрать прелести счастья
и донести запахи цвета
к дальним созвездьям,
к тем новым звёздам,
чтобы светили в полную силу,
чтобы узнали, что значит роза...

Смотрю на огромные качающиеся деревья, которые, кажется, не задерживают ветер, а наоборот – подталкивают его. Смотрю на крутые сопочные склоны и соображаю, с какой великой силой ветер давит на них как на лопасти огромной крыльчатки, и что будто именно он вращает Землю. Неспроста самые высокие горы – возле экватора. Подует хорошенько, раскрутит планету, и Земля долго вращается в космическом вакууме, пока следующий ветер не поддержит вращение.

А что тут удивительного? Я сам видел на вершинах гор покорёженные ветром треугольные знаки. Это с какой силой воздушный поток давит на стальную треногу, что она не просто сгибается, а ещё и скручивается?! И принимает такой вид, словно здоровый мужик взял хорошую кувалду и, остервенясь, отвёл душеньку.

Значит, порывы ветра сравнимы с кувалдой. А если под кувалдой не металлический уголок, а многокилометровый склон горы? А если сама кувалда по размерам такая же, как гора? Нет, на самом деле – неужели ветер вращает Землю?

Стоп! Это если ветер западный. А если ветер восточный? Тогда он замедляет вращение. Интересно, а какой ветер преобладает на нашей планете? Ну, а если ветер северный, или южный, что, тогда и полюса должны смещаться?

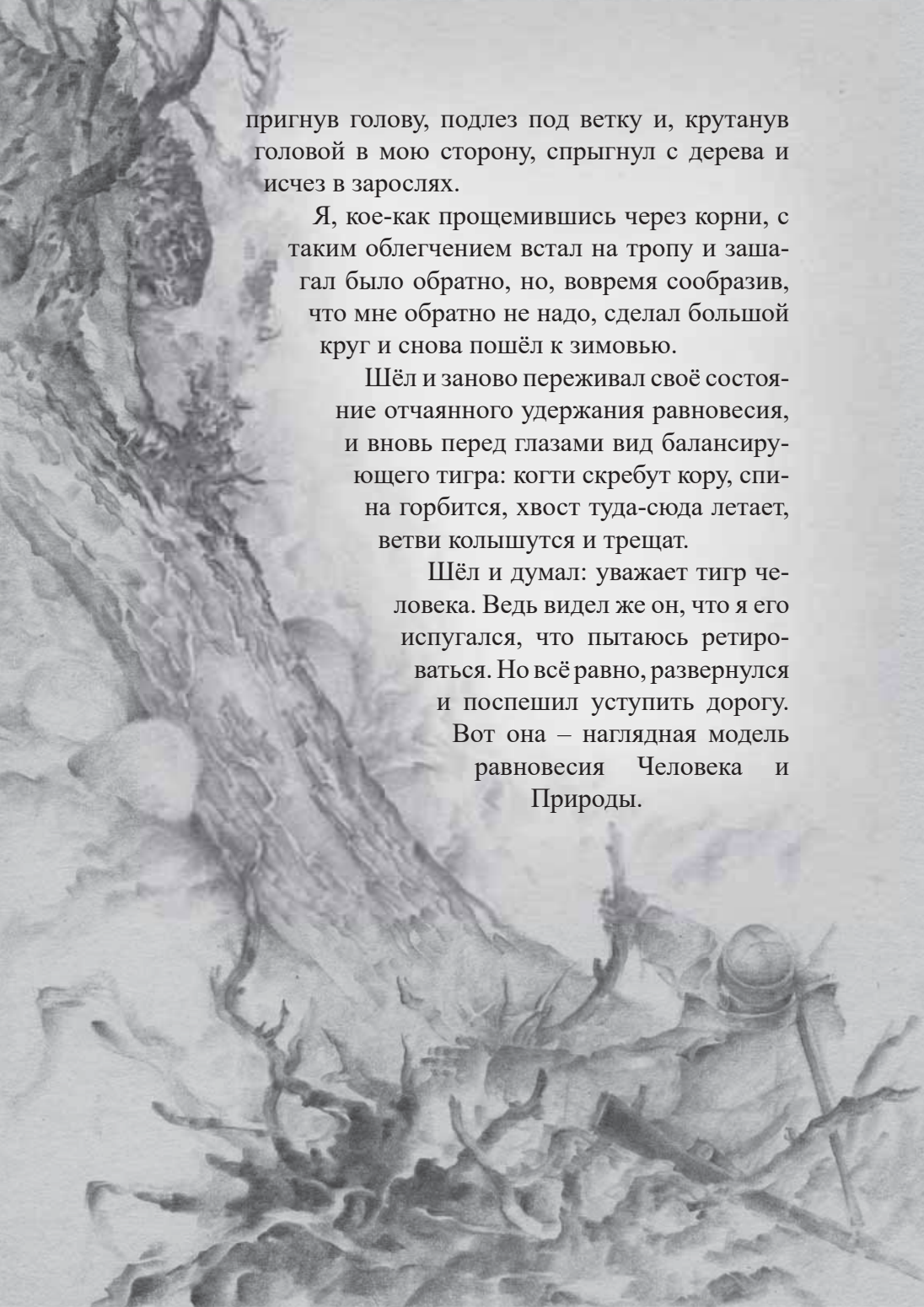
Тропа поворачивает к суетливому ручью, через который лежит большущий тополь. Тополь упал недавно и как раз рядом с тропой, которая вела на другой берег через ручей по выступающим камням. На одном берегу разлапистые цепкие корни, на другом берегу ветвистая вершина.

Чёрт! Опять топор не взял. Второй раз забываю. Надо срубить несколько корней да веток, чтобы удобно было на ствол заходить. Придётся опять пролезать между корней.

Выгнувшись назад и повиснув на руках, протискиваюсь боком и встаю одной ногой на ствол. Качнув ветки, на другой конец ствола прыгнул... тигр!

Увидев меня, заскользил, зацарапал когтями по коре, удерживая равновесие и пытаясь развернуться. Но ветви неудобно вывернулись тигру навстречу и не дают сдвинуться. И я, ухватившись за тонкий корень, балансируя на одной ноге, судорожно пытаюсь прощепиться обратно, но рюкзак застрял в развилке, двустволка, висевшая на груди, развернулась поперёк...

Не знаю, сколько секунд тянулись мои и тигриные дёрганья, – показалось, что долго. Первым справился тигр. Он,

пригнув голову, подлез под ветку и, крутанув головой в мою сторону, спрыгнул с дерева и исчез в зарослях.

Я, кое-как прощемившись через корни, с таким облегчением встал на тропу и зашагал было обратно, но, вовремя сообразив, что мне обратно не надо, сделал большой круг и снова пошёл к зимовью.

Шёл и заново переживал своё состояние отчаянного удержания равновесия, и вновь перед глазами вид балансирующего тигра: когти скребут кору, спина горбится, хвост туда-сюда летает, ветви колышутся и трещат.

Шёл и думал: уважает тигр человека. Ведь видел же он, что я его испугался, что пытаюсь ретироваться. Но всё равно, развернулся и поспешил уступить дорогу. Вот она – наглядная модель равновесия Человека и Природы.

ДРЕВОЛАЗ

– Если кто-то тебе скажет, что взрослый тигр не может лазать по деревьям, – не верь. Ещё как может! Просто его обычная добыча не лазает по деревьям, и тигру ни к чему это, без надобности. Иногда только за гималайским медведем может полезть. То ли не терпит его как конкурента, то ли из-за того, что медведь псиной пахнет, то ли из-за того, что мясо и жир похожи на кабаньи. Давит тигр молодых медведей, а взрослых зимой из берлоги достаёт: разгрызает дерево и достаёт. Ну, ещё бывает, и за человеком может на дерево полезть. Как это было со мной.

Очень хотел увидеть в тайге тигра, вот и увидел. Встретились на тропе. Вышел прямо мне навстречу. Я стою, воздуж горлом хватаю – очень уж неожиданно...

– Какой страшной красоты зверюга! А глазищи-то! У зоопарковских тигров таких глаз нет! Глянул, словно насквозь ледяные лучи пронзили моё прозрачное тело, и плоть задрожала податливым студнем, – сразу же начинаю бормотать вслух все свои впечатления и ощущения.

А он ... спокойно улёгся поперёк тропы, всем своим видом показывая, что дальше меня не пропустит.

– О-о-о, какой гнусный страх трясёт колени! Крупная дрожь дёргает ноги, переставляя их маленькими шажками, ничтожными шажочками – прочь, прочь, прочь. О-о-о, как хочется убежать-улететь-уползти, исчезнуть-раствориться-испариться, провалиться сквозь землю!

Спина наткнулась на ствол дерева... Раз! Неожиданно сильные руки взметнули тело вверх. Два! Дрожащие ноги опёрлись на сучья. Три! Ещё выше.

– Ба-у! – Короткий рык, и тигр уже под деревом!

– Оу-х! – И... лезет за мной!!!

Стальные когти легко вонзаются в кору маньчжурского ореха и рывками подтягивают оскаленную пасть ближе и ближе к моим – плоть от плоти – кроссовкам.

– А-а-а! – Ужас взметнул меня к самым верхним сучьям. А дальше куда?!

Синее небо, такое твёрдое и надёжное, прямо над головой. Только просунь руку сквозь листья, и хватайся за толстые канаты солнечных лучей, и лезь по ним сколь угодно всё выше и выше прочь от полосатого ужаса.

Ужас, с горящими глазами, тянется за мной, потрескивает от когтей кора, потрескивают уже тонкие сучья, раскачивается всё сильнее и сильнее вершина...

– А-а-а!

– Трах-тарарах-бух-бух-хлобысь-хак! – Наконец-то не выдержала двухсоткилограммовую тушу многоветочная крона, что-то обломилось, и тигр... упал!!!

Ловко упал, на все четыре, точь-в-точь, как домашний кот. Коротко рыкнул-охнул-взвыл и, прихрамывая, пошёл прочь...

А я, в общем-то, не долго тряся на вершине. Почувствовал, что тигр ушёл далеко. Успокоился и потихоньку стал спускаться.

– Да-а! Чудеса! Оказывается! Однако! Какого-то метра тигру не хватило долезть до меня! Настоящий древолаз!

СОБАЧЬЯ РАБОТА

Утро. Огонёк в железной печурке вспыхнул, сжался, потом засиял, потянулся, расцвёл. Заскрежетала, закрываясь дверца. Мы вышли из избушки. Из жестяной трубы потянулась тоненькая струйка белёсого дымка, покачалась раздумчиво, покрутилась обеспокоенно и, набравшись уверенности, полезла вверх, густея, тучнея, темнея. Подталкивая себя горящими крылышками, уплотняясь и ускоряясь, взбитая и пышная, повалила прочь от земли на свободу, на простор...

– Чувствую себя... дымом: ни тепла, ни света, – пожаловался научный сотрудник, глядя на сияющее в солнечных лучах облако дыма над крышей отдалённого кордона Лазовского заповедника. Дикая природа, тигры, те же собаки – огонь, а мы, люди, – дым от этого огня.

– Непонятно? Сейчас объясню.

Наскоро умывшись в ручье с первым ледком, мы зашли в лесной домик. Собеседник налил в чайник воды из ведра, накрошил туда чаги, прикурил от выпавшего уголька.

– Вот чем мы сейчас занимаемся? Правильно: проводим учёт тигра. То есть прочёсываем территорию заповедника в поисках следов тигра. Находим следы, измеряем и приблизительно только можем сказать, самка это или молодой самец. И что даёт науке такая информация? В общем-то, ничего, кроме опять же приблизительного количества тигров на данном участке... И где гарантия, что такие же следы оставлены не другими животными, приходящими в гости? Нет никакой гарантии. Поэтому и носимся по тайге, как шавки, собираем тигриные экскременты в пробирочки и несём их на экспертизу нашим глубокоуважаемым экспертам – собакам, живущим в тепле, в сытости. И только собачий нос точно определяет, от разных это животных «кучки»

или нет. Очень нам собаки помогают. Выдрессированные, они точно показывают, где одинаковый запах.

– Но! Далеко нам до животных. Ой как далеко! Недаром в притчах пишут, что люди изобрели речь, потому что перестали друг друга понимать. Звери не перестали друг друга понимать, а люди перестали!

– Кстати... Есть ещё примеры из жизни людской. Тот же Великий Князь Меньшиков до семи лет не говорил ни слова, с борзыми жил в конуре, а каким человеком стал! А недавний пример: племянник до пяти лет не говорил совсем. Повезли его к известной врачихе. Та вся в золоте, ухоженная и избалованная красавица, долго его вертела, шупала, заглядывала в рот, потом, смущаясь, доверительно сообщила родителям: «Извините, но мне думается, что мальчик у вас – дурак». – «Сама ты дур-ра!» – неожиданно чётко выпалил малыш и выбежал из кабинета. Долго потом успокаивали плачущую врачиху родители и извинялись. Но та ни за что не хотела поверить, что это были первые слова мальчика. Потом дома родители допытывались у сына, почему он так долго молчал. «А о чём с вами говорить? Я и так всё понимаю», – был ответ.

– Вот как тигрица объясняет своим тигрятам, когда обучает охотиться, что им надо затаиться на этом месте и ждать, пока она сделает большой круг, обойдёт кабанов и погонит их прямо на тигрят?!

– И тигрята терпеливо лежат на снегу не один час и ждут, как приказала мамаша. А как приказала? Как объяснила? Не издавая ни звука?

– Неплохо бы спросить у тех же собак – они не только друг друга понимают, но и тигра понимают, и нас, людей, понимают.

– Мы – люди – их не понимаем, а они нас понимают! Вот и кто из нас дым, а кто огонь?

– А? То-то! И будем мы собачьей работой заниматься ещё много лет, пока не создадут электронный собачий нос, электронную тигриную интуицию. Да и то: навряд ли!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

(Р. А. Черепанову, леснику)

– Ну, и куда же ты собрался? Ведь у тебя сегодня день рождения! Хоть в этот день бы отдохнул!

– О, блин! 27 декабря, оказывается, это сегодня. Чёрт, совсем закрутился. Ну, ладно, я недолго, к обеду, думаю, вернусь...

«Это ж надо, – всю дорогу думал, – так заработать, что про свой собственный день рождения забыть?! Ничего не поделаешь: если пообещал, надо сделать, – бормотал сам себе оправдания. – Да и не много дел: отклеить под рубку какую-то сотню деревьев, должен до обеда управиться. Должен управиться...»

Как же всё-таки в лесу хорошо! Столько лет в тайге работаю, а всё душа ликует от всякой малости: то небо вдруг загустеет индиговой синью и коснётся ласково красных веточек берёзовых верхушек – так и тянет влезть на какую-никакую скалу, окунуть ладони да и плеснуть себе в лицо небесной благодатью. А то вот снег: вчера выпал, а изрисован уже зверьём, исписан – всяк по-своему оставил хоть и недолгую, но летопись своей жизни, своего вольного времени...

Стоп! В спину уперся ружейный ствол. О, Господи! Вот это подарочек! И кому это я дорогу перешёл, что вот так подсторожили в лесу и ствол в спину?

Лихорадочные мысли носились по всем закоулкам, мучительно перетряхивали всю короткую-длинную память, отыскивая ответ на единственный вопрос: «Кому я стал врагом?» Да никому!!! Ни с кем никогда не ругался, не спорил, даже в самых хмельных пирушках. Нет у меня врагов!

Нету! Хоть перед смертью глянуть на убивца... Резко оборачиваюсь... Никого! А в двадцати метрах изготовившийся к прыжку здоровенный тигр! Мать честная!

Словно ударившись о мой взгляд, тигр стал оседать назад, распрямляя передние лапы, расправляя грудь, растерянно мигая и отворачивая вбок свою огромную голову. Но стоило мне шевельнуться, сразу же сжался, ощерился, словно вдавил в меня свои тяжёлые золотые кругляши злых глаз...

Белее снега... Белее белого... Всю жизнь думал, так говорят, как о чём-то уже запредельном, нереальном, фантастическом. Оказывается, есть цвет белее снега – грудь тигра. Вот он, цвет белее снега – это сейчас видно: вокруг белым-бело, аж глаза слепит, но ясно видно, что шерсть на тигриной груди ещё белее. Она не имеет оттенков голубого, жёлтого, розового, как снег в солнечных лучах, а просто светит чистой дикой белизной...

Господи! Хоть бы кто-нибудь проехал по дороге! Дорога хорошо видна со склона сопки, где я безуспешно пытаюсь отклеиться от золотых магнитов тигриных глаз. Хоть кричу, хоть не кричу – бесполезно! Тигр готов к прыжку, угрожающе ревёт, стоит только мне пошевелиться.

Неужели?! Издалека донёсся звук работающего мотора. Кто-то сюда едет! Неужели Господь услышал мои молитвы?! Между деревьями замелькал грузовик, хорошо видно, что он едет в клубах пара. Вот он остановился напротив, из кабины выскочил шофёр, поднял капот, облако пара поднялось вверх. Закипела вода в радиаторе? Человек открыл утеплитель двигателя, в клубах пара долил в радиатор воды...

– Э-э-эй!!! Помоги! Эй! Сюда! – Мой голос тонет в тигрином рёве, но человек возле работающего двигателя ничего не слышит! Закрыл капот, сел за руль, хлопнул дверцей и... уехал!

В глазах потемнело от великой обиды, горло перехватывают судорожные спазмы, кулаки изо всех сил сжимают... ружейный ремень!

– Чёрт меня побери! Я же с оружием! Вот это да-а-а! Про всё на свете забыл! Это ж надо! Полдня простоять перед тигром и не вспомнить, что на плече висит казённая двустволка, положенная по технике безопасности каждому леснику!

– Ну, держись! – Нахлынувшая ненависть наполнила упругим хладнокровием: патроны с дробью вынуть, вставить пулю и картечь. Руки послушно делают всё, что диктуют гневные мысли. Так, сначала всадить пулю чуть выше левого глаза, чтобы по мозгам попало, целиться чуть правее, прямо в центр молодой кедрушки, за которой скрывается розовый кончик тигриного носа, потому что левый ствол бьёт немного левее...

Бух!.. Тигр толкнулся всеми четырьмя лапами вверх, согнулся, выгнулся и встал очумелый. Про-ма-зал?! С двадцати метров промазал?! Не может быть! На кедрушке белеет пулевая отметина. Руки невольно опускаются...

Бух!.. Неожиданно жახнул от бедра правый ствол. Тигр, как пьяный, покачиваясь и загребая лапами, полез в густой кустарник...

– Жёнушка, прости: умотался вусмерть. Сходи к соседям, извинись, скажи, что вечеринка переносится на завтра.

Кое-как разулся, сел за стол, налил полный стакан водки... Не понял.

Словно воды выпил. Налил второй стакан... То же самое! Тьфу! Руки-ноги до сих пор дрожат. Разделся, укрылся с головой, согнулся калачиком... Перед глазами в сотый раз подпрыгивающий вверх тигр...

– Рома, ты не заболел?

– А? Что?

– Как себя чувствуешь, спрашиваю.

– Нормально. А что?

– Ты всю ночь ругался во сне и дрожал.

– Да нет, ничего. На пару часов отлучусь из дома: кое-что надо доделать, а то вчера не успел...

По своим следам идти легко: мороз высушил каждую лунку от следов, нужно только точно наступать во вчерашние отпечатки. Наступил мимо – нога проваливается, пробивает жёсткую снежную корку. Интересно, какая сила сцепляет так крепко именно потревоженные сдавленные кристаллы?

Вот это место, вот эта кедрушка. Свинец зацепил мёрзлую, твёрдую как кость древесину, расплющился и отскочил вбок, вырвав шмат коры. На снегу ни шерстинки, ни капельки крови.

А второй выстрел? Тщательно всё оглядываю, но никаких признаков, что картечина задела зверя, нет. Только несколько отстрелянных веток на высоте, гораздо выше спины тигра. Дёрнула же нелёгкая не вовремя спусковой крючок!

Иду по тигриным следам. Видно, что зверь сначала шёл неуверенно, оглушённый, а затем следы стали всё ровнее и ровнее. Вот он остановливался, оглядывался, потом опять немного прошёл, лёг. Полежал, потом стал валяться в снегу, хорошо отпечатались борозды от хвоста, подушечки лап, широкие углубления, когда тигр тёрся головой о снег, обтирая пороховой запах, выдавливая звон из ушей...

Вернувшись домой, заново и заново, словно проглядывал на экране вчерашние события. Да, уберегла меня судьбушка. Не хочется даже думать, что могло бы произойти, если бы ранил тигра. Не вчера, так сегодня, когда шёл по его следам. Видно, нужен я ещё этой жизни, видно, нужен. С днём рождения!

РУССКИЙ СПОР

(по рассказу А. Тарабриной)

- Спору нет – иномарки лучше отечественных автомобилей. Во всех отношениях. Кроме... безопасности.
- Нет-нет, не возражайте. Я точно вам говорю.
- Ну выслушайте сначала...
- Нет, ну что с вами поделаешь?
- И что за люди? И слушать даже не хотят!
- И что, никакие аргументы не принимаются?
- А если это аргумент из тайги?
- Всё равно?!
- А если это аргумент от... тигра?
- А! То-то же! Ну, слушайте, что произошло с моими знакомыми.

Когда они купили отечественную «Ладу», никто их не понял. «Чудаки, – говорили, – за эти же деньги можно «Тойоту» хорошую купить и ездить лет пять без забот и хлопот в комфорте и безопасности». «Да через пару лет на этой русской машине ничего родного уже не останется – вся через ремонт пройдёт».

Но прошла пара лет, а «Лада» всё ездил и ездил, только этим вызывая удивление и уважение. Ведь никто не замечал, чтоб её владелец уделял своей «кормилице» повышенное ремонтное внимание. Но всё равно снисходительно улыбались, глядя на её простецкий внешний вид и дерматиновую внутреннюю отделку.

И поехали как-то раз эти знакомые в августе на речку всей семьёй купаться. Тут же, неподалёку от села. Ну вот, купаются, веселятся, а тут вдруг тигр! Сначала высунул го-

лову из зарослей на противоположном берегу, а потом решительно зашёл в воду и... поплыл через глубину прямо к автомобилю. Знакомые отреагировали мгновенно и сразу же оказались в машине... без своих детей! А тигр всё ближе! Но проявленная родительская отвага детей спасла и впихнула в автомобиль, захлопнув дверцу перед самым тигриным носом.

Тигру, конечно, это очень не понравилось, он стал реветь и ходить кругами вокруг «Лады». Потом заинтересовался колёсами, почуяв враждебные собачьи запахи, которыми, по обыкновению, отмечали все колёса кобели, прибежавшие к хозяйской сучке.

Неожиданно тигр решил помочь разогнать всю надоевшую хозяевам свору и последовательно обмочил все четыре колеса, тем самым застолбив свою территорию до центра села, где обычно стояла «Лада». Затем он запрыгнул на капот и... шагнул на крышу...

Потом уже мужики специально делали следственный эксперимент: сравнивали, как выдерживает тяжесть крыша отечественного и зарубежного легкового автомобиля. Даже крупно спорили, жертвовали ради истины своими «кровинушками». А масла в огонь подлило известие из Хабаровского края, что тигр вспрыгнул на крышу «Мазды 2», продавил её так, что причинил серьёзные травмы: одному пассажиру сломал ключицу, другому вывихнул шею.

Так вот: крыши отечественных «Лад», «Москвичей», «Волг», гораздо крепче крыш «Тойот», «Мазд», «Опелей», «Мерседесов».

ФОТООХОТА

(Д. Н. Мезенцеву)

– Молодой я был, ничего не боялся. Теперь-то ни за что не стал бы так рисковать...

Необычайно интересно ходить по следу тигра! Опасность только обостряет чувства, и всё, абсолютно всё, воспринимается свежо и остро. Ну и цель, великая цель: сфотографировать дикого тигра в его доме – девственной тайге. Мало кому это удавалось. За всю историю существования фотоаппаратов известны всего несколько случаев, когда человек с подхода смог сделать хороший фотоснимок тигра. А всё остальное – или с фотоловушки (автоматической камеры со специальным датчиком, устанавливаемой на тропе тигра), или с высокого помоста, автомобиля, надёжного укрытия. Подойти в тайге к тигру с фотокамерой в руках и сделать хороший кадр – верх всего фотоохотничьего искусства...

Февральская лазурь. Небо такой синей густоты, что кажется: ещё чуть выше взобраться по склону сопки, и оно станет фиолетовым.

Боже мой! Какая синь у неба!
Невозможно мне её постичь!
Глубину измерить эту мне бы,
Чистоты небесной бы достичь!

Взобравшись на заросший молодым кедрочком становичок, обнаруживаю на свежем снегу свежие следы тигрицы. Эти следы мне попадались не раз, не раз я пытался увидеть

Филипп Сиб

и сфотографировать саму красавицу, но не получалось. Тигрица, почувствовав преследование, ловко заходила за спину и, обладая очень тонким слухом, обонянием и острым зрением, буквально ходила за мной по пятам, ухитряясь не попадаться на глаза, несмотря на все мои старания.

Вот и сейчас, без особой надежды приготовив фотоаппарат и фальшвеер, потихоньку двинулся по следу. След, пройдя по кедровой гривке, резко свернул вниз на северный склон. Меня почуяла? Нет, не похоже. Что-то тигрицу заинтересовало внизу. Может, кого услышала?

Стараясь идти как можно бесшумнее, иду параллельно следу, выбирая в чаще места посвободнее, чтобы обходить кусты и деревья. Впереди на склоне показалась скала. След тигрицы ведёт на вершину скалы, потом обратно и вниз за скалу.

Осторожно поднимаюсь на скалу, вижу, что тигрица стояла тут довольно долго, к чему-то приглядываясь, принюхиваясь и прислушиваясь. Тоже внимательно всё оглядываю, но ничего подозрительного: так же мерно вздыхает северный ветер, словно ему уже надоело дуть всю зиму или просто он устал. Так же скребут и царапают воздушные потоки шершавые дубовые листья. Так же выметают с Небесной Голубой Площади облака и тучи упругие красные ветви берёз. Так же попискивают озабоченно в поисках пищи синицы и поползни.

Осторожно спускаюсь со скалы и обхожу её снизу. В глаза бросается несколько свежих дорожек следов, уходящих и приходящих к скале. Тигрица бывала здесь за ночь и утро не раз! Держа наготове фотоаппарат и пиротехнический сигнальный факел, очень осторожно заглядываю под скалу... и вижу... в небольшой нише... на сухой подстилке... четыре маленьких тигрёнка!!!

Вот это УДАЧА!!! Вот это СЧАСТЬЕ!!! Торопливо их фотографирую, ежесекундно оглядываясь: не дай Бог, ма-

маша вернётся. Но Бог дал: снизу мелькнул меж стволами рыжий силуэт тигрицы... Вот она меня увидела и, заревев, понеслась к логову!..

Потом, напечатав фотографии, я долго не мог рассмотреть их как следует: каждый раз скручивал ноги страх и ледяными мурашками полз по спине вверх...

Вот так получились уникальные снимки: четыре новорожденных тигрёнка в логове да их разъярённая мамаша в прыжке... Пять метров ей до меня оставалось – один только прыжок, но огненный клинок факела остановил.

ПОДЛЯТИНА

– Случилась у меня однажды подлятина. Сам не свой потому что был. Как говорится, бес, то бишь тигр, попутал. До сих пор стыдно вспоминать, но что было – то было.

Давно подозревал, что братья Лопаревы частенько браконьерят. Но захватить их на месте браконьерства не удавалось: действовали они быстро, были осторожными и предусмотрительными. А когда выпадал снег, искусно запутывали следы так, что найти место разделки туши зверя было не просто, а мясо они часто вывозили без оружия на следующий день после охоты, предварительно убедившись, что их никто не остановит.

Но как-то раз, как говорится, «звёзды сошлись»: услышал выстрел, потом второй, третий. Решил идти прямо на них и, на этот раз, не ошибся. Застал братцев за разделкой кабана. Как и ожидалось, лицензии у них не оказалось.

Составил на всех троих протоколы и, довольный, стал спускаться с сопки. А тут... тигр! Зарычал угрожающе и двинулся прямо ко мне! Ничего не поделаешь: пришлось лезть на дуб. А тигр... за мной!

Что делать? Стал зажигать спички и кидать тигру прямо в морду. Подействовало, но ненадолго: тигр клыки щерит, глаза щурит, но всё равно к сапогам подбирается... Пришлось достать заполненные протоколы... Смятые горящие протоколы тигра не остановили: он отворачивался, закрывал глаза, но снова взрыкивал и рывками подтягивался всё ближе...

Пришлось что есть мочи звать на помощь. Братья Лопаревы услышали, зашумели, засвистели – тигр нехотя сполз с дуба и ушёл.

А я... слез и... дрожащей рукой снова составил на своих спасителей протоколы... Затмение какое-то нашло. Бес, то бишь тигр, попутал. Подлятина такая вышла – до сих пор стыдно вспомнить.

ИНТУИЦИЯ

– Главное в судьбе человека – не ум, не талант, не образование, не деньги, не здоровье, не связи. Главное в судьбе человека... интуиция. Именно от интуиции вся его жизнь и зависит. Очень важно оказаться в нужном месте в нужное время, сделать или просто сказать именно то, что приведёт к желаемому результату. Или даже жизнь сохранит. Как у меня.

Какая часть школьников-медалистов добивается в жизни успеха? Совсем малая. Значит, что? Ум и знания – это не главное. И в то же время известны примеры, когда слабые ученики живут в будущем очень неплохо. Также не все трудяги добиваются успеха и не все лентяи живут бедно. Не все дети богатых довольны своей судьбой, и не все дети бедняков остаются такими же бедными, как их родители.

Всё дело в этой самой интуиции, которая, наверное, родная сестра главному человеческому инстинкту – инстинкту самосохранения. Есть инстинкт – человек живёт долго. Нет – быстро погибает. Вот и с интуицией так же. Интуиция хорошая – человеку везде хорошо. Бывают, конечно, безвыходные ситуации, когда интуиция кричит, но человек её не слушает, но тут, как говорится, – дело хозяйское.

И самое ценное: интуиция поддаётся тренировке, как память, как физическое здоровье. Можно, оказывается, при желании развить свою интуицию. Есть, есть специальные упражнения. Это так же, как способность что-то отгадывать. Можно научиться неплохо что-то отгадывать. Только, только заниматься надо долго и упорно, как... музыкой. Впрочем, некоторым музыка даётся легко, а некоторым, как говорится, медведь на ухо наступил.

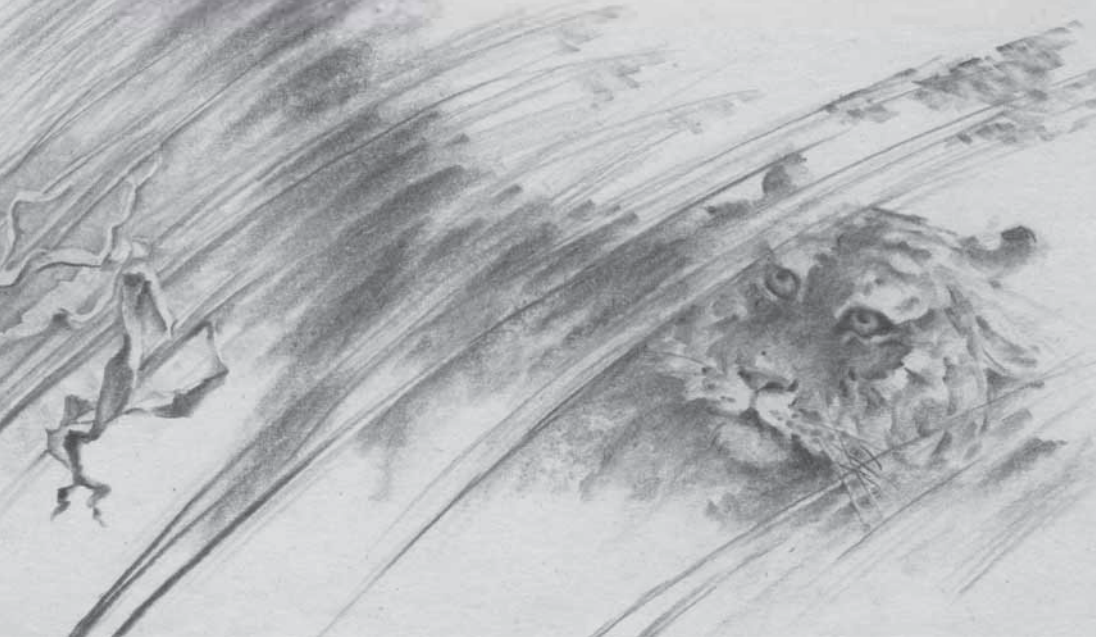

Ну, вот мне, например, как оказалось, медведь на ухо не наступил – интуиция сработала.

Всегда на корнёвке вырезал себе лёгкую палку-панцуйку толщиной примерно как большой палец руки. А тут что-то нарушил традицию и вырезал из куста лещины палку в два раза толще. Мысль возникла такая: а вдруг на толстую палку и женьшень большой найдётся? Интуиция? Она самая.

Вот ходил с этой тяжёлой палкой целый день, страдал от неудобства, но не бросил, другую лёгкую не вырезал, терпел почему-то. Интуиция? Конечно.

И в нужный момент, когда никаких признаков опасности не было, почему-то взял эту палку двумя руками за тонкий конец, а серединой её положил

на плечо. Может, руки устали, может, показалось, что так легче и удобней нести, может, шорох какой неясный донёсся. Словом, почему-то так захотелось. Или всё-таки интуиция сигнал подала: приготовься, мол?

И тут вдруг сбоку взметнулась из-за валёжины полосатая смерть, да, видно, кусты помешали – метр не допрыгнула. Да и лапа, видать, между камней провалилась, припал тигр передо мной на передние лапы, и тут я его изо всех сил между ушей тяжёлой палкой и ошарашил.

Гыкнул тигр и... лёг! Лежит тигр, глазами моргает, клычищи скалит, дышит тяжело.

И тут мне интуиция подсказывает: «Беги! Попу в жменьку – и скачками, и зигзагами через огороды», – как рассказывал дед, участник Сталинградской битвы, которому при переходе в разведке через линию фронта приходилось убежать и от миномётного обстрела, и от снайперских пуль.

И я побежал. Сначала вниз по склону, через кусты, потом выскочил на чистое место, повернул резко влево, перескочил через бугор и услышал сзади рёв тигра. Хорошо, ветерок был в мою сторону – потерял меня тигр. Всё дальше и дальше доносился его яростный рёв. А я, стоя возле густой ёлки, на которую уже был готов влезть, прислушивался к своей интуиции, которая успокаивала и хвалила меня.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

(Петру Пинко)

– Зарезал я его... Заколел, как кабана... Нож, хорошо, – с длинным лезвием, из японского штыка сделан. Всадил под левую лапу и крутанул изо всех сил. А сил-то совсем и не было...

Солнечный луч сбоку просвечивал радужку глаза, фокусируясь в самом уголке у переносицы ослепительно яркой искринкой. Искринка, как живая звёздочка, светилась не этим боковым, слитым в одну точку светом, а тем внутренним, великой человеческой воли, крепчайшего духа и жизненной силы, СВЕТОМ. Глаза затуманенным взором выискивали где-то вдали ту, уже дальнюю память. Будто еле различая её, недоверчиво оглядывая со всех сторон, ощупывая, вспоминая и с трудом узнавая: а ну-ка, ну-ка... Точно, было, моё, да, моё, без всякого сомнения.

– Отправились мы на охоту, как обычно, втроём. Нашли свежие кабаньи следы, пошли по ним все трое – надо же сначала выяснить, куда пошли кабаны или где они находятся, чтобы потом решить, как их можно добыть.

Следы вели по склону вверх, и товарищи поотстали немного. Я, хоть и крался осторожно и приглядывался ко всему внимательно, но заметил тигра только тогда, когда подошёл к нему слишком близко. Тигр, лежащий перед раздавленным кабаном, как только понял, что я его заметил, заревел и, стремительно поднимая облако снежной пыли, кинулся на меня...

Остальное проходило как в замедленной съёмке. Я пытаюсь поймать на мушку голову тигра, но не успеваю при-

целиться – голова прыгает в снежной пыли, стремительно приближаясь и вырастая в размерах. Наконец, выбираю момент и нажимаю на спусковой крючок... Но выстрела нет – забыл снять с предохранителя. Опускаю карабин, чтобы сдвинуть рычаг предохранителя (как это, оказывается, неудобно на «Вебре»! То ли дело на «СКСе»!), но не успеваю: тигр уже в двух шагах, он встаёт на задние лапы, поднимает растопыренные крючья стальных когтей и обрушивается на меня сверху. Удар пришёлся на карабин и правую руку. Карабин упал в снег, рука обвисла. Тигр снова встаёт на дыбы, я выставляю левый локоть, в который вонзаются белые вершковые клыки. Клыки легко входят в рукав, но я чувствую только сильное сдавливание и понимаю, что они сомкнулись мимо руки, а рука попала в глубь пасти, на коренные зубы. Тигр тоже понимает, что ни клыки, ни когти, вонзившиеся в куртку, мне вреда не нанесли. Он разжимает клыки и, рыкнув, насакивает снова. Я выставляю левый локоть и уже намеренно толкаю его поглубже в пасть. Тигр силится повалить меня, но я ускользаю вбок, он разжимает клыки и снова атакует...

...Крепчайший армейский зимний бушлат. Оказывается, не только спасает от пуль, гася смертельную скорость на десяток процентов, но и клыки и когти самого тигра вязнут в нём!

Сколько продолжалась эта толчая – неизвестно. Друзья, сидевшие на деревьях, боялись стрелять, чтобы не попасть в меня. А тигр всё упорно насакивал, бил и толкал меня лапами, пытаясь повалить, но безуспешно – я ускользал и всё стоял и стоял.

Наконец, тигр устал. Запалено поводя боками и хакая пастью, он отступил, стал жадно хватать снег и, продолжая свирепо рокотать горлом, пошёл в сторону.

Я тоже с трудом стоял на ногах. Уже хотел сесть прямо на месте в снег и отдохнуть.

Но тут раздались выстрелы: друзьям показалось, что тигр не торопится уйти, они хотели его побыстрее прогнать. Но тигр, взревев, снова бросился на меня!

Я вдруг понял, что больше уже не выстою, что сил совсем нет, что ещё пара тигриных наскоков, и я упаду... Я успел вынуть нож и, когда тигр вскинулся передо мной, снова сунул ему в пасть поглубже левый локоть, а правой онемелой рукой что есть силы ударил...

Зарезал я его... Заколел, как кабана... Нож, хорошо, — с длинным лезвием, из японского штыка сделан. Всадил под левую лапу и крутанул изо всех сил. А сил-то совсем и не было...

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

– Да-авно это было. Ещё в советское время, когда приморские госпромхозы и лесхозы вели заготовку дикорастущего женьшеня на экспорт, и каждому штатному охотнику или леснику давался план-задание. Принимали в то время корни весом более десяти граммов, а до 1976 года, если помнишь, копали корни весом от трех граммов по цене копеек по восемьдесят за грамм, и промысловики обычно хорошо зарабатывали. И все старались выполнить план, потому что в случае невыполнения на следующий год квоту урезали, а увеличивали тем, кто план перевыполнял. Но несколько лет подряд перевыполнять план было невозможно, и вскоре передовики становились отстающими, а отстающие выбивались в передовики. Затем всё опять менялось. Такая мудрая была советская система, которая постоянно меняла лидеров и постоянно стимулировала отстающих, не увеличивая общий объём заготовки и очень рационально используя таёжные ресурсы.

Повезло мне в тот день несказанно, причём дважды подряд. Сначала нашёл целую плантацию женьшеня. Выхожу на таёжную поляну и не верю своим глазам: вся поляна красная от женьшеневых ягод. Аж в глазах потемнело. Упал я на колени и долго-долго кому-то молился. Помню, что не Богу, помню, что не лесному духу, а вроде как ему – Царь-корню.

Потом успокоился, сходил к ручью за водой, разжёл костерок, повесил котелок, а сам всё глаз не могу отвести от красоты великой. Напился чаю, развёл дымокур от мошки, выбрал самый большой женьшень с шестью листьями и стал копать. Отгрёб от стебля лесную подстилку, срезал

его над землёй, положил в сторонке. Палочкой осторожно ковыряю дерновину, всё глубже и глубже. Вот показалась «почка», потом «голова», потом «шея», потом «тело». Как увидел, что «тело» диаметром с крупную морковь, так опять в глазах потемнело, руки затряслись: вот оно, Таёжное Сокровище, вот оно, Великое Промысловое Счастье. Но увы. «Тело» оказалось наполовину сгнившим. Пропал Великий Корень в прошлый дождливый год, не дожил в целости до этого дня, когда я его нашёл. Сколько он весил бы на самом деле – трудно сказать, но, судя по всему, не менее двухсот граммов. Выкопал несколько корней поменьше (и это удача редкая!) и засобирался в обратный путь: в отдалении загромыхал гром, надо было уходить на ночь в зимовьё. Ночевать без палатки у костра совсем не хотелось – в тот год было очень много мошки даже в августе. Да и место своё надо было определить, а то не очень было понятно, где нахожусь: как бы не заблудиться.

Стал спускаться по ручью и увидел торную зверовую тропу, чуть дальше – ещё. Несколько набитых зверовых троп со свежими следами пересекали ручей. Что это значит? Неужели солонец где-то поблизости? Прошёл немного по одной тропе – она стала исчезать, вернулся и пошёл по ней в другую сторону. Тропа становилась шире, глубже врезалась в лесную подстилку, к ней примыкали другие тропы. И вот ещё одна поляна-мечта, выбитая копытами пятнистых оленей, кабанов, изюбрей, косуль. Посреди неё довольно широкая и глубокая яма – солонец.

Походил вокруг, поразглядывал следы – каких только нет! – вся живность в округе ходит на этот солонец. Внимательно оглядел близстоящие деревья: нет, никто из охотников сидьбу не сделал. Неужели никто таким богатым солонцом не пользовался? Скорее всего – нет. Раз женьшень никто не нашёл, значит, и солонец ничей.

Интересно, а почему так популярны у зверей солонцы? Ведь живут же и без солонцов в других местах. Или всё равно едят простую глину или ил, грызут мягкие камни, пьют какую-нибудь болотную воду? Ведь даже многие людские племена употребляют в пищу как добавку и речной ил, и глину.

Кстати, в науке есть термины: литофагия – с греческого – камнеедение и геофагия – землеедение. Эти термины появились после того, как в 1920-1922 годах во время великого голода в Поволжье и Прикамье люди стали есть землю, а какая-то особая вкусная глина продавалась по цене до сорока тысяч рублей за пуд. Но и в обычное время землеедение довольно широко распространено. Так, индейцы племени отомаков в Венесуэле во время разлива реки Ориноко в течение двух-трёх месяцев питаются в основном иловатой глиной, которую поджаривают на огне. На Гвинейском берегу африканцы постоянно употребляют в пищу жёлтую глину. На Антильских островах едят красноватый вулканический туф. Подобное землеедение обычно в Персии, на острове Ява, в Новой Каледонии, в Индии, Боливии. В городе Ахмедобаде обычной была в продаже съедобная земля. Её употребляли в основном женщины до двух стаканов в день. Землю нагревали с рисовой шелухой в железных сосудах, пока она не почернеет. Якуты, особенно на реке Кемпендйай, тоже употребляли светло-жёлтую мягкую массу, которую называли «тас-хаяк» – каменное масло. В окрестностях города Охотска тунгусы эту массу разводили в оленьем молоке и употребляли как «земляную сметану». Папуасы на берегах залива Гумбольдта также питались землёй...

Этот солонец глинистый. А какая на вкус эта глина? Поставил карабин в куст, спустился в яму и стал её подробно осматривать. Слой глины почти два метра. Глина жёлто-коричневая. Ножом срезаю слой прямо в вылизанной до блеска нише – а вдруг в слюне изюбррей какие-нибудь

паразиты? – и кончиком лезвия выковыриваю себе кусочек из глубины. Положил в рот... Удивительно приятный вкус! Кисловато-содовый. Словно высушили нарзан, и получился коричневый порошок с таким же вкусом. Или высушенный чай с лимоном. Такуно бы глину и я с удовольствием ел!

На стене обрыва появилась чья-то тень... Поднимаю голову... Тигр! Огромный белый тигр сидит на краю ямы и с любопытством на меня смотрит!..

Ноги мои подкосились, и я сел прямо в грязную лужу на дне, привалившись спиной к стене ямы...

Состояние сразу стало плохим. Кровь вдруг застыла и заледенела, дышать тяжело, руки трясутся, тошнит...

А тигр с великим любопытством присматривается ко мне, внимательно так и подробно разглядывает и ноги, и дрожащие руки, пристально вцепливается в глаза, принимает: что, человеческое ничтожество, страшно?

Мысли лихорадочно скачут: то о карабине, который стоит совсем близко и до которого можно дотянуться, если встать и высунуться из ямы. Но это ж надо встать! Но это ж надо высунуться! В каких-то четырёх метрах от тигриных лап!

То о тигре. Почему он почти весь белый? Никто не поверит, что по тайге ходит белый тигр. Это в зоопарках альбиносы живут, а в природе они погибают и по причине слабого здоровья, и по причине голода: им невозможно успешно подкрадываться к своей жертве. Даже ночью белое хорошо видно.

Тигр сидит спокойно, так же снова и снова с любопытством разглядывая всего меня, словно изучая и запоминая обувь, штаны, куртку, лицо: как они выглядят, как и из чего сделаны. Успокаиваюсь и я: хотел бы напасть – давно бы прыгнул в яму и придавил бы, как зайчонка.

– Что делать – что делать? Что делать – что делать? – произвольно вырвалось скороговоркой.

Тигр раскрыл розовую пасть, наклонил набок полосатую башку, наострил уши, вслушиваясь в человеческое бормотание. И это его котёночное любопытство вдруг выплеснуло громко закричавшую и смелую человеческую злость: «Ах ты, каналья! Ах ты, мерзавец! Ах ты, негодяй! Из-за тебя в лужу сел!»

Тигр оторопело подался назад, и руки вдруг сами зачерпнули грязь и швырнули в недоумённую тигриную морду: «Пошёл вон!.. А-а-а!» – под яростный крик полетели в белую тигриную грудь грязные шлепки.

Тигр сконфуженно пригнулся и... шагнул в сторону, превратившись вдруг в совершенно рыжего зверя! Но рассматривать и удивляться было некогда, ноги подпрыгнули, рука дотянулась до карабина, схватила, потянула, другая рука перехватила за цевьё, сняла с предохранителя, тело резко развернулось к тигру, но того... не было!

В растерянности выглядываю из ямы и озираю пустую поляну... Ни-ко-го!

Выбираюсь из ямы и с изумлением разглядываю ясные отпечатки тигриных лап поверх отпечатков своих собственных сапог, которые оставил перед тем, как спуститься в яму. Перевожу взгляд на поляну... Пусто! Где тигр? Куда он исчез за две секунды? Чу-де-са!

Растерянно топчусь на месте и чувствую, что жидкая грязь стекает по задней части штанин прямо в сапоги. Проклятье!

Наклоняюсь, вытягиваю штанины из сапог, вынимаю нож, лезвием соскребаю грязь со штанин и боковым зрением улавливаю лёгкое шевеление травы в стороне. Резко поворачиваю лицо и успеваю увидеть, как за кустами медленно, словно уползающий полосатый удав, исчезает тигриный хвост... Потом дальше медленно отклонилась и вернулась на место веточка и... всё! Из густых зарослей ни шороха, ни треска.

Недоумённо гляжу на измазанный в грязи нож, грязный карабин, грязные руки, грязные сапоги, грязные штаны и словно взрываюсь хохотом.

– Ох-хо-хо-хо-хо-хо-хошеньки-и-и!..

Счастливый день!

ПИСЬМО

Эх, сколько интересного попадаетея в приморской тайге! Вот из стопки старых журналов «Наука и жизнь», неизвестно кем и когда принесённых в дальнее зимовьё Шумного ключа, выпали сложенные листки, вырванные из школьной тетрадки. Развернул их, а там... Вот что там было.

«Всемиловитый Господь, Иисус Христос! Не умею я молиться, никогда в тебя не верил. А пишу Тебе, потому как совсем неумогу. Чую, немного мне осталось, а помирать страсть как неохота и тяжко очень. Ни слова сказать не могу для Тебя – горло перехватывает, вот и пишу. Только и могу написать. Может, кто-то когда-то прочтёт это письмо вслух, и моё покаяние услышишь Ты хоть через чьи-то уста...

Ты прости меня, что с детства я Тебя презирал. Детское воровство и шалости грехом не считаю, а то, что над верующей бабушкой издевался, – за это прости. Ну не нравился моему растущему организму Твой изнурённый вид. Не нравилось, что Ты на кресте висишь и страдаешь за всех. И мне неприятно было, что за меня кто-то страдает. Не нравились сказки о загробном мире, не нравился Ад, не нравился Рай. Не нравились эти церковные свечи, запахи, заунывные бормотания молитв, тёмные иконы. Всё, категорически всё – не нравилось.

А вот пионерия нравилась. Всё в пионерии нравилось. И галстуки, и горны, и барабаны, и песни, и пионерские дела. И то, что Бога нет. Нигде. Ни на Земле, ни под землёй, ни в космосе, ни на Луне...

Вот и воевал с бабулей, доказывал своим безнаказанным хулиганством отсутствие Тебя. А потом доводил бабушку до слёз своими рассказами о зверствах крестоносцев, о мракобесии попов и инквизициях, о куклуксклановцах. Доказывал, что верующие – это фашисты, которые моего

дедушку, а её мужа убили на войне. Ведь у фашистов такие же кресты. И Полина Тимофеевна ничего мне возразить не могла. Не ругала, не корила, а тихо, но настойчиво просила не хулиганить, раз уж я настоящий пионер, и вернуть украденные иконки...

Прости меня, бабушка Полина Тимофеевна, прости меня Ты, Господи!

А потом, когда закончил школу, бабушка призналась, что, оказывается, мой прадед был священником и был расстрелян красноармейцами прямо в церкви во время несения службы в лихие тридцатые годы...

Но всё равно, но всё равно... Не верил. Хоть и перевернулось что-то в душе. Стал терпимее к религиям вообще, уже не считал их только древнейшими политическими партиями и опиумом для народа. А уже признавал религии мощными историческими и культурными пластами страны. Ну, куда от этого денешься?

Но всё равно, но всё равно... Грешил напропалую, не оглядываясь, не задумываясь, не заботясь, не каюсь. Даже когда Ты, Господь, наказывал. А наказывал Ты меня часто. Это я теперь понимаю. А тогда только злее становился. Поднимусь, отряхнусь, и дальше. Новые грехи собирать. Ну, вот и набрал полную душеньку: ни вздохнуть, не охнуть. Не думал, что душа такой тяжёлой может быть. Как мешок с камнями – только вниз тянет да пригибает. А я-то всю жизнь вверх тянулся да лез, толкаясь локтями и шагая по головам...

Ну, да Ты все мои грехи знаешь, чего их перечислять? Хотел сначала все свои грехи описать в этом письме, чтоб облегчиться, но их так много! Начинаю вспоминать – голова болит, каждый камень в душе накаляется, жжёт огнём нестерпимо...

Не буду перечислять! Всё равно что-то упусти, сразу не вспомню, а потом из-за этого маяться да терзаться буду. Напишу только про тигрят. Из-за них все страдания да терзания и начались...

Испугался я тогда сильно, а потом разозлился. Стал подкрадываться к кабану, который пасся на склоне сопки в кустах густых поближе, чтоб наверняка убить. Тихо тогда было очень, листья трещали, словно это не листья, а сухари. Поэтому стал подходить прямо по ручью, осторожно ступая по воде, да по камням. А тут шипение рядом, словно огромный гусь. Удивился я очень: откуда в таёжной чаще гуси? Стою – тихо. Иду – шипит и не понятно откуда. И тут вдруг, чуть не под ноги... тигр!!! Как я испугался! Никогда в жизни так не пугался!

Бах! Выстрелил. Тигрёнок, а это был большой тигрёнок, тяжело прыгнул в сторону и пропал.

Гляжу на сопку – кабан на месте. Опять роется в кустах. Потихоньку иду к нему снова.

Снова раздаётся шипение и снова навстречу... тигрёнок! Чёрт возьми! Что за наваждение?! Неужели промазал? Опять стреляю. Опять тигрёнок исчезает в зарослях. Неужели опять промазал? Руки трясутся, ноги ходуном ходят.

Кабан после второго выстрела насторожился и долго стоял, прислушиваясь и приносясь. Но стрелять не стал – очень далеко и кусты густые. Снова стал к нему подходить поближе, но что-то кабана испугало, и он убежал. Решил возвращаться домой – уже солнце садилось.

Проходя мимо того места, где стрелял в тигра, увидел кружашую ворону. Неужели всё-таки не промазал? Надо глянуть. Свернул ближе к ручью и увидел... двух тигров! Оба были мертвы и лежали, обнявшись друг с другом!..

Плохо мне стало. Целую неделю болел – всё перед глазами эти мёртвые объятия тигрят были.

Ну, а потом... Потом всё чаще и всё сильнее стал болеть. И вот, пока есть ещё силы, пишу Тебе, Господи, и прошу за всё простить и принять моё покаяние».

*31 декабря 2012 года
Подпись неразборчива*

ТИГРОВЫЙ ОТМЕТ

(по рассказу из 50-х годов)

Знакомая тропинка ручьи́сто струилась, несла и увлекала меня по завалистой пойме Канихезы, пересыхающей речки. Что тропа, что ручей – одинаково несут воду, огибая камни, подныривая под завалы. Только ручей несёт обычную текучую воду, а тропа несёт шагающую воду во плоти человеческой – слиток разума. И ручей несёт только вниз, к далёкому океану – вместилищу всех вод надземных, земных и подземных и хранилищу разума бывшего. А тропа несёт Мою Воду – Меня, и через сопки, и вверх и вниз, и туда и обратно. Любая пригоршня воды рано или поздно оказывается в океане. Даже я.

Когда-то вдруг остановлюсь, и эти четыре ведра воды, вмещающиеся в моём теле, просочатся сквозь домовину и землю и потекут, может, тихо, незаметно, может, шумно и весело, потекут мои атомы и молекулы, мои мысли, чувства и знания в Океан. Может, из-за этого состав морской воды так похож на состав крови человеческой, и, якобы, были случаи, когда вместо крови вливали морскую воду и спасали человеческую жизнь...

Сколько сотен миллиардов бывших жизней человеческих живёт сейчас в Океане и процеживаются жабрами рыб? Или не живёт, а испаряется и возвращается с облаками куда-нибудь?

Или не куда-нибудь, а именно в те места, где когда-то жили?..

Любопытно, а вернётся ли душа моя в то место, где я когда-то жил? Очень бы этого мне хотелось. Может быть,

она отыщет души моих потомков и сольётся с ними? А если у человека нет потомков, то где будет жить его душа?..

А может, это не круговорот воды в природе, а круговорот разума?..

Про это я тогда думал или про что-то другое – кто теперь точно скажет? Помню, что вроде на эту тему думал. А ещё про рассказ «Созвездие Тропы» известного приморского журналиста Юрия Шадрина. Великолепный рассказ! Жизненный, мудрый и интересный.

В нём вся лесная философия, вся жизнь человеческая, связанная с лесом. Наверное, и не только с лесом, ведь тропы человеческие появляются и живут: и в полях, и в лугах, и в снегах, и в пустынях. И стоит только лечь в траве, как она вырастает в большие деревья...

В общем, шёл по таёжной тропе и про тропу думал. Крепко думал – тема-то очень интересная, обширная и серьёзная. Ведь тропы и даже дороги есть и на небе – ими чаще всего летают птицы на зимовку, на гнездование, на кормёжку. Есть тропы и в воде – ими чаще всего плавают рыбы. Да что рыбы и птицы? Облака, и те ходят по своим излюбленным тропам...

А судьбы человеческие? Как объяснить удивительные встречи земляков где-нибудь не только в Москве, но и «у чёрта на куличках»? Только пересечением тропинок судьбы... А встречи влюблённых?..

Вот так, в глубокой задумчивости и шагнул через свежую валёжину, недавно упавшую поперёк тропы, и наступил... на страшно заревевшую, рыжую, полосатую охажу таёжного ужаса!..

Как провинившийся солдат перед разгневанным генералом, я стоял навтыжку перед ревившим тигром, от страха оцепенев и не смея даже закрыть глаза, чтобы не видеть чудовищную смерть...

А тигр, громыхая громом, присев на задние лапы, размахивал перед лицом лезвиями когтей справа... слева... снизу... сверху... будто примеряясь, как ловчее меня располосовать... Потом, поменяв рёв на рокот и завывание, медленно опустил острую тяжесть левой лапы на моё правое плечо, придавил, затем правую воздвиг мне на голову и медленно процарапал когтём через лоб наискось глубокую царапину...

И... ушёл.

А я ещё долго стоял, не шевелясь. Уже и кровь перестала течь и капать с кончика носа. Уже и солнце достигло зенита и стало заглядывать в глаза. А я всё стоял.

Как в детстве, получивший ремня и поставленный в угол за разбитое из рогатки оконное стекло, терпеливо стоял и ждал маминого прощения. Мама простила, и тигр простил.

Издали, с вершины сопки донеслось его «П-Р-Р-Р-Р-Р-Р-О-ЩА-Ю-У-У-У», «В-О-О-О-О-О-ЛЬНО-О-О». И я, с лёгким сердцем, снова зашагал по тропе.

Счастливчик! Без всякого сомнения – счастливчик!

Говорят: «Бог шельму метит». А кого метит тигр? Наоборот: лучших из лучших. Не верите – поглядите. Поспрашивайте у людей о тех, кто носит тигровые знаки. Вот он, почему и для чего, на всю жизнь, на лбу тигровый отмет.

ЦАРЬ-КОРЕНЬ

– Ныне корнёвка совсем не такая. Если в советское время знал двадцать мест, где корень растёт, то и «харе» – хватало. Никто мой женьшень не трогал – у всех корнёвщиков свои места. Проверял две-три семьи, собирал урожай, норму выполнял для госпромхоза, и всё.

Теперь и хуже, и лучше. Хуже то, что корня в двадцать, а то и в тридцать раз меньше стало. За двадцать лет толпы безработных вычесали почти всю тайгу, много повиносили подчистую, даже самую мелочь. Поэтому современный корневищик должен знать гораздо больше ста мест, десять-пятнадцать мест каждый год проверять: глядишь, где и осталось что-нибудь. На другой год другие десять мест проверить, с таким расчётом, чтоб одно место проверялось раз в десять лет. Потому что растёт женьшень очень медленно и за десять лет десять-пятнадцать граммов веса только и набирает, становится товарным.

А лучше, потому что большой и старый корень сейчас стоит очень дорого – тут как сторгуешься. Да и небольшие корни – «танзовые», то есть очень красивые, – имеют очень хорошую цену – гораздо больше стоимости золота.

Красота женьшеня – это «голова», «шея», «тело», «мочки», «окольцовка», «цвет». Причём «голова» должна быть большой, вместе с «шеей» длиннее ширины двух пальцев – это трёх сантиметров. Вообще, чем длиннее, тем лучше, тем корень старше, красивее и дороже. «Тело» ценится и не тонкое, и не толстое, и не короткое, и не длинное – по пропорциям стройного человека. «Мочки», то есть тонкие корешки, ценятся по длине. Тоже чем длиннее, тем лучше, и чтобы их, «мочек», было немного. На «теле», в верхней

части, в районе «плеч», должна быть ясно видна «окольцовка» – круговые поперечные морщины. На «окольцовке» не должно быть рубцов и шрамов. А «цвет» корня должен быть тёмно-золотистым...

Старый корнёвщик увлечённо рассказывал о премудростях корнёвки. О том, в каких местах женьшень растёт, каким бывает, где находили самые крупные корни.

– Корень растёт... везде. И везде его очень мало. Редко бывают такие места, где он растёт на территории в несколько соток, чаще – одиночки или небольшие семьи в несколько корешков. Он встречается и на вершинах гор, и в поймах рек, и на скалах, и среди горных болот, и на каменистых осыпях, и в непроходимых зарослях. Под кедром, под берёзой, под дубом, под осиной, под елью, под пихтой, под ольхой, под грабом, под тополем, под клёном, под липой и даже под ивой козьей – она у нас в Южном Приморье на сырых склонах сопок растёт. В орешнике, траве, крапиве, папоротнике, леспедеции, даже в рододендроне. Почти везде. Но найди попробуй! Можно неделями прочёсывать тайгу и ничего не найти. А можно неделю пьянствовать, потом отойти за ближайший куст и обнаружить там хороший корень, а то и целую семью.

Совершенно непредсказуемое занятие. Можно стать богатым за считанные часы, а можно долгими годами еле-еле на хлеб с маслом зарабатывать. Поэтому такой интерес к этому делу, такой азарт, такой ажиотаж – настоящая корневая лихорадка.

Мечта каждого корнёвщика – найти Царь-корень. Каковы его приметы? А Бог его знает. Он бывает разным. Главный признак – он большой. По весу больше ста граммов. Танзовый. А стебель его может быть и небольшим, но необычным. У него может быть шесть или даже семь листьев. Он может быть, например, двухъярусным. Или двух-, а то и трёхголовым. Главное – он родитель всей богатой план-

тации, которая непременно растёт вокруг него. Главное – его непременно охраняет тигр, который обычно отпугивает корнёвщика от Царь-корня. Или, перевоплотившись в Баосу – лесного духа, валит деревья в тихую погоду, или швыряет сучья, или сбрасывает с крутых склонов камни...

Я нашёл свой Царь-корень. Правда, это было уже давно. И нашёл, в общем-то, случайно, на охоте. Да...

Таёжник встал на колени перед костром, плеснул в огонь водки из фляжки, собрал и сыпанул горсть таёжной снеди: хлеб, сало, мясо, пару леденцов – всего понемногу из того, что было с собой.

– Баосе, – пояснил он. Проследил, как огонь, сыто шипя, смакует подношение, пошевелил палкой обугленную кучку, подождал, пока она не рассыплется пеплом, и продолжил. – На охоте я был, на реву. Тогда осень была затяжная, и рёв изюбря начался в середине сентября. И что-то потянуло меня залезть на крутую и высокую гору. Подумал: с вершины меня хорошо будет слышно окрест, с другой стороны, если изюбрь отзовётся, то легче будет понять, в каком месте он находится, легче будет выбрать удобную позицию для выстрела.

Подманил быка, выстрелил – изюбрь упал. Запомнив, какие рядом с ним деревья, стал спускаться со скалы, на минуту выпустив его из виду. А когда подошёл к месту, быка там не оказалось, только издали доносился треск уходящего зверя. Судя по всему, ранение не было смертельным, хотя было очень тяжёлым: кровь довольно обильно лилась из раны при каждом шаге. Я, стараясь идти как можно бесшумнее, стал красться по кровавому следу. Но изюбрь, хорошо меня слыша, находил в себе силы заранее подниматься с окровавленных лёжек и довольно долго шёл вниз с горы, направляясь в узкий и крутой ров, заросший лимонником, актинидией, элеутерококком. Он уже несколько раз подпускал меня совсем близко, я каждый раз стрелял, но... зверь опять уходил. Как заколдованный! Я ругал себя

почём зря, убеждал, что надо остановиться, подождать с полчаса, чтобы бык успокоился и ослабел на лёжке, тогда он или подпустит поближе, или вообще не сможет подняться. Но... не остановился, пока в обойме не закончились патроны. Тогда только сел на валёжину, закурил, снарядил обойму и твёрдо решил ждать полчаса.

Выждав намеченное время, снова попытался подкрадываться, и, действительно, удалось подойти к изюбрю довольно близко и выстрелом завершить его мучения.

Красавец-бык с большими рогами лежал на краю обрыва, и я его столкнул вниз, к ручью. Затем вынул нож и стал снимать шкуру.

Погода была тихая и сухая, поэтому я издали услышал, что кто-то идёт в мою сторону. Я помыл в ручье нож и руки, взял карабин, присел за дерево и стал ждать. Я ожидал увидеть кого угодно: кабана, медведя, другого изюбря, охотника или даже охотинспектора. Но увидел огромного тигра!

Он шёл, наклонив голову, приносясь и разглядывая лесную подстилку, уши его постоянно находились в движении и ловили все лесные шорохи, хвост был выгнут дугой, а тёмный кончик шевелился в такт шагам: вправо-влево, вправо-влево.

Тигр заметил меня издали. Он сразу остановился, медленно поднял голову и усиленно стал приносясь. Но я не шевелился, ствол берёзы скрывал меня наполовину, изюбря он не видел, так как тот лежал за бугорком. И, видимо, приняв меня за причудливый вырост и не уловив никакого запаха, тигр, постоянно оглядываясь, пересёк овраг и взобрался на обрыв.

И тут он меня почуял. Страшно заревел и, пригнувшись, пошёл прямо ко мне! Я очень испугался, вскочил и, что-то лепеча, стал пятиться вверх по ручью. А тигр дошёл до изюбря, обнюхал его и заревел пуще прежнего. И рыкал до тех пор, пока я не отошёл на значительное расстояние.

Я продирался через заросли вдоль ручья – так мне казалось безопаснее, потому что лез с треском и шумом и знал наверняка, что по такой чащобе тигр неожиданно ко мне подобраться не сможет.

Я лез через заросли, не обращая внимания на растения, и постоянно оглядывался. И вот, обернувшись в очередной раз, я неловко упал, запутавшись ногой за лиану и больно ударившись коленом. Выбравшись на чистое место, присел на выступающий замшелый камень и, растирая зашибленное колено, стал озираться вокруг и увидел, что сижу возле растения с красноватым стеблем, пожелтевшими, лимонного цвета листьями, похожего на пион, но совсем не пион... Женьшень! Рядом ещё и ещё! Целая поляна!

Про всё забыв, я, зачарованный, ходил от одного растения к другому, пока не увидел большущий жёлтый двухъярусный зонг с толстым стеблем в палец толщиной – Царь-корень...

Да, сейчас бы найти такое – стал бы богатым человеком. А тогда... Ну дом построил, ну машину купил...

Корнёвщик махнул рукой, глубоко вздохнул и, выхватив из костра головёшку, смешно причмокнув губами, прикурил и задумался. В зрачках его плясали счастливые огоньки, и он смотрел, не отрываясь, на огонь, вздыхал и улыбался.

ТИГРОЛОВ

– Чпок! – не очень громкий, но неожиданно ясный и широкий звук лопнувшего стакана как занавесом прикрыл шумный вечерний гомон небольшого ресторана города Дальнегорска во время музыкальной паузы. Так же клубился взъерошенный шумом сигаретный дым, но сам шум исчез, словно людские лица, разом повернувшись к угловому столику, отвернулись от него, и шум замолк на полуслове.

Среднего роста и возраста русый крепыш с острым и холодным серым взглядом широко и счастливо улыбался, затягивая носовым платком в кровь разрезанную ладонь.

– Не получилось! – виновато объяснял собеседнику. – Столько стаканов передал без царапины, а этот какой-то... очень крепкий и лопнул не так...

Подскочивший официант привычно смахнул осколки на поднос, и этот тонкий звон стекляшек о нержавейку включил с новой силой загудевший шум, который сразу стал шуметь, как тайга перед ураганом на таежные темы.

– Тигролов... Тигролов... Тигролов... – словно эхом металось меж столиков малознакомое слово.

Женские взгляды стали заинтересованно тянуться в этот угол, мужчины вдруг вспомнили свои охотничьи подвиги и тигриные истории.

И тигролов вошёл в раж: плавно и красиво жестикулируя окровавленной повязкой, он налево и направо разбрасывал отрывистыми и резкими словами секреты тигроловного ремесла.

– Чутьистая и спокойная собака всегда успевает от тигра спастись. Тут что главное: главное – пораньше почуять тигра и БЕЗ ПАНИКИ, повторяю, БЕЗ ПАНИКИ, – зарокотал

на весь зал его басок, – убежать или прятаться. Запаниковала собака – считай, пропала сама или, если успеет добежать до человека, подставит его под атакующего тигра. А то и человека с ног собьёт в своём безрассудстве...

И ресторан стал тихнуть, невольно прислушиваясь к экзотическим секретам экзотической профессии. Стали прислушиваться все: и лётчики, и моряки, и рыбаки, и инженеры, и строители, и бизнесмены – всем стало интересно, и какие нужны тигролову собаки, и как тигролову надо одеваться, и чем тигролову в тайге лучше питаться.

– А что такое атакующий тигр? – громко и грозно спросил Тигролов. И ресторан замолк окончательно. Все, даже женщины, стали недоумённо переглядываться, будто выискивая и не находя в лицах друг друга ответ на неожиданный вопрос.

– А атакующий тигр – ЭТО ВЕРНАЯ СМЕРТЬ! Это летящий танк, или живая баллистическая ракета, или полосатая молния, или... или... Чебаркульский метеорит, – нашёл он нужное сравнение. – Спасения нет. Нет спасения! Понимаете, граждане?

Тигролов привстал, обвёл полусумрачную тишину отчаянным, со сверкающей слезой, взглядом.

– Понимаете? Спасения нет! Он в атаке пролетает пятьдесят метров за три секунды! Понимаете, граждане? За три секунды! Пятьдесят метров! Через кусты, через валёжины – раз, два – и КОНЕЦ! Стрельнуть, конечно, может, и успеешь, и может, попадёшь даже в убойное место, но ОН, даже смертельно раненый, такого натворит! Такого натворит!..

Пришедшие с перерыва музыканты взялись было за инструменты, но, переглянувшись, присоединились к слушателям.

А Тигролов продолжал: «Мы – люди, говорить умеем, грамотные все, а друг друга не понимаем, друг друга не слышим, друг друга не чувствуем. Друг другу мешаем,

друг другу готовы плотки перегрызть из-за тех же денег. А как эта зверюга нас, людей чувствует! Тайга гудит от лесорубов, корнёвщиков, грибников, охотников, рыбаков, туристов, особенно летом. Десятки тысяч людей в тайге! А кто видит тигра? Да почти никто! Уходит зверь от встречи с человеком. Чувствует и уходит...

А как тигрица тигрят охотиться учит? Вот как она им без слов объясняет, что надо затаиться и лежать, пока она на них поросят не нагонит? И тигрята лежат часами на снегу при морозе и терпеливо ждут, ждут поросят, как им велела мамка. Не балуются, не встают, а лежат и ждут. А? Как она им без слов рассказала? Как? А как она их учит арифметике? Как? Посчитает тигрица поросят и без слов им командует, что давить нужно только самых последних, а это шестнадцатый и семнадцатый поросёнок. Чтобы табун не распугать. И лежат они в засаде и считают: первый пробежал, второй пробежал, третий пробежал... четырнадцатый пробежал... пятнадцатый пробежал... – приготовились! Шестнадцатый... Атака!

– Эх! – Тигролов жажнул кулаком с пятитысячной купюрой по столу, кивнул на деньги официанту, поднялся и, опустив голову, вышел из ресторана.

Вслед ему раздалась запоздалые аплодисменты, кто-то крикнул: «Браво!» – и полилась и призывно зажурчала зовущая и влекущая музыка аргентинского композитора Ариэля Рамиреса «Странники», та самая, всеми любимая, из телепередачи «В мире животных». Зовущая и влекущая...

КОРНЕВАЯ ЛИХОРАДКА

*(моему дедушке,
Можяеву Александру Кирилловичу)*

Гудит приморская тайга. Ветерком пронёсся между сопок слух, что опять в Ольгинском районе нашли двухсотграммовый корень женьшеня. И этот ветерок, поначалу лишь слегка шевельнувший листья дубовых крон, прошелестевший невнятно в плоских вершинах кедров, вдруг окреп. Набрал силу, раскачал деревья, и вот уже сопки зазвенели переκληками, перестуками, гомоном пришлого люда – корневая лихорадка. И стар и мал, и мужчины, и женщины пришли в тайгу в надежде отыскать хороший корень. Пусть даже гораздо меньше ста граммов, но чтобы был красивым и без изъянов.

– Труднее всего найти женьшень «на открытом месте»: ни овражков, ни бугорков, привязаться не к чему, ориентироваться трудно.

– Что такое «открытое место»? Это тот же лес, только без густого подлеска. А случись нужда снова найти это место – проблема. Тут очень внимательно надо деревья вокруг осмотреть, записать и зарисовать их: какое – косое, какое – гнутое. Ведь других ориентиров нет.

Старый корнёвщик увлечённо, с темпераментом и смаком вдруг заговорил об этом легендарном промысле, стоило только спросить: «Как у вас тут, в тайге?»

– Тайга – она такая. Это на карту глядишь – всё просто и понятно. А зайдёшь в лес – всё меняется. Ничего вокруг не видно. Хорошо, когда день солнечный, тогда ясно, где юг, а где север. Компас – штука не надёжная, может подвести.

В сопках много железных руд, которые стрелку компаса часто сильно отклоняют.

Вот другой раз зайдёшь в тайгу, а как выходить, и не знаешь. Бывало, блудил – таёжный дух Баоса по кругу водил, опять на то же место выводил. Бывало, совсем не в тот распадок или долину переваливал. Всяко бывало...

А конусы сопочных колоколов всё гудят и гудят, не умолкая, словно именно они своим таёжным набатом призывают люд собраться на корнёвку.

– ...Всяко бывало... – Корнёвщик испытующим взглядом оглядывает меня снизу вверх, потом сверху вниз, словно по обуви, одежде, лицу проверяет: достоин ли разговора про ЭТО? Готов ли выслушать, понять и прочувствовать то, что в нём засело сызмальства, что много лет владеет мыслями и чувствами, что определило всю его жизнь.

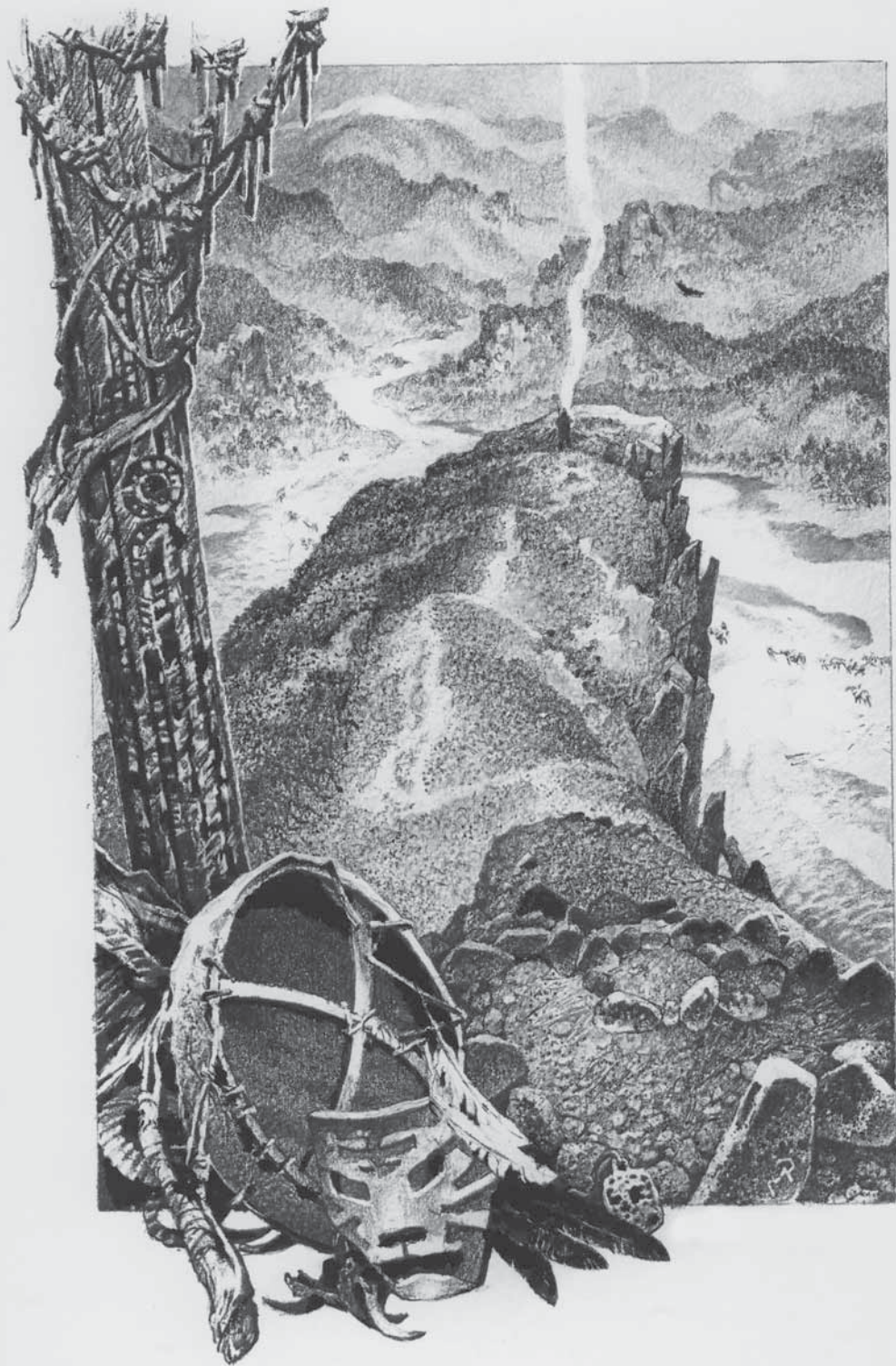
– А с чего это у вас началось?

– С чего началось? С чего началось... – Порфирьевич сдвинул брови, пошарил в растерянности взглядом под ногами, словно ответ только что обронил в траву, потом вскинул на меня сияющий взгляд: «Нашёл! Нашёл!»

– Так это... Да! Судьба! Ну, ты садись...

Мы присели на валёжину. Вокруг густела несказанная благодать ранней приморской осени. По-особенному синело небо, нестерпимо острой сентябрьской лазурью света сквозь разрывы крон деревьев. По-особенному зеленела трава и листва, собираясь эту уже износившуюся зелень обратить в золотое и огневое, а затем в костяное, жухлое и тленное...

– Одиннадцать лет мне было. Книжки очень любил читать про путешествия, геологов, золотоискателей, охотников, про зверей и птиц. Мать ругалась, что уроки плохо делаю: чуть что – за книжку. И за то, что за взрослые книги хватаюсь: «Твои друзья ещё сказки читают, а ты – гляди-кось – за Арсеньева взялся!»

Читал, конечно, и сказки. Особенно нравились корейские и китайские, удэгейские и нанайские – лишь бы про тигра там было. Очень мне нравилось, как выглядит тигр, его поведение, что он самый могучий и таинственный в тайге.

Ну вот. И где-то вычитал, что этот самый главный зверь непременно охраняет самый главный корень жизни – женьшень. Ну, такую легенду, что женьшень зарождается от молнии, и поэтому лучшие корни непременно похожи на молнию.

И стал я почему-то об этом деда своего спрашивать, когда сидели и обедали среди отдыхающих коров на вертолётной площадке в Кривой Пади. Дед говорит: «Брехня. Тигры женьшень только в сказках стерегут. А молнии чаще всего бьют в вершины сопок. А на вершинах корень, конечно, бывает, но редко».

«Пойдём, – говорит, – я тебе покажу место, где раньше женьшень рос, пока коровы лежат, может, и найдём что».

– А какой он, женьшень?

– Ну, листья – вот, как у элеутерококка. Стебель у него гладкий, вроде как красноватый или бордовый. Издали похож... как герань на окне у бабушки. Только вместо цветов сейчас будут красные ягоды. Увидишь красные ягоды – зови.

Мы поднялись по дну овражка и остановились возле кедрра.

– Вот под этим кедром мой старший сын Николай в 1957 году нашёл хороший корень. Вот на кедре я сделал латунзу.

Дед показывает на стволе на высоте груди тёмный прямоугольник.

– Это латунза. Когда находят женьшень, рядом на кедре снимают кусок коры, из которой делают коробочку, в которой переносят и хранят корень. Когда это место ещё раз

проверяют, смолистые натёки поджигают, и латунза становится чёрной, никогда не зарастает. Пошли дальше – тут ничего нет. Увидишь красные ягоды – кричи, – снова повторил дедушка.

– А тигра тут нет?

– Нет. Коровы лежат спокойно, тигра тут нет, не бойся.

Мы неторопливо идём рядом по заросшему орешником склону и ищем среди травы и папоротника красные ягоды. Я очень хотел найти женьшень, но ничего похожего не видел.

– Не видно, – сказал дед, – пошли назад.

Я, разочарованный, иду за дедушкой, разглядывая растительность под ногами и вдруг, боковым зрением, улавливаю мелькнувший красный цвет.

– Женьшень! – сразу же, не раздумывая, кричу.

– Не может быть! Мы тут проходили. – Дед, ушедший вперёд, стоял в нерешительности. Потом, в сомнениях, подошёл ко мне.

– Где?

– Вон, за деревьями.

– Ой! Какой молодец! – За молодыми липками в небольшой ямке стояла женьшеневая семья.

– Какой молодец! – тряс мою ручонку дедушка.

– Какой молодец! Двенадцать штук! – радостно повторил Александр Кириллович.

Вернулись к коровам и погнали их в село.

Как обрадовалась нашей новости бабушка Анна Павловна! Как хвалила! Наверное, тогда я впервые почувствовал себя мужчиной, видя бабушкину радость, которая входила в меня ощущением счастья.

Утром, чуть свет, встали, собрались – и к женьшеню. Дедушка копает, а я вокруг брожу, каждую травинку разглядываю: вдруг ещё найду?

Ходил-ходил – устал. Остановился, на палку подбородком опёрся и на дедушку гляжу. А тот – некурящий, от мошки отмахивается, терпеливо и аккуратно выкапывает корни.

Скучно! Гляжу себе под ноги, а под ногами... ещё женьшень! Тяжёлые красные шапки ягод наклонились вниз до самой земли – совсем не заметен.

– Дедушка, ещё женьшень!

– Не может быть! – сказал, но подошёл. – Ай! Ну, молодец! Ещё четырнадцать штук!

Но тут, совсем близко, заревел тигр. Я не помню, как оказался за спиной Александра Кирилловича. А дед, не тропясь, достал из рюкзака топор и сильно ударил обухом по стволу дерева. Дерево гулко охнуло, вздрогнув всеми ветвями и листьями до самой макушки. Эхо тут же, звонкой пощёчиной, «дало сдачу».

– Геть отсель! – крикнул. – Стой спокойно, не бойся. Не брехня, однако! Геть отсель!

– А что не брехня? – спрашиваю.

– Не брехня, что тигр корень сторожит. Геть отсель!

Пощёчины эха хлестали округу, звонкими оплеухами звенели в моих ушах. И тигр ушёл, не показавшись. Утробно рыкая и шелестя в кустах, он сделал полукруг, постепенно удаляясь и коротко кашляя.

– Всё, ушёл Хозяин, – сказал дедушка. – Проверил, кто тут в его владения пришёл: слабаки или нет? А мы не из пужливых. Сами кого хочешь можем напугать. Поэтому он и ушёл, другой корень охранять. А ты – молодец: не оробел!..

Сдал дедушка женьшень в госпромхоз, а деньги честно поделил поровну и вручил торжественно. Сто семнадцать рублей! Моя первая в жизни зарплата. Тогда инженера такую зарплату имели. С какой гордостью я отдал эти деньги маме! С того времени ни разу сезон не пропустил. Хоть ра-

зок-другой, но в тайгу обязательно сбегая. И буду ходить в тайгу, пока ноги ходят...

Гудит приморская тайга перестуками и перекриками корнёвщиков. Волнуется от непривычного людского гомона и терпит. Терпит беспокойство от своих неразумных детей. И награждает. Награждает всех: и трудяг, и ленивцев, и праведников, и грешников. Всех одаривает понемногу. То того, то другого. То там, то здесь, то в другом месте. И было это и будет всегда, пока есть корень, пока есть удача, пока жива корневая лихорадка.

НИЧЕВЛЯ

*(по рассказу пастуха Парамонова
из села Беневого)*

Случилось это донельзя просто и обыденно: грибы я собирал. Да вот тут, рядышком, за селом, можно сказать – прямо за крайними домами. Там, где в склон сопки врезан небольшой овражек. Спустился я в этот овражек и иду, вглядываясь в крутые склоны: молодые боровички ловко так прячутся в реденькой траве и павших листьях. Сверху глядя их трудно заметить, а когда снизу – вот они, родимые, из землицы прут наверх наперегонки, кто быстрее.

Вот я и собирал самых шустрых, кто своих товарищей обогнал. И так увлёкся, что не обратил внимания на шорохи над головой. А когда обратил и оглянулся, то всё, что смог, – это медленно присел на корточки, сжался, обхватил затылок ладонями и приготовился умирать: на краю обрыва надо мной стоял огромный тигр...

Я ясно и громко слышал шелест травы и хруст прошлогодней листвы под лапами зверя, явно представлял, как тот изготавливается к прыжку, перебирая лапами и устанавливая их покрепче...

Я улавливал его хакающее и прерывистое дыхание – ну, вот-вот прыжок...

И эти самые последние мгновения, которые почему-то не подносили к лицу смерти, как есть, всю жизнь, а наполняли неизъяснимой никчемностью и великой слабостью и ничтожеством...

Я такой слепой!.. Не вижу острые коготки на лапках комара.

Я такой глухой!.. Не слышу, как сгибаются мои собственные пальцы.

Я такой неуклюжий!.. При каждом шаге сминаю десять павших листьев.

Я такой слабый!.. Не способен пробежать всего лишь сто километров.

Я такой тяжёлый!.. Запросто утону даже в самом солёном море.

Я такой нечуткий!.. Не чувствую запаха розы в соседнем саду.

Я такой невнимательный!.. Не помню, сколько седых волос было у моей бабушки.

Я такой бездарный!.. Не могу рассказать, как красива моя любимая.

Я такой бесчувственный!.. Не могу понять, о чём будет думать женщина.

Я такой неспособный!.. Не могу рассказать каждой звезде о своей любви.

Я... такой... никудашный...

И тигр... ушёл.

Не нужен ему такой ничевля и нечуть.

СОЗВЕЗДИЕ ТИГРА

1. ОН

Его глаза – это всё. Большие, широко расставленные, они были главными на голове. Казалось, именно к глазам подвешены впалые слегка морщинистые и небритые щёки. Щёки переходили в довольно широкий подбородок, разделённый глубокой ямкой, из которой рос пучок рыжеватой недельной щетины. Сами глаза соединялись крупным горбатым носом с широкими ноздрями. Под ноздрями за моржовыми торчащими усами толстые губы едва прикрывали крупные длинные и жёлтые, словно прокуренные, зубы. Над тяжёлыми веками топорщились густые брови. Выше угластый и, словно продолжение тельняшки (любимой повседневной одежды и доброй памяти об армейской юности), складчатый лоб, переходящий в сияющую, но ещё не всё потерявшую лысину, с боков поддерживаемую мясистыми лопухами ушей.

Всё крупное, резкое, но какое-то незначительное, второстепенное по сравнению с глазами. И глаза – светло-голубые и ледянистые, обычно полуприкрытые толстыми веками, – светили необыкновенно сильно даже в ясный солнечный зимний день. А в момент азартной радости распаивались и ярко били, завораживали, просвечивали насквозь и притягивали, приманивали весёлой искристостью вокруг чёрной и бездонной пропасти зрачков. Сильные глаза!

Они и отпугивали этой своей великой силой, и тянули к себе всякого: доверчивого и недоверчивого, любопытного и равнодушного.

Поэтому никто и не удивился, что уступил ему тигр свою добычу тихо и спокойно, без шума и гама. Не говоря уже о криках и громыхании железаками, выстрелами, которыми обычно отпугивают тигра. Потом ещё раз. Потом ещё... Побаиваться стали за его судьбу: не было ещё такого, чтобы тигры безнаказанно, раз за разом уступали свою добычу.

А он, выросший среди охотников и рыбаков, корнёвщиков и старателей, не очень-то верил предостережениям друзей и родственников. Наоборот, как и всякого азартного человека, его подзадоривала эта таёжная опасность, постоянно к нему крадущаяся, постоянно над ним кружащаяся. Он чувствовал себя фартовым и был таким, с юности запомнив прибаутки своего деда о судьбе: «всё в мире творится не нашим умом, а божьим судом», «кто сгорит, тот не потонет», «суженую и на коне с кривыми оглоблями не объедешь», «не суженый кус изо рта валится», «чему быть – того не миновать», «бойкий сам себе судьбу ищет, а робкого судьба и за печкой найдёт», «один всю войну пройдёт и ни царапины, вся грудь в крестах, а другой за калитку выйдет, споткнётся, да убьётся».

2. ОХОТА

Он пришёл в себя только вечером. Поскользнувшись на мокрых валунах таёжного ручья, упал неловко на бок, больно ударившись локтем о камень. И эта резкая боль вернула его к реальности – не реальности, но уже к ясному восприятию окружающего и происходящего.

Перво-наперво то, что он жив. Жив, несмотря на смертельную усталость. И хотя в глазах меркнет свет, ноги-руки еле шевелятся, неустоявшееся дыхание больно и тяжело раздвигает рёбра, по которым остро и тяжело прихлопыва-

ет сердце, но туман сознания светлеет, редет, раздвигает словно вновь приобретённую явь.

Это хрустальное позванивание струй, огибающих камушек и вновь звонко сливающихся на короткую паузу до следующего камушка, за которым вода найдёт свою следующую ноту, – Величайшей Льющейся Музыки Земли.

Это светлое прикосновение солнечных лучей, мягко питающих и камни, и воду, и обессилевшее человеческое тело, своим касанием заставлявшее двигаться атомы, молекулы, клетки, руки, ноги, – Святейшей Теплой Музыкой Небес.

И от этой музыки ручья, и от этой музыки лучей эта вновь приобретённая явь становится родней и родней, ближе и понятней, теплее и красивее. До этого мало обращавший внимания на красоту и относившийся к тайге только потребительски, он вдруг залюбовался и переливанием струй, и пересверкивающей шероховатостью камней, стал жадно приноховаться к вкуснейшему спелому запаху осенней тайги.

Он был из тех беспокойных людей, для которых мир делится на полезное ему, что может быть использовано для насыщения или благополучия, и ему не нужное, пустое, необязательное, что нельзя съесть, нельзя использовать, нельзя продать. И это его потребительское, меркантильное, бывшее уже давно главным вдруг отступило, ушло как ненужное и оставило место давнишнему, почти забытому, пустому и необязательному: красоте неба в прогалах крон и таинственному переплетению веток над головой, золотому великолепию осенней листвы и загадочности иероглифов листовых жилок. И именно это пустое и необязательное проявило и высветило неуёмную, великую жажду – ЖИТЬ. Жить и работать этими умелыми руками, жить и ходить этими крепкими ногами, жить и видеть этими всё замечающими, оценивающими, узнающими и любящими глазами.

Но в первые минуты он не понимал, почему это, для чего это. Вредно или полезно, опасно или нет. Он просто удивлялся этому новому для него теперешнему чувству, приятному и увлекающему, и с огромным наслаждением отдался ему, прислушиваясь, приглядываясь и приноживаясь.

А услужливая память тянула и тянула назад в простое и материальное, когда ещё затемно стал собираться на охоту, алчно пересчитывая азартно поблёскивающие патроны и, предвкушая предстоящую потеху и поживу, точно зная, что кабаны никуда не уйдут от сбросившего первую партию шишек кедрача.

Удобное место для охоты. Очень удобное. Кедрач тянется узкой полосой по обе стороны крутого хребта, по которому проложена охотничья тропа. Предусмотрительно заранее срублены мешающие тихой ходьбе кусты, убран валёжник. Иди потихоньку по тропе, выглядывая то направо, то налево. Если есть в кедраче зверь, то обязательно увидишь...

Увидел.

Задавленного кабана, а на нём... тигр и тигрица!

И они Его увидели.

Заревели оба громоподобно и бросились к нему.

Он понял, что это смерть. Вернее, две смерти. Которые ужасны и неотвратимы, безудержны и стремительны... Но яснее всего он понял каждой своей клеточкой, всем своим сознанием, что жизнь необычайно прекрасна и радостна, и её надо спасать. И он стал стрелять. Не видя мушки и не успевая целиться, дёргал спусковой крючок, высвобождая встречный гром и видя только две ревушие и приближающиеся пасти...

Патроны закончились неожиданно. Палец машинально подёргал бесполезный спусковой крючок, и руки безвольно опустили оружие...

Но тигры остановились в каких-то десяти метрах. Продолжая оглушительно реветь, они поочерёдно делали выпад, явно прогоняя его. И Он стал уходить. Сначала пятясь и спотыкаясь, лихорадочно пытаясь снова зарядить карабин запасными патронами. Потом, когда тигры немного поотстали, а карабин был заряжен, пошёл уже нормально, спиной назад, но ни на секунду не выпуская тигров из вида. А те шли и шли следом, громко треща сучьями, временами по очереди рыкая, словно решили прогнать его как можно дальше со своей территории.

И он, совсем не думая, куда идёт, полностью повинувшись завладевшему его сознанием страху, шёл просто наугад, то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Шёл туда, куда его гнали.

Наконец, тигры отстали. Он из последних сил перевалил через какой-то скалистый хребтик, заросший густейшим рододендронам. Продираясь сквозь заросли, машинально отметил, что осень что-то затянулась и занежилась: голые и крепкие, словно костяные, ветки рододендрона украсились нежно-бордовыми цветами.

А ноги его всё несли и несли уже вниз по незнакомой долине дальше и дальше, прочь от владений таёжных громовержцев. Они спотыкались, цеплялись за всё: за выступающие бугры, за валёжины и сучья, за траву, за толстый слой лесной подстилки. Но всё равно, шагали и шагали, инстинктивно выбирая путь полегче, обходя завалы и кусты, пни и деревья.

А вокруг хорогодила Красота. Голубые жемчужины росы подрагивали на золотых и рубиновых листьях, на зелёной хвое, отражая недавно распахнутое небо. Небо зыбиво и беззаботно синело, словно выжатая туча не просто обрызгала пряное великолепие и тщательно и аккуратно залакировала каждую травинку, а ещё и натёрла до синевы стеклянную сферу жизни. И сфера звенела и гудела торже-

ственно и сладко, от каждого касания платиновых пальцев-лучей старательного музыканта-солнца.

Он шёл до тех пор, пока не упал, поскользнувшись на мокрых валунах. И именно эта боль от падения, как молния, высветила вдруг его незримое перерождение. Его лицо было сдавлено гримасой боли, негромкий стон вырвался из-за плотно сжатых губ, левая ладонь ожесточённо растирала зашибленный правый локоть, но изнутри ясно и огненно разгорался жаркий костёр живого и здорового чувства совершенной человеческой плоти.

Он раскрыл перед собой ладони, внимательно и критически просмотрел сотни раз виденные линии, словно впервые читая инструкцию по использованию незнакомого и сложного устройства – себя, стараясь накрепко запомнить, как дальше жить. Как дальше жить?

Как дальше жить?

Сильные пальцы поочерёдно сложились в крепчайший кулак. О-о-о, как лихо может этот кулак ударить! О-о-о, как трудно этот кулак разжать!

С великим усилием пальцы поочерёдно выпрямились. Ладони снова перед глазами. Ну, вот же, вот же: всё ясно и чётко прописано, как надо жить. И почему никогда не читал свою инструкцию?

Ладони молитвенно сложились. Не то.

Сухо потёрлись друг о друга. Теплей.

Соединились в замок. Разъединились. Выправились. Сжались. Разжались.

Как там у поэта Лебкова? «В Небо расправлена почка скорбных ладоней моих...» Да, похож на раскрывающуюся почку. А ещё на распускающийся цветок... А ещё – на крылья... А ещё на волны... А ещё на костёр... А ещё ладонь – солнышко, а пальцы – лучи...

Ладони хлопнули друг о друга. Ещё! Сильней! Литавры?

Бьёт так больно в литавры осень
И швыряет латунь на землю.
От такого мир весь вздрогнет
И невольно глаза опустит.
Это снова тепло хоронят,
Без него всё вокруг погибнет.
И не сможет назад вернуться
То, что летом никто не ценит.

Аплодисменты! Bravo! Бра-во!

Тьфу! Что за похоронное настроение? Никогда таким не был. Никогда...

Он встал и огляделся. Кругом тайга. Сквозь заросли проступают очертания незнакомых вечерних сопок.

«Где я?»

«Куда меня пригнали тигры?»

«Это ж целый день гнали! Чёрт те куда зашёл!»

«Куда идти? Не помню даже, в какую сторону шёл. А с какой стороны светило солнце? Не помню!..»

Отчаяние охватило его, он схватил карабин и выпалил все оставшиеся патроны в небо, надеясь услышать чей-нибудь выстрел в ответ... Тишина.

3. БЛУЖДЕНИЕ

Утро. Тёплое и туманистое, оно мягко, вкрадчиво, неслышно, медлительно, робко, влажно, неуклюже, полубоком прижималось к восточным склонам. Сопки в смущении розовели, довольные повышенным вниманием светила. Всё как у людей. «Однако, его тоже люди есть», – говорил Великий Гольд Дерсу Узала.

Нет, наоборот: у людей всё, как в природе. Это мы – люди – такие, как Природа. Всё в нас, людях, есть от окру-

жающего. Похожи мы и на муравьёв, и на сорок, и на попугаев, и на орлов, и на крыс, и на свиней, и на баранов, и на деревья, и на цветы, и на камни, и на тигра...

А я на кого похож? Сейчас – на потерявшуюся собаку. Остаётся только поскулить для полного сходства.

Он с удовольствием потягивался у потухшего костра. Ночёвка удалась. Хотя и не спал почти, а так – подрёмывал временами вполглаза. Какой тут сон после вчерашнего ужаса? Каждый шорох заново встряхивал впечатлительное сознание. А тут ещё ночной туман пригонял шум недалёкого ручья, который (и чего только в нём нет?!) и не шум совсем, а сплошной поток каких-то голосов, шагов. Не ручей, а рупор лесных звуков.

Однако, надо идти.

Его отдохнувшие ноги с удовольствием зашагали вниз по течению ручья. В голове крутились обрывки мелодий, какие-то давно не слышанные песни, стихи. Улыбающиеся губы вышлёпывали задорную музыку «Песенки без слов»: «Бу-бу, бу-бу-бу-у, бу-бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу, бу-бу-бу-у-у-у». Язык сладко лялякал в ответ: «Ля-ля, ля-ля-ля-я, ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-я-я-я!»

И это счастливое ляляканье окрыляло и несло осознание: «Жив! Здоров! Счастлив!»

«Счастлив ли?» – стал вести сам с собою диалог.

«А то!»

«А какое бывает счастье?»

«Как это – какое? Просто – счастлив, и всё».

«И что, даже причины счастья не бывает?»

«Да не-е, у счастья всегда причина».

«Ну, и каков вывод?»

«А, ну ладно, согласен: разное бывает счастье. Например, счастье здорового тела. Это когда ничего не болит, нигде не давит, не тянет, не колет, когда легко и свободно».

«Так-так».

«Ну, ещё семейное счастье. Когда живёшь с любимой женщиной, которая родила тебе желанных детей, которые здоровые, умные и послушные».

«Вот-вот».

«Да, ещё счастье самореализации. Это когда свои знания, способности, умения используются, реализуются в материальный и моральный достаток. Когда занимаешься любимым делом, которое тебя кормит...»

Эх-ма, есть-то страсть как хочется. На охоту-то налегке пошёл. Хорошо, что тепло оделся... Думал, побраконьерничая, пока охотничий сезон не начался, пока зверь не пуган...

И он стал думать про еду. О том, что неплохо бы уже выйти к людям, определить своё местонахождение, да выбираться домой. Ноги замедлили ход, глаза стали шарить вокруг в поисках чего-нибудь съедобного.

Конец октября. Сытый месяц. Зверьё жирует, запасается на зиму. А чем человек может разжиться?

О! Маньжурский орех!

Он стал собирать орехи, очищая их от чёрной склизкой кожуры. Набив полные карманы, вышел на бережок, выбрал удобные камни и стал разбивать орехи. Получалось плохо. Ядра разлетались вместе с крепкой, словно кость, скорлупой. Он вынул нож и доставал кончиком сердцевину из не расколотых частей. И вдруг вспомнил, что ореховую сердцевину удобнее всего добывать ножом – надо только сколоть острый кончик, наставить лезвие на спайку двух половинок, нажать. А в детстве бабушка Анна Павловна для облегчения калила орехи на печи, орехи от жара лопались, и оставалось только ножом раздвинуть половинки. Так и сделал. Получилось легко и красиво: орехи с хрустом распадались на две створки, обнажая вильчатое, цвета кофе с молоком, ядро.

Расколочил все орехи, потом понавыковыривал ядер, поскладывал в красивую горку. С удовлетворением полюбо-

вался: всё равно что горка плова – и с удовольствием съел. Запил водой – отлично!

Надо сделать запас еды. Он вернулся под ореховые деревья, снял рюкзак и собрал все лежащие в рощице орехи. С удовлетворением взвесил на руке потяжелевший рюкзак – килограммов пять. Значит, питательной сердцевины не менее килограмма. Запас еды на сутки обеспечен. Надел рюкзак на плечи и, повеселевший, зашагал вниз по течению ручья...

Вдруг деревья расступились, и перед его взором раскинулось широкое безлесое пространство. Марь!

– Чёрт меня подери! Это куда меня занесло! Это ж надо, в самые верховья Уссури припёрся!! – невольно в голос запричитал он. – Куда теперь идти? Тут в любую сторону сплошное безлюдье! Чёртовы тигры! – присев на лежащую сушину, продолжал причитать и причитать.

Откинулся спиной на рюкзак, положил поперёк живота карабин и закрыл глаза: «Всё, при-плы-ли...»

Уныние вскоре превратилось в апатию... Безразличие накатило, навалилось тёмной тяжестью. Отрешённость и невосприятие огородило окружающий мир тягучим и липким безвременьем...

«...А дома-то уже небось организовали поиски. Конечно, организовали. А как же. Ведь никому не сказал, куда поехал: место-то секретное, рассчитывал только сам в том кедрачике охотиться, никому не говорил, что нашёл табун кабанов более тридцати голов. Думал же, что буду потихоньку забегать на этот мысок, постреливать сеголетков да подсвинков в ветреную погоду, чтобы как можно дольше не распугать, чтобы табун не ушёл в другое место. Чтобы до снега никто не догадался, где я так успешно охочусь. Чтоб никто не догадался...»

«Никто и не догадается, где меня искать. Не догадается! Никто!»

Блѣклое солнце неосторожно коснулось тяжѣлой, напитанной водой тучи и, зашипев беспомощно, погасло. Надо ночевать. Он встал, осмотрелся вокруг. Нет, не годится. Ночѣвка среди сырых кочек – ни в какие ворота. Надо вернуться к ручью, найти на бережке удобное и сухое место.

Он, с трудом переставляя усталые ноги, побрѣл обратно к ручью. Нашѣл сухой закуток под маленьким обрывчиком, наломал сухих сучьев, нагрѣб сухих листьев, кое-как развѣл костѣр и, невидяще уставившись на огонь, сидел и думал...

«...Ну, допустим, машину найдут быстро. Кто-то же видел, в какую сторону я поехал? Да, проверят все съезды с трассы и найдут. От машины начнут всё вокруг прочѣсывать. Ну, найдут остатки кабана, что задавили тигры. А дальше что? Листва вся истоптана кабанами и тиграми. Никто никогда не догадается, что тигры меня погнали через водораздел в другой район. Никто! Никогда!»

Снова чѣрное уныние стало наваливаться беспросветным небом, вырастая над головой вечным курганом. Но застарелые обиды вдруг вспыхнули и стали разгораться жарким костром.

«Это ж надо, сколько у этого Настевича подлости! Я вывел район с последних мест в пятѣрку сильнейших в крае, а он не то что премию какую-никакую или благодарность-грамоту, а, оказывается, ещё и часть моей зарплаты себе в карман. Принял же на работу начальником отдела, а зарплату, оказывается, платит как заведующему сектором! Что почти в два раза меньше! Попытался возмутиться, так на всё один ответ: «Не нравится – уходи...» Ведь был же коммунистом, вторым секретарѣм райкома. А оказывается, – подлейший человек, вор и беспредельщик. Почему у власти оказываются такие люди?»

Почему почти все богатые – подлейшие люди?

А почему слово «богатый» от слова «Бог»?

А почему слово «победа» от слов «после беды»?
Живу и думаю: «Жизнь – это насмешка?»

Вот и живи, как хочешь. Крутись, чтобы хоть как-то концы с концами сводить, чтобы дети хоть нормально питались. Это ж сколько денег недосчитался семейный бюджет? Так-так, по грубым подсчётам, тысяч на четыреста он только меня ободрал, прикрываясь губернатором Дарькиным. Вот и позарился на этих кабанов. Вот и нарвался на этих тигров...

И свежие обиды стали добавлять масла в огонь.

«А Фролков-то, первый замглавы? Как на выборной кампании схимичил? Деньги агитаторам так и не заплатил, себе всё загрёб... Весь район выпилили. Вывезли тысячи кубометров дуба, липы, ильма, кедра, не считая ель и пихту. А хоть что-то район от этого поимел? Глава и его шушера поимела. И всё пропито, прогуляно, проиграно, прокатано. А как были самые плохие дороги в крае, так и остались. А за этот лес можно было не то что асфальт – паркет уложить через весь район. Школы разваливаются, больницы закрываются, безработица самая большая в крае. Сволочи! Меньше всего думают о развитии района, работают только в угоду своему воровскому начальству и своему карману... А с должностью как обманул: «Проголосуешь за Барабанова – будешь замом». Обдурил, даже глазом не моргнул. «Ничего, отольются кошкам мышкены слёзы». «Боженька – он всё видит». Не к ним, так к их детям всё вернётся. Время воров проходит. Всё проходит. Жаль, что и моё время проходит. Половина взрослой жизни прошла. Что сделано? Что ещё успею сделать? Ага, успею. Уже успел...

О! А что это я себя хороню? Нет-нет, никакого нытья! Надо выспаться, утром решу, куда буду выходить...»

4. СОЗВЕЗДИЕ ТИГРА

Он проснулся от шипящего кашля костра. На раскалённые головёшки из тьмы валились огромные хлопья снега. Хлопья смачно шмякались на горячий свет неистовыми ночными метляками, словно прихлопывая огонь, коротко всхрипывая и шипя. Точь-в-точь, как кашель у старого курильщика. А вокруг уже отсвечивала белым припорошенная земля...

«Метляк – щеголяк, да белоручка, а пчела темна, да на Бога угодила», – говаривал пасечник дед Яшка, обихаживая совхозную пасеку. Любил он пасечное дело, книги читал, переписывался с другими пасечниками. Всё у него было чисто, удобно, ловко. Взятók бывал самый большой, поговорок про пчёл много знал. «Чтоб пчела была сильна, нужна ей зимовка сполна». «Вот и пришла зима, словно в волшебных снах. Видишь – бредёт скрипач, только не плачь, не плачь», – зазвучала в его голове когда-то популярная бардовская песня. Почему скрипач? Куда он бредёт? Непонятная какая-то песня, но грусть вызывает.

Он вжался в тускло поблёскивающий песчаный обрывчик, ощутил спиной отражённое костровое тепло и тут же понял: главное – не промокнуть самому и сохранить огонь. Причём, сохранить огонь важнее: спички при такой непогоде могут слишком быстро закончиться. И тогда... «Нет-нет, я же обещал себе: никаких чёрных мыслей. Никаких!»

Да и вообще... «Клянусь! Никаких чёрных мыслей! Никаких чёрных мыслей!»

И он стал крепким суком ковырять обрывчик, выцарапывая в переплетениях корней свою нору, часто отвлекаясь на то, чтобы его костёр не потух. А его костёр, словно и сам не желая умирать, пищал, скрипел, щёлкал, тужился изо всех сил узкими и тёмными языками огня, упираясь

в тяжёлую и холодную небесную слякоть и не давая ей проникнуть к своему сердцу.

За шиворот от каждого касания к свисающим корням стала сыпаться Земля. Земля – земляца. И снова в голове странным образом всплыло не материальное и бывшее ещё недавно радостным и главным – оформление в пожизненную наследуемую собственность участка земли, а когда-то мельком прочитанное в забайкальской православной газете и не интересное, но теперь вдруг всплывшее и значительное. В газете под заголовком какой-то статьи приводилась цитата Фёдора Михайловича Достоевского: «Земля – всё, а уж из земли и всё остальное: и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь...» А ещё – спасительница. Сколько миллионов своих воинов спасла-уберегла брустверами, окопами, землянками, канавками, ложбинками, а не сумев спасти – схоронила-сохранила, через десятилетия уже рассказывая о своих павших героях-защитниках. Он вспомнил, что на спортивном костюме, надетом под куртку, есть капюшон. Вытянул его из-за ворота, надвинул на голову, снял и положил в сторонке куртку. Налегке удобнее работать: легко поднимать руки – толстые рукава куртки не мешают.

Он выскреб себе просторную нишу, посрезал ножом свисающие корни, поскладывал их в кучу – какая-никакая, а всё же подстилка, подумав, поковырял ещё, чтобы и его костёр поместился в убежище. Потом ещё, повыше, доведя свод до плотной дерновины, с которой почти ничего уже не осыпалось, перенёс рюкзак, тщательно стряхнув мокрый снег, перенёс остатки сухой подстилки, перенёс запас дров, перенёс свой костёр. Для этого настрогал ножом ком сухих стружек, выбрал тлеющую головёшку, сунул её в стружки, дунул несколько раз и, довольный, отпрянул от взвившегося огонька. Поразмыслив ещё, выполз из своей норы и долго собирал сырые сучья, что нащупал ногами под снегом

и складывал их у костерка: лишь бы что-то было, лишь бы что-то тлело...

Несмотря на тяжёлую усталость, сна не было. Он глядел на мерцающие алые угли, на голубые и оранжевые огоньки и вспоминал.

И про раннее-раннее детство, такое раннее, что он и не знал, откуда и почему оно живёт в памяти несколькими яркими эпизодами всю жизнь:

Я помню Свои Первые Следы.
По первому, самому белому снегу.
Самому чистому и мягкому.
В жизни такого снега больше не видел.
Я оставлял счастливую и изящную цепочку отпечатков.
Хотя меня ещё не было, но я уже был
и должен был родиться через девять месяцев 31 июля.
Я оставлял Свои Первые Следы ногами МАМЫ.

Я помню Свою Первую Песню.
В кругу своей многочисленной родни и друзей и подруг.
Самую красивую и нарядную Песню.
Она легко кружилась счастливой радостью
над праздничным столом, не летая, а красиво танцуя.
Никогда больше такой красивой песни я не слышал.
Ведь меня ещё не было, но я пел
Свою Первую Песню на свадьбе родителей голосом МАМЫ.

Я помню Своё Первое Солнце.
Этот необычайно красивый рассвет.
Самый красивый рассвет в жизни,
когда огромные разноцветные звёзды
гасли от неуповимого прикосновения мягких солнечных лучей.
Эти лучи были необычайно мягкими,
потому что я ещё не появился на Свет
и видел Своё Первое Солнце глазами МАМЫ.

И про юность, такую мимолётную и романтическую.

Осенняя девчонка мне подарила грусть...
И зимняя дарила ветра и холод. Пусть...
Но летняя дарила любовь, тепло, цветы!
Весенняя – мечты свои... А что подаришь ты?

И про зрелость, очень трудную, но и очень интересную.

Много было жизнью обещано.
Был я свят, был невиданно клят.
Оказалось, в любви моей женщины
Я нашёл самый главный клад.

Да, нашёл самый главный клад:

Есть женщины красивее тебя,
Но в звёздах слышу лишь твои шаги.

О-хо-хо-х! Как она там? Небось, места себе не находит?
А я-то – вот он. Жив-здоров, только далёк очень...

И услужливая память развернула перед глазами галерею картин прошлого. Вот он и друг Андрей идут пешком восемь километров от Сокольчей до Черноручья, чтобы взять направление на учёбу в сельскохозяйственный институт. Направление поможет при поступлении в случае большого конкурса. Да и повышенную стипендию обеспечит. Это был запасной вариант, а на самом деле друзья готовились поступать в художественное училище. Но тогда они не могли узнать, есть ли в училище отсрочка от армии, а в институте точно была военная кафедра. Да, в то время друзьям не хотелось почему-то в армию. Хотя были не хилыми. Считали, что армия – потеря времени.

А вот приёмная комиссия художественного училища. Откуда пришлось забрать документы, рисунки и скульптуры, так как другу сообщили, что отсрочки не будет, и его заберут в армию через месяц после начала учёбы...

Потом институт, новые друзья, учёба, увлечение спортом и туризмом. И та незабываемая встреча с ней 30 сентября в походе на гору Сестра. Её карие, льющие теплом глаза, её ослепляющая улыбка, её каштановые косы, её неподдельная застенчивость. Когда вся группа, в которой она была, протянула руки для знакомства, а она смутилась и, как ребёнок, спрятала руку за спину. А потом, при устройстве ночлега без палатки у нодьи, она первая откликнулась помогать резать траву для подстилки и старательно перепиливала жёсткие стебли сухой травы и папоротника своим смешным перочинным ножичком. И несчастный случай на горе, когда она, спрыгивая вниз с гранитного уступа, села на торчащее из-за голенища его сапога острое лезвие японского штыка...

Он потом многим рассказывал об этом, и как знать, может, именно эта история дошла до Андрея Макаревича из группы «Машина времени», и он написал свою популярную песню: «...Тонкий шрам на любимой попе – рваная рана в моей душе».

И переход по скользкому бревну, висящему над кипящим среди каменных клыков горным ручьём. Когда вся группа благополучно прошла, а она, дойдя до середины, поскользнулась... И этот рывок за штормовку, когда он успел её поймать и удержать от падения.

Потом золотой костёр под чёрным небом и вдруг начавшийся «звёздный ливень». Когда метеориты летели по нескольку штук одновременно, с разной скоростью, в разных направлениях, разного цвета, оставляя разные следы...

А когда вдруг полетели одновременно восемь звёзд, она спросила, как это можно назвать, он, вспомнив, что восемь

– это число любви, но стесняясь назвать это «Созвездием любви», сказал, что это «Созвездие тигра», благо про тигра только что был разговор, вызванный треском сучьев в отдалении, и все с этим согласились. Согласились, что это такое же редкое явление, как и встреча с тигром. Тысячи людей весь год путешествуют, рыбачат, охотятся, работают в приморской тайге, но встречают тигра единицы. Даже те, кто живёт в тайге бок о бок с тигром, за всю жизнь могут его ни разу не встретить.

И утро следующего дня, когда он чуть свет осторожно встал и, стараясь не шуметь, развёл костерок, повесил котелок и, пока вода грелась, ухитрился наловить мальмы для тройной ухи и для запекания на углях. Потом, собрав разных корешков, ягодок, листиков, стебельков приморских дикоросов, сварганил таёжный компот, да такой, что ничего подобного в жизни не получалось. Золотистого цвета, словно лучшие сорта чая, ароматный до такой степени, словно в котелке поместилась вся тайга, и вкусны-ы-ы-й!.. Хотя и совсем без сахара. Потому что основой послужили сахаристые и наполненные перед зимой питательными веществами корневища шиповника. Именно они придали коричневую золотистость и сладковатый вкус. А остальные ароматы дополнили и лиана лимонника, и стебель элутерококка, и брусничник, и то, и другое, и третье – всё, что под руку попало, и даже пихтовая хвоя... Все были в восторге и, главное, – ей очень понравилось. А затем, по возвращению домой, приснился сон. Где она явилась такая родная-родная...

Следующая картина тоже ясно отпечаталась в памяти. Когда вся группа молча и сосредоточенно торопилась на отходящий автобус, и, предчувствуя скорое расставание, он вдруг произнёс: «Галя, ты мне сегодня приснилась». И вся группа вдруг встала, как вкопанная. И эти сжатые кулаки её жениха и его «отпавшая» от великого удивления

челюсть. А потом молчание наедине, когда все торопливо вместились на гидрометеорологическую тележку, показаться по натянутым над рекой канатам, а ему и ей почему-то места не хватило. Когда из-за сломавшегося автобуса вдруг появились свободные два часа, которые решили посвятить местной достопримечательности – катанию на канатной тележке. И эти смешные рожицы на песке, которые она рассеяно прутиком стала рисовать. И это затянувшееся молчание, нарушенное им рассказом по истории искусства, что, мол, первочеловек именно на песке сделал свои первые рисунки и именно прутиком. Тема разговора её заинтересовала, она стала задавать вопросы, и тут как нельзя кстати пришились знания, полученные им в художественной школе...

5. СНЕГ

Его разбудил снеговой свет. Не влажный холод, мешающий занырнуть в глубокий сон и взбадривающий, как холодная глубина, но к которому он как-то притерпелся и худо-бедно дремал, поджав под себя ноги и засунув ладони под мышки, а именно снеговой свет. Вначале еле заметно подсвечивая под ресницы сомкнутых век, затем всё сильнее и сильнее, словно вся белая округа вбиралась мраком его норы, въедливо освещая и будя его сознание.

Сознание медленно проявляла реальность: мрак его норы, с пяти сторон обступающий тело и вселенскую близину заснеженного мира, светящего за входом. У ног едва дышала теплом горка свежего пепла.

«Сколько выпало снега?» – окончательно разбудил первый вопрос. Встав на четвереньки, он выглянул наружу.

«Фи-фи-фи», – произвольно вырвался озабоченный свист.

«О-бал-деть... Снегу-то по колено! За полночи столько вывалило! Да, хоть и не очень высокие, но горы есть горы», – подытожил потускневший голос.

«Клянусь! Никаких чёрных мыслей!» – взбодрила услужливая память.

Он зачерпнул пригоршню снега и тщательно обтёр им лицо. Потом ещё и ещё, пока не занемели скулы. С силой стёр остатки талого снега с лица, потёр в разных направлениях быстро набравшие тепло щёки.

«Ну, что, го-ре-мы-ка, на-до ид-ти от-сю-до-ва, по-ка мо-роз не шан-да-рах-нул», – внушительно, чеканя каждый слог, приказал себе он.

«А куда же всё-таки лучше идти?.. Куда-куда: куда до людей ближе, куда идти легче, – чуть не по-петушиному закудахтал. А это... крути не крути, а обратно – туда, откуда пришёл. А это... надо идти на восток. Значит, назад по этому же ручью, перевалить хребет, потом идти на северо-восток...»

Приняв решение, он высыпал из рюкзака оставшиеся орехи, с большим неудовольствием отметив для себя, что голод уже начал овладевать всем его организмом и его мыслями, что на это утро ещё худо-бедно запас пищи обеспечит потребности в энергии. Но до вечера ничего уже не останется. Экономить и съедать, например, по два ореха смысла нет, потому как «по глубокому снегу ходить – не целоваться просить». А за день ему во что бы то ни стало нужно совершить переход через водораздел в долину Арзамасовки, где ещё живётся-можетя трём таёжным деревенькам.

Доевши орехи, он тщательно переобулся, вспомнив, как это делал дед, Александр Кириллович, кавалерист-будёновец, а потом фронтовой разведчик. Дед всегда очень внимательно относился к ногам, сапогам, портянкам и ходьбе по тайге: «Ноги в тайге – это жизнь». Достал из рюкзака и разрезал полиэтиленовый мешок, обернул кусками не-

промокаемой плёнки голени, закрепил кусками верёвки, соорудив таким образом высокие голенища, потоптался, проверяя, надёжно ли держится скользкий материал, вскинул на плечо бесполезный карабин, и вдруг его осенило, что в кармане рюкзака есть ещё пяток запасных патронов. Конечно-конечно, как же он мог запомнить, что в прошлом году, положив в рюкзак запасные перчатки, так, на всякий случай, он сунул в перчатки эти патроны, которые мешались в кармане, оказавшись лишними при снаряжении двух обойм для карабина.

Трясущимися руками он расстегнул боковой карман рюкзака, нащупал тяжёлый ком перчаток. Ура! Ура-ура-ура! Теперь есть гарантия, что хоть рябчика сможет подстрелить. А рябчик – это, крути не крути, а обед. Прошарив все закоулки рюкзака, он обнаружил ещё запасной коробок спичек, завернутый в полиэтилен, кусок проволоки и моток верёвки. Отлично! А новый коробок спичек – вообще спасение, потому что... потому что... с вечера ему уже не хотелось думать, что спичек у него осталось всего несколько штук. Что когда останется последняя спичка, придётся идти по тайге с тлеющей головёшкой, перенося таким образом огонь от костра к костру, внимательно следя, чтобы головёшка не потухла.

И, бодрый и весёлый, он шагнул в снег...

Интересно, а что творится сейчас дома? Небось, полным ходом идёт поисковая операция. Идёт-идёт, никакого сомнения. В первый день никто не волновался – это факт. Жена знала, что он на охоте, и забеспокоилась, скорее всего, только ближе к полуночи. Даже если обзвонила родственников, до утра никто ничего – все просто бы ждали. Утром, скорее всего, братья сами стали искать. Во всяком случае, машину они нашли. Пусть не сразу, пусть к вечеру, что скорее всего.

Он ясно себе представил озабоченно поднятые брови Игоря и нахмуренные брови Володи. Сдержанно и скупно они костерят его за то, что своим долгим отсутствием он вынудил их бросить свои дела и заняться поисками: «Не иначе, что-то опять старшой выдумал», – выдавит сквозь плотно сжатые губы средний брат Игорь. «Да, а нам опять расхлёбывать», – сдавленно прогудит младший Владимир.

Вот они увидели его автомобиль, вот внимательно всё оглядывают, видят, что закрыт, стоит наготове, развернувшись к дороге. Вот они стали стрелять вверх, надеясь услышать в ответ его выстрел. А в ответ – тишина.

Вот, оглядев всё вокруг, двинулись вверх по хребтику, прислушиваясь к отдалённому карканью ворон и темнея лицами от нехороших предчувствий.

Вот обнаружили останки кабана, определили, что это работа тигра, и, тревожась, снова стали стрелять вверх...

А что потом? Скорее всего, ходили и искали кругами, время от времени стреляя вверх, пока не стемнело. Потом вернулись к автомобилю, разложили рядом большой костёр. Младший, наверное, остался дежурить у огня, а средний, как бывший сотрудник милиции, поехал собирать всю родню для организации поисков назавтра. А младший всю ночь поддерживает огонь, каждые полчаса стреляя вверх...

А сегодня утром началось прочёсывание... В любом случае началось, даже если там вывалило столько же снега, сколько и здесь. Хотя, вряд ли столько, скорее всего – меньше: всё-таки ближе к морю. И вот идёт цепью множество людей, внимательно всё оглядывая, тыкая палками в каждый холмик. И что же они увидят? Только свежий снег. Ни заломанных веток, ни затёсок на деревьях. Был человек и исчез бесследно...

На снегу не оставишь следы навсегда:
Новым снегом сотрёт Мою Память...

ТЬфу! Тьфу! Тьфу! Как это бесследно? Вон какая тропа остаётся. Начнут же расширять район поиска. Сначала будут искать в радиусе пяти километров, потом в радиусе десяти километров, потом двадцати, тридцати...

А сколько километров я прошёл? Получается, не меньше сорока. Да, в первый день километров двадцать и во второй день столько же. А завтра начнут облёт территории. Конечно, с вертолёта сквозь кроны деревьев трудно определить, кто проложил тропу по глубокому снегу: тигр или кабан. Да и медведи ещё не залегли, тоже у них след похож на человеческий...

Интересно: почему тигры меня так долго и далеко гнали? Почему не вернулись к своей добыче? Почему так демонстративно рыкали и трещали кустами? Наверное, у них тигриная свадьба. Наверное, они «очищали» свою территорию от всех конкурентов. Чтобы их угодня были безопасными для выращивания тигрят. Чтобы никто не пугал их добычу.

Так, отвлекая себя рассуждениями вслух, он брёл и брёл по глубокому снегу, экономно ступая небольшими шагами и часто останавливаясь и присаживаясь на заснеженные валёжины, оглядывая изменившийся пейзаж и подбадривая свои ноги подольше не уставать, не уставать, не уставать, отвлекая свои темнеющие мысли на красоты и сияющую белизну сказочного снежного царства.

А мысли его неудержимо темнели от того, что с каждым километром пологого подъёма к водоразделу, снег становился заметно глубже, тяжелее и холоднее. В очередной раз, смахнув прикладом карабина снег с валёжины, присев на неё и успокаивая дыхание, он стал думать о том, что уже устал, что прошло более половины дня, а водораздельные сопки ещё далеки, что до них сегодня дойти не удастся. Что скорость его движения в четыре-пять раз меньше той, с которой он сюда пришёл. Что снега уже почти по пояс,

а дальше его будет ещё больше. Что дальше начинаются молодые березняки без валёжин и сухостоин. Что дров для зимнего прожорливого костра здесь не найти. Так же такие места избегают и звери, и птицы – тут для них голодно. Что остаётся только три часа светлого времени, а шесть часов потрачены напрасно. И отчаянье вновь на него тяжело навалилось, заслонило туманистой дрожащей пеленой свет, судорожно сдавило дыхание...

«Нет-нет! Клянусь! Никаких чёрных мыслей! Когда гора не идёт к Магомету – Магомет идёт к горе». Значит, в эту сторону нет смысла пробиваться. Слишком глубокий снег на сопках. Значит, надо возвращаться своим следом к своей норе – там дров хватает, ночлег более-менее сносный. А потом... А потом пробиваться через марь на другую сторону долины к подножию горы Облачной – там была на картах обозначена старая дорога геологов...

6. СВОЯ НОРА

Он успел вернуться к своей норе, когда только начало смеркаться. Сел, тупо уставившись на своё кострище. И только холодная пустота голодного желудка заставила сначала бессознательно шарить глазами в поисках пищи, потом вынудила двигаться и руки, и ноги. «Поесть!» – переутомлённому организму необходимо что-то поесть! Он с усилием встал и, сжав зубы, полез в чащобник собирать еду для своего ненасытного спасителя – костра. Еда должна быть сухой и толстой, чтоб как можно реже просыпаться ночью, подкармливая огонь, чтоб горячие огненные языки долго-долго облизывали каждую порцию. И он, старательно выбирая подходящие сухостоины и высохшие сучья, собирал и собирал всю лучшую костровую еду. В колени его иногда кололи острые шипы элеутерококка, но он понача-

лу совершенно не обращал на это внимания, поглощённый только одним: обеспечить себе огонь на всю ночь.

Потом взгляд его стал цепляться за обкусанные изюбрями концевые ветки этого колючего кустарника. Раз, другой, третий, пока его не осенило: изюбри едят эти веточки, несмотря на то, что они очень колючие. Так и он сам, не далее как в июле, во время поисков женьшеня, не раз на ходу обламывал нежные молодые побеги, снимал колючую кожуру и с удовольствием жевал крахмалистые ароматные прутики. Так то в июле! А сейчас побеги задеревеневшие и заледеневшие. Но мысль его уже стала искать, как зарождающийся весенний ручей ищет куда течь, путь к главной цели – насыщению организма. Ещё не зная, как это можно использовать, он, оценив запас дров как достаточный, стал срубить ножом ветви элеутерококка и, натянув на ладони рукава куртки, собирать их в охапку и носить, как и дрова, к своей норе.

Его остановили плотные сумерки. Он вложил нож в ножны, собрал всё, что оставалось, и занялся разжиганием костра. Разведя большой огонь и развесив для просушки носки, стельки, сапоги, он уселся поудобнее, осторожно взял колючий прут и оценивающе стал его оглядывать.

Почки! Все питательные вещества растения к зиме западают в почках. Стараясь не уколоться, отломал несколько почек, обломал тонкие шипы... Вкусно! Надел перчатку, аккуратно стал обламывать почки, крутанув между пальцев, что убирало шипы.

Горсть. Всего лишь жалкая горсть почек. Такая мелочь: почки величиной всего с рисовое зёрнышко. Правда, половина почек на боковых побегах разной длины. Он обломал почку вместе с коротким побегом длиной в один сантиметр. Тщательно обтёр колючки и положил в рот. На удивление, древесина побега оказалась очень рыхлой и легко разжевывалась. Однако, вкусно! А двухсантиметровый побег?..

Результат такой же! А трёхсантиметровый?.. Нет, уже грубовато, и вкус похуже. Он стал обламывать все боковые побеги длиной до двух сантиметров и складывать в кучку. Получилась уже добрая пригоршня. А этот объём еды уже впечатляет.

Ну, что ж, хоть что-то. Он стал брать по одной почке, класть на язык, согревать и медленно и тщательно пережёвывать. Нехорошо. И не очень приятно. Надо их подогреть и съесть тёплыми все сразу. А как? Пошёл же налегке, даже котелка не взял. Расстелил чистую тряпицу, завалявшуюся в рюкзаке, высыпал почки, завязал в узелок, продел сук, раздвинул в костре головёшки и повесил в промежутке, внимательно следя, чтобы пламя не коснулось ткани. Почувствовав приятный аромат элеутерококка, перестал греть узелок, развязал его, набрал щепоть горячих ароматных почек и высыпал в рот... Ох и вкусно!

Как ни старался есть медленнее, но почки быстро закончились. Тогда он взял колючий прут, обухом ножа содрал колючки, нагрел над огнём и стал обглаживать и жевать ароматную тёплую кору. Не так вкусно, как почки, кора очень волокнистая, но жевать что-то надо. Так, нагревая на огне, он стал обглаживать прутья. Насыщения не наступало, челюсти быстро устали жевать жёсткие волокна, но чувство голода заметно притупилось, появилось ощущение лёгкой бодрости, усталость отступила.

Тогда он, содрав с очередной ветки колючки, обухом ножа начал скоблить с коры тончайшие стружки и складывать. Вскоре пред ним лежал объёмный ком измельчённой элеутерококковой коры. Он отщипнул комочек и положил в рот. Да, жевать гораздо легче. Но всё равно, труден этот корм для человеческих зубов. Дай Бог, чтоб и для желудка он оказался сваримым. Хотя, вроде, клетчатка для кишечника полезна.

Повеселевший, он грелся у костра и рассуждал вслух, что элеутерококк не зря дают космонавтам и подводникам, что это лучший стимулятор и тонизатор, повышает физическую и умственную работоспособность, не даёт побочных эффектов, в нём много витаминов и, самое главное, – элеутерококк растёт везде по всей приморской тайге. Потом, вдохновлённый, стал сам себе рассказывать, что есть ещё аралия с подобными свойствами, калапанакс, акантопанакс, ну и лимонник. То есть есть что пожевать, если никого не подстрелит и будет совсем неумогу.

С этим, умиротворённый, он лёг спать.

7. СОН

И приснилось ему нечто невообразимое и необычайное. Будто бы он – шаман. Живёт здесь же, в родных местах в древнем государстве. Дом его стоит на высоком мысу над рекой у впадения таёжного ключа, и прямо из дома ему хорошо видно, как по реке идёт на нерест рыба. Выше по течению реки большая деревня. А ниже, у слияния двух рек, две крепости и несколько больших поселений. И он не простой шаман, а самый сильный в округе. Все его уважают, ничего без него не делается: когда лучше на охоту идти, когда лучше рыбу ловить, когда лучше землю пахать, когда лучше урожай собирать – всё он знает, всё умеет, всё помнит. А ещё он Великий Шаман, хранитель главных сокровищ своего народа – Золотой Богини и Золотого Дракона.

Богиня стоит у квадратной крепости в долине, а Дракон у крепости на горе. Обе статуи из чистого золота размером с человека. Обе обмазаны глиной и накрыты кедровым корьём. И только в Святые Дни Первой и Шестой Луны, он, Великий Шаман, снимает корьё и специальной деревянной колотушкой, под гром барабанов и вой боевых флейт, одним

ударом разбивает глину, и Богиня или Дракон ослепляют народ, собирающийся из всех уголков Великого Государства на эти церемонии. Каждый Удигэ хотя бы раз в жизни должен увидеть Свет Богини и Свет Дракона. Ибо Богиня – символ благополучия, изобилия, плодородия государства. А Дракон – символ силы, величия и отваги народа.

После праздников Великий Шаман своими руками обмазывает святыни толстым слоем глины и укрывает корьём, чтоб не размывали дожди.

Во время праздников Великий Шаман первым начинает обрядовый танец. Кружась и пританцовывая вокруг Богини, он увлекает за собой молодых воинов, и те, следуя за ним, выбирают себе жён. А танцуя вокруг Дракона, Великий Шаман собирает к святыне юношей, успешно прошедших все испытания и танцующих свой первый боевой танец – посвящение в воины.

А ещё Великий Шаман умел лечить самых безнадежных больных и предсказывать будущее. Для этого ему приходилось летать в Созвездие Тигра и советоваться с Живыми Звёздами. Вот и теперь Шаману надо узнать, будет ли мир в его государстве в следующем году. И он стал исполнять свой предполётный танец. Плавно кружась вокруг специального костра, накормленного свежими еловыми веточками, которые, нагревшись, вспыхивали как порох, и лёгкий пепел стремительно улетал ввысь, легонько прихлопывая и пристукивая в диск своего бубна и выпевая Песнь Полёта.

Всё плавней и плавней взмахи его рук, всё сильнее и сильнее толкают его ноги прочь от земли и всё выше и выше каждый прыжок поднимает его над миром. Вот уже совсем близко звёзды, вот он летает среди них, отыскивая Своё Созвездие Тигра. Вот уже показалось оно: восемь живых звёзд, летающие друг за другом, ярко светят разным светом – белым, красным, оранжевым, жёлтым, зелёным,

голубым, синим, фиолетовым. Вот он среди звёзд, кружится вместе с ними и задаёт свои земные вопросы...

Несмотря на холод, просыпаться не хотелось. Слишком яркая, живая и правдивая стояла перед глазами эта прекрасная звёздная картина. Но реальность всё сильнее и сильнее пробуждала сознание, входя холодным воздухом в его зябущие ноздри.

Он нехотя приподнялся, палкой сгрёб угли и добавил приготовленные дрова. Огонь вспыхнул, набрал силу, стало тепло, но спать не хотелось. До рассвета он с удовольствием заново вспоминал и вспоминал в подробностях свой сказочный сон.

Он вспоминал простые и очень удобные дома древних жителей, свой шаманский дом. Эти дома-полуземлянки, очень подходящие для суровой зимы и для жаркого лета. Зимой тёплые дымоходы кан обогревают земляные полы и всё помещение, а летом в жару их холодные камни создают в домах приятную прохладу. Двери у всех домов с восточной стороны. Потому что Удигэ поклоняются восточному утреннему солнцу, и только утренний свет прогоняет из домов злых духов, которые ночью проникают через щели жилищ. Потому что жена солнца – луна, по которой ведётся счёт календарям, – приходит тоже с востока. Потому что зимой сильные холодные ветра в основном дуют с запада. Стены домов и крыши строились из жердей и тщательно обмазывались толстым слоем глины. Самым любимым развлечением всех Удигэ зимними вечерами были сказы. В каждом роду были свои сказители, которые ходили по домам и постоянно ведали о тайнах мира, о прошлых временах, о великих героях страны и о сказочной красоте девушек. Именно от сказителей народ знал историю страны именно такой, какая она была. И если кто-то придумывал что-то красивое, складное, но не такое, как рассказывалось дедами и прадедами, то не уважали таких, не приглашали в дома

и даже прогоняли и проклинали лжецов. А сколько раз переписывалась история России в угоду боярам, князьям и царям? А какая она была на самом деле – история России?

Он вспоминал, как одевались Удигэ, какие украшения создавали, какие обряды проводили, какие песни пели. Невольно из его горла потянулась та самая, из сна, древняя песнь. Закрыв глаза, он полностью погрузился в этот мир забытых звуков и самозабвенно гудел и гудел нескончаемую древнюю песню с непонятными и забытыми словами. Он поджал под себя ноги и легонько раскачивался в такт, различая сквозь приоткрытые веки одобрителное подсвечивание и подпевание языков кострового огня. И словно сама Земля выпевала его голосом, глядела на мир его глазами, изливала свою древнюю планетную сущность через его человеческую душу.

Чёрт возьми! Как они понимали и чувствовали природу! До чего интересно раньше жили люди!

8. МАРЬ

Лишь свет проявил очертания близких кустов, он тщательно обулся и занялся заготовкой элеутерококковых веток. Впереди целый день изнурительной ходьбы по глубокому снегу, и с пустым желудком это очень трудно. Да и неизвестно, будет ли часто в пути встречаться ещё что-нибудь годное в пищу. А почки элеутерококка – ничего: никаких неприятных ощущений. Голод, конечно, полностью не утоляют, но уменьшают его значительно и силы восстанавливают.

Наготовив опять добрую пригоршню почек, он решил их есть на ходу, во время каждой остановки. Оглядел в последний раз своё убежище. «Убежище! Какое точное слово», – подумал он. Выбрал направление на северо-запад,

подобрал лёгкую и крепкую палку, чтобы при ходьбе по мари было на что опереться, шагая по кочкастой мокроте, повесил через голову карабин, чтоб не мешал и рука была свободна, и – «с Богом!» – двинулся в путь.

«Как необычайно тяжело идти по заснеженной и незамёрзшей мари», – уже через пару минут сделал он вывод. Ноги соскальзывают с заснеженных кочек в вязкую мокроту, которая быстро, если не шагнуть дальше, обволакивает и засасывает сапоги. На пути то и дело попадают мелкие валёжины, которые совсем незаметны под снегом и которые так некстати «ставят подножки». Да ещё куртины густого кустарника, через которые пролезть – ну очень тяжело.

Вскоре он понял, что ему нужна и вторая палка для устойчивости, равновесия и страховки. Подходящих сушин не попадалось, пришлось повозиться с молодой лиственницей: мёрзлая древесина, твёрдая, как кость, не поддавалась резке ножом. А удары лезвием выкрашивали лишь маленькие кусочки. Палка получилась тяжеловатой, но зато ровной и крепкой.

Отвлекая себя, он полностью переключился на процесс передвижения по мари. Внимательно вглядывался в снежные бугры, ощупывал палками место, куда надо было сделать очередной шаг. Разговаривал сам с собой, советуясь, надо ли идти прямо или лучше обойти очередные заросли или болотину с большими кочками: через большие кочки идти труднее, под ними больше воды и вязкой грязи.

Солнце робко выползло из-за сопки, и он невольно остановился и залюбовался роскошной зимней картиной. Снова его чувствами завладели воспоминания не о добытых трофеях охоты, не о рекордных рыбах, им пойманных и наполнявших его тогда, как ему казалось, настоящим счастьем. А его чувства снова откликнулись на забытое и читанное и прочувствованное когда-то между делом, второпях, походя. На ум пришли стихи лучшего дальнево-

сточного поэта Геннадия Лысенко: «...Как я мог полюбить закаты, если есть вот такой рассвет?» Он стал вспоминать стихи Лысенко, которые когда-то поразили его своей яркой и сочной правдивой красотой и мудростью: «Ты почувствуй: слеза стекает к горизонту. Подумай ты: солнце в воду лучи макает, тянет радугу из воды. А в лесу паутины просесть, а над лесом меж влажных крон синь такая, что камень бросить – и запрыгает синий гром...» – «...И пусть не нарисована картина, и пусть художник в мире не рождён, но жизнь идёт, и нету середины между последним снегом и дождём». Да, это так: нету середины. Также нет её между последним дождём и первым снегом...

В Природе нет понятия Красоты –
Есть только потребность. Что за диво? –
Снег падает на поздние цветы.
Бесмысленно... Но как красиво!

И он продолжал отвлекать себя, вслух обращая внимание на всё красивое, что попадалось на пути. На искрящиеся всеми цветами радуги ажурные кристаллы ещё рыхлого снега – ветра совсем не было, и снежинки лежат не смятые, не сломанные, не потревоженные. На отдельно стоящие заснеженные деревья и кусты.

А какие на мари деревья? Так себе: в основном чахлые и больные деревца, которые падают, если вырастают чуть больше положенного расти на мари.

Хм! Интересная философия: достиг определённой высоты и ширины – свалил ветер. Корни в грязи не держат большой вес. Попадаются, правда, иногда мудрецы – ухитряются упасть не совсем, а опираются на кочку или валёжину и продолжают расти в наклонном состоянии. Но не очень долго – всё равно под своим уже весом ложится дерево в болото, и хоть продолжают ветки вырастать до разме-

ров взрослого дерева, всё равно – не более установленных Законом Мари пределов.

Но любое чахлое заснеженное деревце имеет привлекательный вид. А если смотреть через него на восходящее солнце – красотища необыкновенная. Да, любой уродец при определённых условиях и угле зрения смотрится принцем. И в жизни так: таких моральных уродов любят красавицы – просто диву даёшься. Хотя красота ровным слоем по всем людям распределена: и по глупым, и по умным, и по подлым, и по честным. Так же, как и талант, и другие человеческие качества. Или это и есть Формула Жизни? И он стал сочинять Свою Формулу Жизни:

Мне очень и очень больно. Жизнь просто невыносима. Давит так, что уже и невмочь. Что же делать?

А-а, пошла она, эта жизнь! Пускай без меня! Раз она меня не уважает, то за что мне её уважать? Живите, как хотите! ... Жизнь без меня? К чему тогда было всё это? Столько всего и всё «коту под хвост»? А родственники и друзья, меня любившие и ценившие? За что подарю им такое горе? Нет, не заслужили они такого «подарка»! Самоубийство не по мне!

Я – не злодей!

Мне очень и очень больно. Жизнь просто невыносима. Давит так, что уже и невмочь. Что же делать?

Вот вражина! Это ж надо быть таким подлецом!/? И как Земля такую сволочь носит? Нет, этого нельзя оставлять безнаказанным. Так-так, надо подумать. Такую бомбу подложить, чтобы наверняка и насмерть. Мгновенная смерть. Или нет, лучше пусть подольше помучается, чтоб всем близким осточертел, чтоб все его тоже проклинали, чтоб все от него отвернулись. А если не отвернутся, а если не проклянут? Ведь есть и приличные люди. И за что с та-

кой сволочью живут и дружбу водят? Может, он не совсем сволочь? Наверное, бывает и хорошим? Скорее всего. А я? Отомщу и буду радоваться? Нет!

Я – не подлец!

Мне очень и очень больно. Жизнь просто невыносима. Давит так, что уже и невмочь. Что же делать?

Пойду напьюсь! Надо снять стресс. Напьюсь до чёртиков. Гульну на пару недель, отрешусь от суровой действительности. А то всё приличный да порядочный. Хочу стать свиньёй! Хочу в запой! ...Чёрт! А ведь будет очень хреново! А если по пьянке накуролесю так, что на всю жизнь несмываемое пятно? А если загнусь от перепоя? И что будут думать про меня? Что слабак? Нет!

Я – не слабак!

Мне очень и очень больно. Жизнь просто невыносима. Давит так, что уже и невмочь. Что же делать?

Прийти в сознание! Где мой ясный ум? Где мои умение и опыт? Где моя воля? Где моё терпение? Где мои руки? Где мои ноги? Где моя голова? Врёшь! Ещё не всё потеряно! Я ещё не всё перепробовал! Я ещё повоюю! Я достоин лучшего!

Я – буду счастлив!

Солнце уже касалось западных гор, когда впереди, сквозь редкие куртины мелколесья, он разглядел темнеющий пойменный лес. Целый день потрачен на каких-то пять-шесть километров! Но сегодняшняя цель достигнута: марь пройдена.

К вечеру заметно потеплело, снег осел и огруз. Шаги давались всё труднее и труднее, сил почти не было, но он точно знал, что ещё немного – и будет в лесу. Неважно, в каком:

в припойменных вербняках или в настоящем смешанном, – в любом случае в лесу всегда есть сушняк для костра, а так требуют костра промокшие загнанные ноги, так жаждет опустошённое, исхолодавшее и изголодавшее тело!

Добредя до леса, он сразу же стал искать место для ночлега. Тут подойдёт любое укрытие, любой выворотень – лишь бы хоть какое-то подобие стенки, какой-то закуток. Вскоре выворотень был найден. Не очень удобный: поверженный великан-кедр высоко над землёй поднял корнями пласт земли, но уже смеркалось, и срочно нужен долгий ночной предноябрьский раннезимний костёр, для которого рядом с кедром было достаточно высохших, изломанных гигантом деревьев и кустов.

Быстро собрав мелкие сухие веточки и сунув под них пучок бересты, он достал запасной коробок спичек и, торопясь, чиркнул. Спичка зашипела, густо задымила, но огня не дала. Он чиркнул второй спичкой – то же самое! Третьей – без результата! Колотясь и трясясь издрогшим телом, он методично, раскрыв от изумления рот, чиркал и чиркал спичками, которые не вспыхивали...

Изменив своим целомудренным привычкам, он сначала вполголоса, потом всё громче и громче, до крика, скверно и похабно стал изрыгать из себя всю услышанную за жизнь самую грязную ругань.

– У-у-у, сволочи! У-у-у, ворюги! У-у-у, вот они, враги народа! У-у-у, вот они, враги России! У-у-у, это ж надо, СПИЧКИ! С БРАКОМ! делать! У-у-у, чтоб вам ни дна, ни покрышки! У-у-у, будьте вы прокляты! У-у-у, это ж надо, ворюги проклятые, такую халтуру забабахать! У-у-у, свежий коробок спичек, недавно куплены, совершенно сухие, не загораются! У-у-у!..

Наконец, наверное, пятнадцатая, а может, и двадцатая спичка, зашипев, вспыхнула, и костёр запылал. Продолжая ругаться и проклинать бракоделов, он таскал и таскал

дрова, пока не завалил ими всё пространство вокруг. Наломав для подстилки лапника от молодых пихточек, он в изнеможении упал возле огня и долго лежал, всхлипывая, словно в истерике, и бормоча, и по-змеиному шипя ругательные слова.

Он долго не мог успокоиться. Нервная встряска, мобилизовав все последние силы организма, долго ещё судорожно и ознобно передёргивала тело, не давая желанного расслабления и отдыха.

«Ангидрит вашу перекиси водорода мать!» – неожиданно всплыло в памяти придуманное другом Андрюхой в юности на уроке химии ругательство. Он стал повторять на все лады это забытое новословие, потом сел, наконец, разулся и с наслаждением протянул угодливым языкам огня свои бесчувственные пятки. Вскрикивая и постанывая, он долго калил их на огне, пока не почувствовал приятную истому, и что пятки уже отогрелись и просят пощады.

«Да, диморфант!» – вдруг громко заявил себе он и, окончательно успокоившись, стал разглядывать злополучный коробок. Ничего необычного, спички как спички. Куплены в начале 2011 года в таёжном Ольгинском районе Приморского края в бывшем геологическом посёлке Щербаковка. Картонный серый коробок. На одной стороне сверху слева голубым напечатано целых два знака «Российский стандарт», справа под широкой горизонтальной линией прописью слово «волна». В центре примитивное изображение костра, ниже крупными печатными буквами слово «СПИЧКИ», ещё ниже ГОСТ 1820-2001.

На другой стороне российский штрих-код с цифрами: 4607103840142. ЗАО «СФ «Белка-Фаворит». 613153, Россия, Кировская область, г. Слободской, ул. Слободская, 53. т\факс: (83362)49-174.

Сами спички нормальной толщины, с нормальными большими головками тёмно-коричневого цвета. Чего ж на

фабрике такого не добавили, что вместо огня только дым и шипение? Серы? Фосфора? Бертолетовой соли?

У-у-у, ироды! Даже на спичках воруют! Кругом воруяги! Впрочем, как говорил известный писатель Варлам Шаламов: «Подлецов везде поровну: что на Колыме, что в Ленинской библиотеке». Такова «се ля ви».

9. УССУРИ

Всю ночь он почти не спал: со всех сторон дуло, костёр быстро прогорал, перетруженные ноги болели, но сильнее всего донимал голод. Он сотни раз себя уговаривал и успокаивал, отвлекал мыслями, разговорами, песнями. Но голод, словно внутренний вакуум, тянул и тянул в себя всё его существо, толкал встать, идти и искать еду.

Но на рассвете на него вдруг навалилась апатия. Он, совершенно изнурённый голодом, холодом, усталостью, всё сидел и сидел у костра, пока солнце не плеснуло прямо ему в глаза ослепляющим светом. Тогда он отвернулся от светила и понемногу стал шевелиться и двигаться, собираясь в путь. Но апатия цепко вцепилась в его тело, в его сознание, и всё дальнейшее происходило как в тумане, нечётко и совершенно отрешённо.

Он, смутно понимая, зачем ему надо идти, собрался, переобулся, натянул на болящие плечи лямки рюкзака, поднял ослабевшими руками тяжеленный карабин. Постоял, словно в раздумье, а на самом деле, мучительно соображая, в какую сторону идти, и побрёл, хромя на обе ноги и постанывая.

Он совершенно машинально обходил упавшие деревья, перешагивал рытвины и колдобины и всё шёл, шёл, повинуюсь не сегодняшнему желанию или воле, а повинуюсь воле вчерашней, позавчерашней, настроившей его

выйти во что бы то ни стало из тайги. Выйти во что бы то ни стало к людям. И эта его вчерашняя воля, как это ни странно, но всё сильнее и сильнее расшевеливала его стылое тело, словно из воздуха внося в его организм вместе с кислородом какую-то новую, необычайно сильную энергию: «Выжить!»...

Выйдя к реке, он приободрился, ожил. Его глаза снова стали зорко оглядывать мир, уши – прислушиваться, ноздри – принюхиваться, руки – толкать, а не тащить палки, ноги – прочнее и устойчивее шагать.

Он вдруг осознал, что вокруг множество звериных следов, и охотничий инстинкт, не как слабый отголосок или отсвет первобытия, а как сильный голос и свет современного мироздания, толкает и толкает вперёд, к зверю, к еде, к жизни.

Зная, что за рекой должна быть дорога, что ему в первую очередь надо на другой берег, он долго лез по завалистому берегу, прежде чем нашёл упавший через воду тополь, по которому смог перебраться на ту сторону. На другом берегу следов зверей было ещё больше, он даже слышал не раз треск убежавших изюбрей, но подобраться к ним в такой густой чаще и тихой погоде было невозможно.

Он вышел на дорогу пополудни. Мягкое первоноябрьское солнце тёплой желтоватой и влажной пеленой отогревало долину Уссури. На придорожных обрывах парили проталины. А на дороге были следы проехавшей грузовой автомашины. Туда и обратно. Здесь бывают люди, и это радует. Радует даже то, что он уже не пропадёт бесследно, без вести.

Увидев по обочинам густые заросли элеутерококка и аралии, он, как зверь, влез в самую чащу и отщипывал, и отщипывал ароматные почки, жуя с наслаждением изюбринный деликатес. Ножом срезав большие шипы аралии вокруг верхушечной почки, отломал её, большую, величиной

с черешню и осторожно стал жевать. Отличный приятный ароматный и мясистый вкус, но в горле надолго осталась стойкая и неприятная горечь.

Кое-как утолив свой лютый голод, он выполз к природному глинистому обрыву и, почувствовав тепло от сухой осыпи, образованной мелкими крошками глины, лёг на неё спиной, подставил ласкающему солнышку лицо и сразу же провалился в сон...

Он спал долго. Полусознание давало сигналы, что пора просыпаться, что низкое и красное закатное солнце вот-вот уйдёт, что с каждой минутой становится холоднее, но измождённое усталое тело цепко держалось за тяжёлый и липкий сон, и сон, придавив веки мягкой ладонью, не пускал сознание выйти наружу.

Разбудил голодный желудок – вдруг с неожиданной силой стал тянуть в себя и к себе всю окружающую плоть, все чувства и мысли. Он резко сел, с удивлением наблюдая, как озноб колотит его остывшее тело, постанывая, встал, машинально побрёл к зарослям элеутерококка, снова пожевал почеч, вышел на дорогу и потащился к закатному свету.

В сотый раз вспоминая когда-то виденную карту верховий Ян-муть-хоу-цзы (Тополёвой реки), или по нынешнему Уссури, он приходил к одному и тому же выводу: до ближайшего посёлка лесорубов Ясного ещё около двадцати километров. А это очень много для такого, как он, доходяги. И погода опять портится. Проснулся отоспавшийся северный ветер, неся с собой настоящий арктический мороз. И сидеть длинную ночь у костра без сна уже выше его сил. Что, пока ноги идут, он будет идти. И никакой гарантии нет, что оставшиеся спички будут зажигаться так, как им положено, скорее всего, весь коробок бракованный.

По следу грузовика идти было легко. Он шёл, поглядывал на звёзды и думал о хорошем: об удачах на рыбалке и на охоте, о минутах, когда бывал счастлив, о хороших людях,

которые ему встречались, об интересных книгах, которые когда-то читал. Он заново всё это вспоминал, заново прошедшая радость его бодрила, мечталось о новых, необычных и интересных мгновениях. И чем дольше он шёл, чем сильнее выбивался из сил, чем сильнее мёрз, тем сильнее и сильнее ему хотелось жить.

Реальность снова ушла из сознания, и если бы его кто-то сейчас спросил, где он, что делает, то вряд ли он на это ответил. А если бы и ответил, то только то, о чём в этот момент думал. Просто очень хотелось дойти, поэтому он мечтал. Просто очень хотелось жить, поэтому он шёл.

Из-за мороза останавливаться он сам себе запретил. Были бы нормальные спички, глядишь, и перевёл бы дух у костерка. Но только одно воспоминание о них у него вызывало яростное негодование: естество у него было по природе добросовестное и аккуратное, и он не позволял себе халтуру и воровство. Ну, разве только иногда по нужде браконьерил, но и то, старался всё восполнить: то солонцы солил в глухих местах, то кедр садил везде, где ходил, то оголтелым хапугам корчи в сети пускал, помогая рыбе доходить до нерестилиц.

Так он шёл ночь напролёт, покачиваясь от усталости и едва волоча ноги. То пел, а то молился, вспомнив стихи Николая Шатрова:

Помоги мне, Господи. Дай силы.
Укрепи мой слишком слабый дух,
Чтобы от рожденья до могилы
Светоч веры в сердце не потух.

Ниспошли на сердце озаренье.
Часто я любовью был томим,
Часто женщину – венец творенья –
Называл я именем Твоим.

Но каким бы тяжким грех тот ни был,
Не студи крови бездумный пыл.
Ты ведь знаешь – я стремился к небу,
На земле богатства не копил.

Разреши мне быть самим собою,
Песни немудреные слагать,
В час тяжёлый говорить с Тобою...
Ниспошли мне эту благодать.

В дни печали, в горестные годы
Озари надеждой неземной.
Веянье покоя и свободы
Да пребудет вечно надо мной.

В остальном – Твоя да будет воля.
Не переча слову Твоему,
Всё, что ниспошлёшь Ты мне на долю,
Всё, Господь, без ропота приму.

А когда освобожусь от тела,
Помяни во царствии Твоём
Сердце, что всегда добра хотело,
Душу, не отравленную злом.

Снова поэтические строки удивительным образом вспоминались и овладевали его чувствами и мыслями, снова именно они влекли его и подталкивали, заставляли шагать и думать о лучшем. Именно поэзия – неумелая своя, когда-то писанная в юные годы, и лучшая русская, как оказалось, легко и прочно лёгшая на сердце, вела его волю. Он много в юности читал, и эти читанные книги, эти книжные миры и судьбы, складно писанные стихотворными строками, теперь, как светящие маяки, манили выжить надеждой и любовью...

Теряя сознание, услышал в небе гул самолёта: пассажирский лайнер летел то ли в Японию, то ли в Америку. Он остановился, поднял лицо, отыскивая среди звёзд разноцветие сигнальных огоньков лайнера, и вдруг впереди и вверху увидел разом сверкнувшие восемь радужных звёзд.

«Созвездие Тигра!» – сразу вспомнил он. Неземная красота снова его взбудрила и увлекла вперёд. С поднятым вверх лицом он снова зашагал, на ощупь ступая по снежной колее. И снова блеснули падающие метеориты. А один крупный болид из-за спины медленно летел через всё небо, оставляя за собой светящийся след, туда, куда шёл он. И этот след, медленно растворяясь во тьме, словно Перст Господень, не просто указывал его путь, но и вёл прочь от смерти, вёл в жизнь. А когда уставшая шея опустила его взор, впереди блеснули огоньки села...

Он не просто идёт против ветра –
За собой оставляет тоннель формой тела.
И не просто идёт он по белому снегу –
Чтобы снег не остался пустынным.
Он не просто поёт, чтобы звуки извлечь, –
Пусть Пространство увидит его изнутри.
Он не просто живёт, где родился, –
Возвращает Земле то, что должен.

Содержание

<i>Синопсис на книгу «Жар-зверь»</i>	3
<i>О книге, об авторе и тиграх</i>	5
Русская я	9
Мать-героиня	12
Красота	15
Тайгиня	23
Жар-зверь	29
Рекорд Гиннеса	32
Суд	37
Чувства сорвавшейся рыбы	39
Глаза	43
Голливуд	45
Обидчик	47
Спасатель	50
Сила жизни	58
Молитва	69
Грешник	81
Находка	91
Конфуз	97
Наука	101
Дик	105
Рука	109
Сиреневая	111
Плен	113
Кормилец	123
Без чёрной дюжины полосок	127
На-на, покури	131

Пагуба	133
Совесть.....	136
Взгляд.....	141
То ли сон, то ли явь?	143
Эти глаза напротив.....	146
Ток	151
Хочешь бежать быстрее?	153
Богатырь.....	157
Нокдаун.....	159
Убей меня червонцем!	161
Сторож.....	164
Противостояние.....	167
Кино.....	171
Ворюга	173
Рыцарь.....	175
Издивок	179
Презиратель	183
Эквилибристика	185
Танк	188
Никогда по тайге не бегай!.....	192
Равновесие	194
Древолаз.....	197
Собачья работа	201
День рождения	203
Русский спор.....	209
Фотоохота	211
Подлятина	215
Интуиция.....	217
Исключительный случай.....	220
Счастливый день	224
Письмо	231

Тигровый отмет	236
Царь-корень	240
Тигролов.....	246
Корневая лихорадка	250
Ничевля	257
Созвездие тигра.....	261
1. Он.....	261
2. Охота.....	262
3. Блуждание	269
4. Созвездие тигра	275
5. Снег.....	281
6. Своя нора.....	286
7. Сон.....	289
8. Марь.....	292
9. Уссури.....	299

ISBN 978-5-6044957-3-5

Олег Вороной

ЖАР-ЗВЕРЬ

*Корректор – Шепитько О.В.
Верстальщик – Юхнова Н.М.*

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru
Подписано в печать 19.11.2021. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,25. Тираж 500 экз. Заказ 1041.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»